

ISSN 0131-2596

охота

сфт

и охотничье хозяйство

9

1997

Фото А. Хохлова
к очерку «За маралами
в Джунгарском Алатау»

ОХОТНИЧЬИ РЕСУРСЫ РОССИИ

А. ТИХОНОВ, биолог-охотовед

В соответствии с требованиями Федерального закона «О животном мире» Правительством Российской Федерации установлен перечень животных, отнесенных к объектам охоты. Этот перечень объединяет около 80 видов млекопитающих и 60 видов птиц, которые традиционно считаются в России охотничьими. Охотничьи угодья России занимают площадь более 1,6 млрд га и по видовому многообразию и хозяйственной ценности обитающих здесь охотничьих животных делают Россию крупнейшей охотничьей державой. Не случайно российские охоты пользуются устойчивым спросом на мировом охотничьем рынке.

Для охраны и рационального использования охотничьих животных необходимо знать состояние их ресурсов. Ежегодная оценка состояния ресурсов охотничьих животных в Российской Федерации проводится Государственной службой учета охотничьих животных России, которая действует в системе Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода России. Данные этой службы, получаемые в результате огромной, кропотливой работы, являются основой для планирования добычи охотничьих животных и выработки стратегии управления их популяциями.

Одними из наиболее ценных охотничьих животных с точки зрения продукции охотничьего промысла и получения охотничьих трофеев являются дикие копытные. На территории России к объектам охоты отнесены: лось, благородный олень (европейский, кавказский, марал и изюбрь), пятнистый олень (за исключением аборигенных популяций, занесенных в Красную книгу Российской Федерации), дикий северный олень (за исключением ново-

земельской популяции — Красная книга РФ), косуля (европейская, сибирская), кабарга (за исключением сахалинской — Красная книга РФ), сайгак, тур (дагестанский, кавказский), снежный баран (за исключением пугоранского и чукотского — Красная книга РФ), сибирский козорог и кабан.

По данным Госохотучета России (Ломанов и др., 1996), численность лосей в республике за последние пять лет сократилась на 26 % и составила в 1995 г. 673 тыс. голов. При этом наибольшее падение численности отмечается в европейской части России. Вместе с тем плотность населения лосей в европейской части России остается существенно выше, чем в азиатской. Пик лосиного промысла пришелся на 1989 г., когда в России было отстреляно 88,3 тыс. лосей из 97,1 тыс. запланированных к добыче. В последующие годы пошло снижение объемов отстрела, и в сезон охоты 1995/1996 г. эта цифра составила около 30 тыс. лосей. Некоторые ученые пытаются связать процесс сокращения численности с тем, что управление популяциями диких копытных животных и освоение их запасов все меньше отвечают требованиям современной науки, ставя в вину специально уполномоченным органам неправильную структуру изъятия различных половозрастных групп животных.

Эта точка зрения несостоятельна. Численность лосей, как и других видов животных, подвержена значительным колебаниям. По данным С. В. Кирикова, в Центральной России в XVIII в. лоси были более редкими, чем медведи, и встречались преимущественно в западной части Центрального края. В Смоленской губернии лоси в конце XVIII в. были наиболее обычны в Бельском и Ельнинском уездах. Кроме того, они отмечались в шести дачах Юхновского уезда, в двух Дорогобужского и в двух Рославльского. В остальных уездах они не встречались. В Тверской губернии лоси заходили только в Весьегонский, Краснохолмский и Вышневолоцкий уезды. В Московской губернии их в конце этого века, по-видимому, не было вовсе или же они были крайне редки. Во Владимирской губернии они населяли леса Муромского и Козельского уездов, в Калужской — Серпейского, Козельского и Перемышльского.

С начала 50-х гг. XIX в. число лосей начало увеличиваться, и они появились во многих местах Центрального края. В середине XX в. С. В. Кириков отмечает поразительное увеличение поголовья и расселение по новым местам такого лесного животного, как лось. Уже в 1950 г. в одной только Смоленской области насчитывали около 1500 лосей, в Калужской области в 1956 г. их было около 1700, а во Владимирской области в 1955 г. — приблизительно 2000. Поразительный рост лосиного стада произошел в 1930—1960-е гг. не только в нашей стране, но и в Скандинавии, Финляндии и на Аляске. Изменения численности и ареала лосей в Швеции были, по существу, такими же, как и в

Летом кабаны придерживаются лесных низовых болот
Фото А. Дигилевича

охота

и охотничье хозяйство 9 1997

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз охотников и рыболовов РФ.

● Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство», 1997

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ВОЛОГДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ул. В. Бабушкина

западных областях бывшего СССР (Кириков, 1966). Этот пример наглядно показывает, что изменения в популяциях лося, происходившие одновременно в столь разных по социальным и политическим условиям странах, вызваны не какими-то внутренними причинами, а являются следствием глобальных экологических ситуаций.

Интересная гипотеза выдвигается на этот счет московским ученым И. Ломановым. По результатам проведенных исследований автор пришел к выводу, что характер размещения населения лося на территории европейской части России определяется в основном обилием наиболее качественных и предпочтительных кормов, главным образом доступных лосю побегов и коры ив и осины. В связи с этим, по мнению И. Ломанова, основной причиной глобальных изменений численности лося и большинства других видов растительных и животных являются циклические колебания количества и качества растительных кормов, зависящих от состояния климатических условий. Вторым по значимости фактором, влияющим на динамику численности диких копытных животных, является их прямое преследование человеком, а также антропогенные преобразования мест обитания этих животных (Ломанов, 1995).

Сравнительный анализ динамики численности лося в Финляндии, где отстрел лося регулируется по полу и возрасту, и в северных, сходных по климатическим условиям областях России показывает, что падение численности вида идет практически синхронно в этих регионах. Нелегальная добыча и хищничество волка нехарактерны для Финляндии. Это лишний раз подтверждает правильность гипотезы о глобальных влияниях климата на численность популяции лося. (Есть и другая точка зрения. См. статью А. Данилкина «О цикличности в динамике численности лося» — № 6. — Редакция.)

В целом по России прослеживается тенденция медленного сокращения численности дикого северного оленя. По данным Госохотчета России (Ломанов и др., 1996), за период с 1990 по 1995 г. численность этого вида сократилась с 1 млн до 972 тыс. голов. Существенно сократились и объемы добычи этих животных. Если в 1989 г. на территории России было добыто 153,1 тыс. диких северных оленей, то в сезоне охоты 1995/1996 г. добыча этого вида составила всего 41,3 тысячи. Сокращение объемов промысла дикого северного оленя вызвано в первую очередь происходящими в стране социально-экономическими явлениями. Так, бывший госпромхоз Главохоты РСФСР «Таймырский», добывавший в год около 50 тыс. диких оленей, в результате проводимых преобразований превратился из крупнейшего и рентабельного агропредприятия Таймыра в жалкий придаток, сидящий на дотации Норильского никелевого комбината, а все промыс-

ловые хозяйства округа добыли в сезоне промысла 1995/1996 г. менее 20 тыс. диких северных оленей. Следует отметить, что в условиях новых экономических отношений вряд ли стоит ожидать значительного подъема оленьего промысла, так как громадные затраты на его организацию делают эту продукцию неконкурентоспособной.

Основной проблемой на сегодняшний день является учет численности диких северных оленей, который можно провести лишь с применением авиации. В условиях хронического невыделения бюджетных средств решить эту проблему нет возможности, а промысловые предприятия, ведущие промысел оленя, финансово несостоятельны и не могут обеспечить выделение соответствующих средств.

Во второй половине XX столетия наблюдается значительное расширение ареала кабана. По данным Госохотчета России (Ломанов и др., 1996), расселение вида в пределах России происходило в двух направлениях: в западной ее части — с юго-запада на северо-восток, в Заволжье и на Урале — с юго-востока на северо-запад. По мнению указанных авторов, Волга в среднем и нижнем течении явилась естественной границей, разделяющей популяции кабана на два потока. В результате популяции вида к западу и востоку от Волги развивались специфично, независимо друг от друга.

Большое влияние на процесс заселения кабаном районов Урала и Западной Сибири оказали проведенные в 80-х гг. выпуски кабана на территории Свердловской и Тюменской областей.

Наибольшее положительное влияние на процесс расселения кабана в России оказало сельское хозяйство, точнее сказать, бесхозяйственность в аграрном производстве. Плохо убираемые, а в отдельных регионах вовсе не убираемые посевы зерновых культур, подсолнечника, корнеплодов создали для кабана устойчивую кормовую базу и позволили ему успешно существовать даже в таких неподходящих регионах для этого вида, как север Карелии, Республика Коми, Архангельская область... Заходы кабанов отмечались в Ханты-Мансийский автономный округ и в Томскую область.

В силу неблагоприятных условий зимовки, резкого сокращения площадей агрокультур и периодических вспышек чумы у свиней численность кабана за последние 5 лет сократилась более чем в 2 раза. Если в 1991 г., по данным Госохотчета России, насчитывалось 300,5 тыс. кабанов, то в 1995 г. численность их составила 160,7 тыс. Соответственно сократилась и добыча этих животных. Наибольшее количество кабанов — 44,5 тыс. — было отстрелено в 1989 г. Уровень добычи этих животных тогда достиг максимальной величины 80,8 % к запланированному объему изъятия. В сезоне охоты 1995/1996 г. добыча кабана составила 10,3 тыс.

По оценкам Госохотчета России,

численность косули в 1995 г. составила 740,8 тыс. В Северо-Западном экономическом районе численность вида в период с 1993 по 1995 г. сократилась на 43 %. В Калининградской области плотность населения косули на 1000 гектаров угодий составляет 6,2 головы, наблюдается небольшое снижение численности.

В Центральном экономическом районе темп падения численности косули в 1995 г. составил 10 %, здесь обитает около 24,5 тыс. этих животных.

По Центрально-Черноземному экономическому району также отмечается уменьшение численности этих животных (Ломанов и др., 1996).

В целом по Российской Федерации численность косули по сравнению с 1991 г. несколько сократилась. Добыча косули в сезоне 1995/1996 г. составила 24,5 тыс. Наибольшее число животных добывается на территории Читинской, Курганской, Амурской областей и Приморского края.

Состояние ресурсов благородного оленя в России достаточно стабильно, его численность на 1995 г. составляет около 160 тыс. Естественный ареал благородного оленя представлен в виде двух изолированных частей — на Кавказе и в Сибири (Ломанов и др., 1996). В результате искусственного расселения благородных оленей они встречаются в отдельных охотничьих хозяйствах Центрального, Центрально-Черноземного, Поволжского экономических районов и в ряде других областей. Добыча благородных оленей составляет около 4 тыс. особей этого вида в год.

Одним из наиболее интересных объектов российской охоты является бурый медведь. Исторический ареал бурого медведя под влиянием хозяйственной деятельности человека сокращается. По данным С. В. Кирикова, в 70—80-х гг. XVIII в. медведи встречались во всех уездах Московской губернии, но наиболее часто — в лесистом Клинском, а реже — в Московском, Звенигородском, Волоколамском, Вере́йском и Подольском.

В Тульской губернии медведи в конце XVIII в. были отмечены лишь в Щегловской и в Малиновской засеках, а во время генерального межевания (1776—1780 гг.) — в Каширском и Алексинском уездах. В 40-х гг. XIX в. в Брянских и Трубчевских лесах медведи не только мяли овсы, но и разоряли борти. В Тульской губернии медведей в это время уже не было (Кириков, 1966).

Во многом сохранению буро́го медведя в областях Центральной России, по-видимому, способствовал процесс целенаправленного уничтожения «неперспективных» деревень.

По данным Госохотчета России, за период с 1991 по 1995 г. отмечалось снижение численности этого вида со 131 до 110 тыс. голов (Ломанов и др., 1996). В Центральном экономическом районе медведь населяет территории Ивановской, Костромской, Смоленской, Тверской и Ярославской областей. На-

ибольшая численность этого вида, по данным учета, отмечается в Костромской (2 тыс.) и в Тверской (1,8 тыс.) областях. Ежегодная добыча бурого медведя составляет около 3 тыс. голов. В 1989 г. при планируемом объеме 8,9 тыс. в России было отстреляно 4,9 тыс. медведей. В европейской части России наибольшее число медведей добывают в Архангельской и Вологодской областях, на Урале — в Пермской и Свердловской областях, на Дальнем Востоке — на территории Камчатской области и Хабаровского края.

Пожалуй, ни одно из охотничьих животных России не вызывает столько интереса и не оценивается столь неоднозначно, как волк. Этот известный персонаж русских сказок не сходит со страниц периодической печати, занимая по праву ведущее место в «рейтинге» охотничьих животных. Такое положение вполне объяснимо. Несмотря на крайне негативное отношение к нему человека, волку удается удерживать устойчивую позицию на подавляющей территории поистине громадного ареала этого хищника. Волк населяет все республики, края, области и автономные округа Российской Федерации, за исключением Сахалинской области.

Отдельные ученые, беря на себя роль «волчьих пастырей», пытаются отрицать необходимость мероприятий по регулированию численности волка в России, ставя под сомнение наносимый этим хищником ущерб. Однако данные учета показывают, что в последние годы численность волка в России неуклонно возрастает. По оценкам Госохотучета России, за период с 1991 по 1995 г. поголовье волка в России увеличилось с 27 до 41 тыс. особей. За обозримый исторический период ареал волка практически не изменился. По данным С. В. Кирикова, в конце XIX в. в Московской губернии волки были обычны и их добывали около 100 шт. в год. В других губерниях Центрального края волков было больше, и они наносили значительный вред (Кириков, 1966).

В настоящее время картина практически не изменилась. Так, в 1994 г. на территории Московской области было добыто 48 волков, в соседней Калужской области — 163, в Смоленской — 276, в Ярославской — 105, в Тверской — 513. Не лучше ситуация с волком и в других регионах. Например, в 1995 г. в Ленинградской области было добыто 246 волков, в Новгородской — 220, в Псковской — 372. По данным Псковского охотуправления, в 1996 г. на территории области от бешеных волков пострадали 13 человек, из них один человек погиб. Точных данных по ущербу, наносимому волком, в настоящее время получить невозможно. Однако, учитывая, что в 1992 г. только на территории Ярославской области волками было уничтожено 117 голов крупного рогатого скота, 1030 овец, 146 лосей и 97 кабанов, ущерб от волка в целом по России огромен.

В России ежегодно добывают около 3 тыс. медведей

Фото А. Хохлова

Ареал соболя в России охватывает Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный экономические районы. По данным Госохотучета России, по состоянию на 1995 г. численность соболя оценивается в 858 тыс. особей. Основные ресурсы соболя сосредоточены в Дальневосточном районе. В этом районе около половины поголовья соболей обитает в Якутии. В Восточно-Сибирском районе численность соболя составляет 34—39 % от общих ресурсов этого вида на территории России, а в Западно-Сибирском — 9—11 % (Ломанов и др., 1996).

К началу 30-х гг. XX в. соболь был истреблен настолько, что сохранился только в отдаленных труднодоступных участках разрозненными очагами. Для его сохранения в 1935 г. был объявлен полный запрет добычи и заготовки соболиных шкур сроком на 5 лет (Павлов и др., 1973). В настоящее время уровень добычи соболя в России колеблется в зависимости от экологических условий и условий промысла. Пик заготовок соболиных шкур приходится на конец 80-х гг. нашего столетия, когда уровень добычи соболя доходил до 250 тыс. штук в год.

Численность рыси в России составляет чуть больше 30 тыс. голов. В Северном экономическом районе к самым продуктивным по рыси относятся южнотаежные районы Вологодской области, но и в целом по области отмечается высокая плотность населения рыси (около 16 рысей на 1000 км²), в Карелии

и Архангельской области — около 7—8 рысей. В Западном экономическом районе ресурсы рыси за последние 5 лет уменьшились на 36,7 %. В центральных областях России численность рыси по сравнению с 1991 г. сократилась на 13 %. В отдельных регионах, расположенных по краям ареала или густо населенных человеком, рыси грозит уничтожение (Ломанов и др., 1996). Добыча рыси в России составляет около 2 тыс. особей в год, в отдельные годы в России заготавливали до 2,5 тыс. этих хищников.

По данным Госохотучета России, на территории нашей страны численность речного бобра составляет около 25 тыс. Наблюдается некоторое снижение поголовья этих животных. Наиболее существенно это снижение идет в Северо-Западном экономическом районе, где численность вида сократилась на 40—43 %. В связи с отсутствием спроса на шкурки промысел бобра в России приходит в упадок. В период активного промысла на территории Российской Федерации заготавливали до 22 тыс. бобровых шкур.

Плесь на р. Усмани

Фото В. Дежкина

ЮБИЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОГО «БОБРОВОГО»

ДЕЖКИН В., ЛИХАЦКИЙ Ю., НИКОЛАЕВ А.

В начале нынешнего года мы торжественно отметили 80-летие со дня рождения заповедника-патриарха, Баргузинского. Над Пушкинской площадью висел небольшой аэростатик с юбилейной надписью, а внизу заинтересованные москвичи живо обсуждали это событие, слушали информацию о старейшем заповеднике России.

Пришел черед других юбиляров. Среди них широко известный в стране и в мире Воронежский заповедник, который многие по привычке именуют «бобровым». Ему исполняется 70 лет. Позади семь сложнейших десятилетий, заполненных различными, подчас драматичными событиями, но и богатыми творческой деятельностью, значительными свершениями на благо родной природы. В журнальной статье не описать и сотой части заповедной истории. Можно подчеркнуть лишь одно несомненное факт: Воронежский заповедник состоялся как одно из ведущих научных и природоохранных учреждений страны. Ему есть что праздновать.

Три сотрудника заповедника — один бывший, работавший в нем в 50-х — начале 60-х гг. (и неоднократно навещавший его впоследствии), и два «действующих» — решили написать о Во-

ронжском заповеднике книгу, посвятив ее юбилейной дате. Это В. В. Дежкин, Ю. П. Лихацкий и А. Г. Николаев. Книга о много-сложной истории заповедника, его делах и главное — о людях будет называться «Легенды и были Усманского бора». Авторы полны желания сохранить в памяти имена многих сотрудников заповедника, своими трудами создавших широкую известность этому выдающемуся памятнику природы России.

Мы помещаем здесь небольшой фрагмент этой книги. Он интересен и информативен, но знающий читатель обнаружит в нем некоторые пробелы. О прошлом Воронежского заповедника нельзя писать, не упомянув о Ю. Н. Куражковском, эрудированном экологе, основателе науки о природопользовании. Следует упомянуть и скромного лесовода Б. Г. Мухина, трудами которого берега заповедных речек покрылись культурами ивы и осины (факт, ныне осуждаемый, но некогда высокоценный). Лесовод-экспериментатор С. А. Казадаев, почвовед Л. С. Голубева, фенолог-энтузиаст Л. А. Гоббе, метеоролог А. П. Булкина... Все они будут упомянуты в книге. Но хочется вспомнить о них и в юбилейной статье. Заповедник создавался и жил и их трудами...

Семьдесят лет человеческой жизни — срок немалый. А для заповедника и его обитателей? Дуб-великан, ровесник заповедника, лишь вступает в пору своей зрелости. Трепетная осинка, увя, уже похожа на древнюю старушку. Сменилось не одно поколение обитателей барсучьих городков и бобровых поселений. Но так же, как и семьдесят лет назад, в кипящей белым цветом черемухе всю ночь напролет поют соловьи, а на седых от заморозков октябрьских зорях гремит над прозрачным лесом призывный рев оленей. Будто кадры старой кинохроники, бегут и бегут перед глазами годы становления и расцвета Воронежского заповедника, его взлеты и падения, мелькают эпизоды, события и судьбы...

Еще не угас пожар гражданской войны, а на территории Воронежской губернии уже работала экспедиция в составе профессора МГУ С. И. Огнева, К. А. Воробьева и В. Г. Гептнера, которая изучала животный мир. Пути-дороги экспедиции пролегли и через Усманский бор, крупнейший лесостепной массив, раскинувшийся к северу от Воронежа на 62 тысячах гектаров. Здесь ученые обследовали поселения бобра, вида, к тому времени исчезающего в России, но сохранившегося на небольшой речке Усмани. В 1922 г. С. И. Огнев обратился в Наркомзем РСФСР с ходатайством об охране бобров и создании на реке Усмани бобрового заповедника. Активным сторонником образования заповедника выступил и лесничий Графского лесничества Н. Н. Спицын, обратившийся в Губземаотдел с соответствующей докладной запиской. Но понадобилось почти два года, чтобы 3 декабря 1923 г. наконец вышел приказ по Воронежскому Губернскому Лесному подотделу Губземаотдела, где говорилось: «В лесничествах Углянском, Графском, Усмано-Борском и Усманском объявляются заповедной полосой Государственного Бобрового Заповедника река Усманка с притоками, река Ивница с притоками, река Мещерка с притоками, река Кривка с притоками, причем от русла указанных выше рек и их притоков, по обе их стороны, прилегающие к ним леса и луговые угодья по одной версте на каждой стороне входят в заповедную полосу».

Итак, на губернском уровне заповедник состоялся. Обычно официальную дату создания заповедника принято определять правительственным постановлением о его организации, хотя она нередко расходится с фактической. Так случилось и с Воронежским заповедником. Только 19 мая 1927 г. было принято постановление Совнаркома РСФСР, утвердившее Положение о Воронежском Государственном охотничьем бобровом заповеднике.

Первые шаги заповедника были направлены в первую очередь на охрану бобра, а также на сохранение своей территории. Начальный штат состоял из заведующего и его помощника, а также четырех сторожей и двух сторо-

жей-чернорабочих. Появившись более или менее гладко на бумаге, в жизни заповедник сразу же стал средоточием социальных, бытовых и культовых проблем. Многие здания Толшевского монастыря, переданные ему, оказались полуразрушенными и в антисанитарном состоянии, гостиница и бывший братский корпус полностью заселены жителями, занявшими эти помещения «явочным» порядком в дни революции, игуменский дом занимал церковный причт.

Условия того времени способствовали быстрой смене директоров, редко кто из них возглавлял заповедник более двух лет. Уманец В. М. (1922—1923 гг.), Зимин С. С. (1923—1924 гг.), Киселев К. А. (1925—1927 гг.), Май-Борода А. Л. (1928—1929 гг.), Канавин А. И. (1931—1933 гг.) — к сожалению, сегодня мы мало знаем о них, их делах и судьбах.

В начале тридцатых годов перед заповедником остро стояли вопросы охраны территории. Формировался штат лесников-наблюдателей, разрабатывались и внедрялись шкалы исков и штрафов. Наказание в 50 рублей (по тем временам — большие деньги) предусматривалось за самовольную рубку леса и «дранье лык», а незаконная охота каралась 25 рублями. Не менее суровые кары грозили за различные виды нарушений и самим жителям центральной усадьбы заповедника. Об этом нам говорит рукописная хроника заповедной жизни — книги приказов. В августе 1932 г. лицам, не имеющим отношения к работе заповедника и нарушающим его режим, предлагалось высылиться с территории Толшей в двухнедельный срок. А за нарушение правил пользова-

ния прорубями в районе бобровой фермы, в которых стирали белье, мартовским приказом 1933 г. в первый раз устанавливался штраф в 5 рублей, во второй — 10 рублей, в третий — выселение из Толшей.

Параллельно с организацией охраны и усилением режима начинают закладываться основы научно-исследовательской деятельности. Образуются био- и метеостанции. Ведется беспощадная борьба с хищниками. Учитываются и маркируются бобровые поселения. Отловленные из них 26 бобров стали первыми поселенцами фермы, образованной осенью 1932 г. В это время в стране широко развернулась кампания по акклиматизации различных видов зверей, которая не обошла стороной и Воронежский заповедник. В год образования боброфермы пойму реки Усмани пытались обживать 9 серебристо-черных лисиц, а на следующий год — 26 скунсов, завезенных из Пушкинского зверосовхоза. Последние вскоре благополучно погибли. Осенью 1933 г. на реку Усмань выпустили 19 американских норок. Единственно удачным оказался завоз большой партии енотовидной собаки (около 100 особей), которая хорошо прижилась и впоследствии доставила немало хлопот наземноживущим обитателям заповедных биоценозов.

20 июля 1934 г. решением ВЦИК и СНК РСФСР заповедная площадь увеличена до 31 043 га и в подчинение переданы три бобровых заказника: Плотовский, Куликовский и Демшинская дача. Это год первых достижений в области охраны и изучения бобра: на бобровой ферме впервые получен приплод в условиях полной неволи; в Лапландс-

Административный и научный центр Воронежского заповедника

Фото В. Дажкина

кий заповедник отправлена на расселение первая партия бобров; в Воронеж издана брошюра В. К. Хлебовича о бобрах. Им же, вместе со старшим егерем Крюковым М. И., обследована река Воронеж с притоками и учтено размещение бобровых семей, опробована методика учета по семьям и дан пересчетный коэффициент для одной бобровой семьи. Если к моменту организации заповедника на реке Усмани насчитывалось не более 20—30 бобров, а в массиве Усманского бора — 11 оленей, то в 1935 г. лишь на заповедной территории было учтено более 450 бобров и 120 оленей.

К 1936 г. в заповеднике создаются научный, лесной и хозяйственный отделы. Штат охраны уже состоял из 30 человек: 6 старших и 24 младших наблюдателей. На усадьбе и лесных кордонах было установлено 11 телефонных аппаратов, а протяженность телефонных линий составила 39 км.

Расширялась тематика лесной и естественноисторической станций. Геоботаником М. В. Николаевской проводилось описание растительности по реке Усмани. Изучался видовой состав фауны позвоночных. Спустя некоторое время энтомолог Б. А. Смирнов организовал лабораторию биологических методов защиты леса.

Благодаря генетическим исследованиям окраски бобров в 1937 г. по реке Хопер в Воронежской области и на реке Северная Печора Коми АССР были созданы чистые популяции черных бобров. Тогда же зоолог Л. С. Лавров возглавил экспедицию по изучению условий обитания белорусских бобров.

На следующий год издается первый выпуск печатных трудов заповедника (впоследствии будет издано еще 22 тома) и защищает кандидатскую диссертацию В. К. Хлебович. Начинает регулярно оформляться «Летопись природы», сегодня в заповеднике 39 книг Летописи.

Война пришла в заповедник с листками мобилизационных предписаний. Почти все его мужское население ушло на фронт. В 1942 г., когда боевые действия разрезали надвое Воронеж, по пыльным дорогам на северо-восток потянулся конный обоз, увозя из Толшей в далекий Мордовский заповедник архив и наиболее ценное имущество. В здании научного отдела развернулся прифронтовой военный госпиталь, а в лесу накапливались войска и техника Воронежского фронта. На центральной усадьбе размещались штабы крупных войсковых соединений.

В это критическое время все племенные бобры фермы были вывезены на лодках и выпущены в Усмань. Было даже принято решение о ликвидации заповедника. Правда, просуществовало оно всего несколько дней. Группа сотрудников во главе с М. П. Скрыбиным пресекла вспыхнувшее было мародерство, в труднейших условиях военного времени восстановив деятельность заповедника. Лишь фронт отка-

тился от стен Воронежа, зверовод С. С. Буцких, который по состоянию здоровья был освобожден от военной службы, сумел снова собрать бобров на ферму. Вскоре возвратился из эвакуации архив, стал работать музей природы. Его посетителями в те дни были солдаты и офицеры маршевых рот.

Воронеж лежал в руинах. По распоряжению Облсполкома у заповедника было изъято торфоболото площадью 255 га и передано Гортопу для разработки торфа, кроме того, Гортоп на протяжении ряда лет вырубал в заповедном лесу в среднем до 85 тысяч кубометров древесины. Вскоре разгорелся скандал, приказом высше рубки были запрещены.

Отгремела война, вернулись домой директор А. В. Булкин, заведующий боброфермой Л. С. Лавров, егеря Крюков М. И., Анохин А. А., экспедитор Якимов Ф. Ф., кузнец Благих Е. П. и другие, но 39 заповедчан навсегда остались на полях сражений. Сегодня их имена высечены на памятной доске главного административного корпуса заповедника.

В послевоенные годы значительно расширился штат работников и круг изучаемых вопросов. Началось широко-масштабное строительство производственных и жилых зданий, доп. оленевых вольер. Поголовье фермы увеличилось до 100 бобров. Возобновились прерванный войной их массовый отлов. За 1945—1947 гг. из заповедника отправлено на расселение 378 бобров.

К заповеднику обращаются взоры крупных ученых. Начало изучению гелиминтозных заболеваний бобров положил видный специалист в этой области профессор И. В. Орлов. В 1947 г. во втором выпуске научных трудов известного воронежского зоолога И. И. Барабаш-Никифоров, совместно с сотрудником заповедника Н. К. Павловским, публикует итоги первой инвентаризации фауны позвоночных животных заповедника. На следующий год здесь организуется лаборатория лесного почвоведения, которой в течение 12 лет руководил крупнейший почвовед профессор Московского университета Н. П. Ремезов. Основной проблемой лаборатории было изучение биологического круговорота веществ в системе лес—почва. В это же время П. А. Мертцем закладывались разноплановые исследования благородного оленя, появились итоговые работы М. В. Николаевской по динамике растительного покрова Воронежского заповедника и М. П. Скрыбина о вековых циклах природных условий и боровой лесной растительности лесостепи.

Конец 40-х, 50-е — начало 60-х гг. по праву считаются порой научного и материально-технического расцвета заповедника. Создавались и оборудовались лаборатории, расширялся и пополнялся музей природы, увеличивался фонд научной библиотеки. Заповедник стал признанным центром по изучению, разведению и расселе-

нию бобров в СССР. Большое внимание уделялось и другим направлениям исследований. Логическим завершением их становились обобщающие публикации и диссертационные работы. В 1953 г. кандидатские диссертации защитили зоолог П. А. Мертц и энтомолог Давнер-Запольский, в 1954 г. — зоолог Л. С. Лавров, в 1958 г. — зоолог И. В. Жарков, в 1960 г. — гелиминтолог В. А. Ромашов, в 1962 г. — почвовед И. К. Свиридова.

В конце 50-х гг. поголовье бобров в заповеднике (без учета заказников) составило 380 особей, оленей — 570. Помимо оленей в начале этого десятилетия заповедный лес самостоятельно освоили кабан и лось, чаще стала встречаться косуля. Растущая плотность копытных животных негативно сказывалась на лесовозобновлении и состоянии отдельных видов деревьев и кустарников. Перенаселенная оленья популяция в суровые зимы несла существенные потери. Дабы избежать гнева московского начальства (что, к слову, не всегда удавалось), в заповеднике стали практиковать широко-масштабные подкормки. Отлов ослабленных оленей по глубокому снегу и сетями не дал желаемых результатов. Не помогла и мастерская стрельба охотоведа И. И. Ковалевского. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны — перенаселенная, прогрессирующая группировка оленей, с другой — растущие объемы выкладываемых для них кормов.

Научный сотрудник В. А. Комаров с 1964 г. начал активно внедрять метод химической иммобилизации оленей, который позволил значительно интенсифицировать и облегчить отлов. Но в конце 60-х гг. группировка оленей заповедника уже находилась на пике своей численности и ловцы физически не могли обеспечить изъятия необходимого количества зверей. Немного позже охотовед Н. М. Комов разрабатывает методику отлова кабанов переносными ловушками. До 1927 г. методом иммобилизации отловлено для расселения 1529 оленей, а ловушками — 640 кабанов.

В последующие семь лет метод химической иммобилизации прошел всестороннюю полевую проверку, был запатентован в США, Канаде и Англии, а воронежскую прописку сменили еще около полутора тысяч оленей. Кроме того, заповедники покинули 88 бобров и 723 кабана. В этот период на базе заповедника состоялись два Всесоюзных совещания по вопросам рационального использования запасов бобра в СССР (всего же их было семь) и первое Всесоюзное совещание по иммобилизации животных.

С переходом заповедника в 1965 г. под крыло Главного Управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Минсельхоза СССР резко возросли ассигнования в материально-техническое оснащение. Строится новое здание амбулатории, мага-

Бобр в заповеднике

Фото Б. Попова

Бобровая «лесосека»

Фото Р. Дормидонтова

зин, 10 деревянных двухквартирных жилых домов, в лесном массиве капитально ремонтируются кордоны. Центральную усадьбу соединяют со станцией Графской надежная электротрасса и асфальтированная шоссейная дорога, через Усмань строится железнодорожный мост. Для обеспечения строительства и других работ в заповеднике создается собственный автопарк из 20 грузовых автомашин и 7 тракторов. Для лесной охраны приобретаются 28 мотоциклов и мопедов.

Традиции не изменились и в конце 70-х — начале 80-х гг. Энергично продолжалось строительство нового административного корпуса, кинотеатра, наливного бассейна для показа бобров. Вводились в эксплуатацию жилые дома, детсад, гараж, большая котельная — постоянная головная боль администрации. В Москве руководство заповедника ругают за неполное освоение средств, выделяемых на капитальное строительство, на многочисленных всесоюзных совещаниях, проходящих в заповеднике, хвалят и ставят в пример. Но никто из участников этих совещаний еще не знал, что грядет перестройка, задавшая один-единственный вопрос: как в пору безденежья все это сохранить, обеспечить теплом и энергией.

В 1985 г. Воронежскому заповеднику присваивается статус биосферного, создается станция фонового мониторинга с лабораторией на центральной усадьбе и полигоном в лесном массиве. Меняются акценты научной деятельности, превалирует мониторинговая тематика. Произошла и смена поколений в научном отделе. Необходимо отдать должное директору В. А. Семенову, который при всей загруженности хозяйственными делами сумел собрать молодой работоспособный коллектив. Продолжил и углубил гельминтологи-

ческие исследования своего отца Б. В. Ромашов. Достойной преемницей М. В. Николаевской и С. В. Голицына оказалась геоботаник Е. А. Стародубцева. П. Д. Венгеровым на принципиально новый уровень выведена орнитологическая тематика.

Быстротечен калейдоскоп заповедной жизни. Начав работать здесь будто вчера, с удивлением замечаешь, что «размываешь» уже второй десяток лет. И в повседневный твой лексикон входят мелодичные названия рек и ручьев, полян и просек: Усмань и Ивница, Змейка и Ржавец, Гусек, Лебязье и Оброчное поля, Кашарная и Развальная просеки. Не все и всегда было гладко в жизни Воронежского заповедника. Были скандалы и склоки, были «слушания» на самом высоком уровне и персональные дела на партбюро, полыхали скоротечные и затяжные конфликты отдельных групп и отделов с администрацией. Словом, было все, что присуще замкнутым коллективам, объединенным единым жизненным пространством.

Наступает момент, когда мы должны спросить себя, так что же есть сегодня Воронежский заповедник? На наш взгляд, это, прежде всего, семидесятилетняя социально-экологическая модель. Модель становления и развития теории и практики заповедной сети Советского Союза и России. Модель, повторяющая все неровности и зигзаги такого развития. Те из «вскрывающих», «порицающих», «осуждающих», которые вчера начинали свои публикации полным перечнем постановлений, решений и материалов съездов, сегодня пытаются обвинять заповедник в неправомерности тех или иных деяний, но необходимо четко представлять следующую: социальная жизнь общества намного скоротечнее природных процессов. Она накладывает свой отпеча-

ток на деятельность коллективов и отдельных лиц. Можно ругать заповедник за акклиматизацию и интродукцию, лесокультурную деятельность и биотехнику. Но вряд ли можно укорять в неискренности лесовода М. П. Скрябина, ратовавшего за реконструкцию считавшихся ранее малоценными осинников и попытку восстановления коренных типов леса; зоолога Л. С. Лаврова — за разработку технологии клеточного разведения бобров, оставшейся невостребованной звероводственной практикой; охотоведа Н. М. Комова, через руки которого прошли многие сотни животных, — за активное выполнение мероприятий по регулированию численности копытных, охотоведа, вставшего в начале 80-х гг. на дороге царьков районного масштаба, балующихся с ружьишком на зеленях. Тогда прокурор с мужественным лицом и светлыми глазами просил для него самой суровой кары. Лишь благодаря откровенному моральному давлению В. М. Пескова и журнала «Охота и охотничье хозяйство» удалось требуемый срок заменить условным наказанием. Как им, честно выполнявшим свои обязанности, а по большому счету — долг, объяснить тонкости, неточности и несовершенство заповедной теории, ее нестыковку в высших кабинетах с самой банальной практикой?

В деятельности Воронежского заповедника, как в зеркале, отразились многие достижения и недостатки заповедной системы. Сейчас это — огромное поле пока еще невостребованной социальной, экономической и экологической информации, ждущее своих пахарей.

В этом здании, бывшем имении князя Голицина, долгие годы размещался знаменитый Московский пушно-меховой институт

Фото А. Севастьянова

МОСКОВСКИЙ ПУШНО- МЕХОВОЙ

С. КОРЫТИН

В двадцати верстах от Москвы, на берегу живописной речки Пехры располагается имение князя Голицина. В зелени старинного парка утопают строения усадьбы с колоннами, фонтанами, изваяниями львов, уютной церковкой. Этому красивейшему месту Подмосковья суждено было стать на долгие годы центром профессиональной подготовки российских охотоведов. Здесь поместился Московский пушно-меховой институт. История этого заведения блистательна и драматична.

В 1927 г. близ подмосковного города Пушкино по инициативе наркома внешней торговли А. И. Микояна построили ферму с целью разведения серебристо-черных лисиц, скунсов, соболей, норок и других ценных пушных зверей. Для руководства новым делом выписали из Германии доктора Шмидта, так как в СССР специалистов, имевших подобные знания и должный опыт, не было. Как оказалось, немец очень многого не знал. Тогда встал вопрос об организации специального института, который бы стал готовить специалистов пушного дела.

Инициативная группа научных работников, в которую входил П. А. Мантейфель, организовала в 1929 г. отделение звероводства и охотоведения в Московском зоотехническом институте, расположенном на Смоленском бульваре в Москве. Не дожидаясь оборудо-

вания аудиторий, начали занятия со студентами в коридорах, во дворе и даже на самом бульваре, где к слушателям нередко присоединялись прохожие и в конце лекций задавали вопросы. Занятия проходили оживленно.

Экономика страны настоятельно требовала развития звероводства и охотоведения, и уже через год, в 1930 г., отделение преобразовалось в самостоятельный Институт пушного звероводства (ИПЗ). Теснота заставляла искать более подходящее место. Комиссия, созданная для этого, предложила упоминавшуюся выше усадьбу Голицинах близ Балашихи. После ремонта именина в 1930 г. институт переехал в него. Поначалу учащимся пришлось жить в окрестных деревеньках, но вскоре, при участии самих студентов, началось сооружение пятиэтажного общежития (легендарной «коробочки»), вместившего более тысячи юношей и девушек. По соседству с институтом располагался недавно построенный Салтыковский зверосовхоз, который служил научной и учебной базой института и был организационно объединен с ним под названием «ВУЗ-совхоз».

В 1931 г. в институте, кроме существующих отделений — охотоведческого, звероводческого, кролиководческого, открыли отделение каракулеводства. Учебное заведение набирало силу и авторитет. В 1933 г. Институту пушного звероводства передали отделение, ко-

торое готовило охотоведов в Ленинградской лесотехнической академии, где в те времена существовала кафедра охотоведения, руководимая известным ученым Г. Г. Доппельмайром. В 1934 г. в Балашиху из Иркутска перебазирували Пушно-сырьевой институт охоткооперации. После этого изменилось название головного института — он стал называться Всесоюзным зоотехническим институтом пушно-сырьевого хозяйства (ВЗИПСХ). В его развитии соперничали две тенденции: зоотехническая и охотоведческая. Отражением этого служила периодическая смена вывесок: в 1939 г. учебное заведение стало опять называться Московским зоотехническим институтом (МЗИ), а с 1944 г. — Московским пушно-меховым институтом.

К этому времени окончательно сформировались структура и профиль «кузницы кадров» для пушного дела страны. В своем составе институт имел четыре факультета: охотоведения-звероводства, товароведения, каракулевод-

ства и ветеринарии. Первый факультет готовил биологов-охотоведов высшей квалификации и звероводов-зоотехников, второй — товароведов пушно-мехового сырья, третий — зоотехников с уклоном в каракулеводство, четвертый — ветеринаров, специализировавшихся в лечении болезней диких зверей, разводимых в неволе и природе, а также каракульских овец.

Близость к столице позволила в короткий срок сформировать великолепный преподавательский состав, укомплектовать специальные кафедры крупными специалистами и выдающимися учеными. Среди них биологи: А. Н. Формозов, С. П. Наумов, Л. В. Шапошников, Н. П. Лавров, С. В. Кириков, А. М. Колосов, Б. А. Кузнецов, А. Г. Томилин, С. Д. Перелешин, С. Н. Боголюбовский, Н. П. Дубинин, В. Г. Стахровский.

Для подготовки студентов-охотоведов были организованы кафедры биологии и систематики промысловых животных (заведовал кафедрой А. Н. Формозов, а затем С. П. Наумов), охотничьего хозяйства (заведующий А. В. Федосов), пушного товароведения (заведовал Б. А. Кузнецов), звероводства (заведовал П. А. Петряев, затем Л. В. Бойцов и позже Е. Д. Ильина). С первых лет организации института занятия с охотоведами по курсу «Вольное звероводство и основы биотехники» вел П. А. Мантейфель. Им была создана новая научная дисциплина охотовед-

ческой науки «Биотехния», которая имела большое значение для последующего развития теории и практики охотничьего хозяйства и сейчас занимает видное место в подготовке охотоведов.

С 1936/37 учебного года кафедры биологии и систематики промысловых животных и охотоведения объединили в одну кафедру биотехнии, руководителем которой стал профессор П. А. Мантейфель. Его влияние на студентов и коллег было велико. Петр Александрович Мантейфель создал свою научную школу. Под его руководством прошли подготовку более тридцати аспирантов очного и заочного обучения.

Среди преподавателей других дисциплин и пришедших в институт позже было немало известных ученых и ярких личностей. В разные годы в институте работали академики: С. С. Петров, Е. К. Алексеев, П. Ф. Рокицкий, В. М. Юдин; профессора: Г. И. Азимов, Н. А. Бобринский, Б. Н. Васин, М. Ф. Габышев, А. Э. Жадовский, А. А. Кальтюгин, А. И. Метелкин, И. Ф. Мокров, Н. П. Наумов, А. Ф. Орлов, М. К. Павлов, А. И. Панин, Е. В. Поздняков, Е. Н. Соколов, И. В. Соснин, Н. Н. Чикилевский, А. А. Фирстов; крупные знатоки своего дела — доценты: А. Д. Буров, С. А. Гусев, П. Г. Забов, С. А. Караев, А. В. Казанский, Р. В. Клер, С. А. Ларин, Д. И. Лисицын, В. И. Маркаров, К. Г. Малышев, Е. Г. Попова, П. Г. Репьев, С. А. Рузский, С. А. Северцов, А. З. Чернов.

Ветеринарный факультет располагал сильным преподавательским составом, включавшим профессоров: В. С. Ершова, А. А. Журавля, Е. А. Зуйкова, С. Я. Любашенко, П. Е. Радкевича, И. Я. Тихонина и И. Г. Шарабрина. Преподаватели С. Я. Любашенко, П. А. Мантейфель и С. С. Перов были удостоены Государственных премий, а Г. И. Азимов, В. М. Юдин и М. Ф. Габышев имели звание заслуженных деятелей науки.

Среди преподавателей были выходцы из старой интеллигенции, люди дворянского сословия, обладавшие высокой общей культурой, прочными нравственными устоями. Их манера поведения, деликатность, доброта положительно действовали на формирование лучших человеческих качеств учащихся. В одном ряду с главным героем рассказа М. А. Булгакова «Собачье сердце» профессором Преображенским стояли и наши учителя: Боголюбский, Мантейфель, Соколов, Перелешин и др. Появлялись в институте, конечно, и Шариковы и Швондеры, но они не делали погоды. Интеллектуальная, нравственная элита незримо передавала эстафету своим ученикам. Среди выпускников МПМИ мало людей, вошедших в противоречие с законом и порядочностью.

Младший преподавательский персонал также подбирался весьма тщательно и состоял, как правило, из людей высокообразованных. С благодарностью студенты вспоминают практи-

ческие занятия, проводившиеся анатомом Е. Г. Андреевой, ботаником П. В. Сергеевой, экономистом Е. И. Сальковой. Среди лаборантов имелось немало толковых, запоминающихся работников. Особое место занимала А. С. Вильканец, бывшая многим поколениям студентов-охотоведов «матерью», вникавшей во все их душевные и материальные трудности. Она помогала не только советом, но и деньгами из неофициального «фонда», пополнявшегося личными средствами П. А. Мантейфеля и А. М. Колосова.

При кафедре биотехнии существовал кружок биологов-охотоведов — одно из лучших и многочисленных научных объединений института. На нем заслушивались научные сообщения студентов и аспирантов, проходивших обучение или закончивших его ранее, а также доклады ученых, приглашавшихся из Москвы и других городов. Особенно запомнились выступления П. П. Смолина, профессоров МГУ С. И. Огнева и Г. П. Дементьева, известного кинолога Э. И. Шерешевского. Некоторые из них привлекались и к чтению отдельных лекций, например Б. М. Житков.

Московский пушно-меховой институт располагал хорошей учебно-производственной базой. Практики по биологии и систематике промысловых животных, экологии, охоттаксации, ботанике и геоботанике проводились в Лосиноостровском учебно-опытном хозяйстве, недалеко от столицы. Последующие учебно-производственные практики студентов по биотехнии и технике охотничьего промысла осуществлялись в учебно-охотничьем хозяйстве института, организованном в Высокинском районе Калужской области. В этом хозяйстве по инициативе П. А. Мантейфеля велись исследовательские работы по domestикации лося. Здесь находилась и первая в стране лосиная фер-

ма с выращенными и прирученными лосями, которых использовали на различных работах.

В пушно-меховом институте охотоведы отличались от других студентов. Они хорошо учились, занимались научной работой, имели успехи в спорте и самостоятельности, выделялись дружностью, спайкой, — не дай бог, если где-то обидели охотоведа. Относились к студентам других факультетов снисходительно, но дружелюбно, а с товароведами — вечное соревнование. И подоплека здесь моральная. Помню шутливый плакатик, повешенный в одной из комнат общежития: «Трепещи товаровед-сребролюбец! Ты не достоин поцеловать и следа блохи, укусившей охотоведа». Охотоведы считали себя подвижниками, увлеченными людьми и высокомерно смотрели на тех, кто стремился к сытости, преуспеванию и благополучию (но охотоведческая фанаберия и кастовость часто сходили на нет, так как среди товароведов было много симпатичных девчонок).

Первый выпуск охотоведов (всего три человека) был в 1930 г. В 1935 г. получили дипломы охотоведов высшей квалификации 62 студента, в 1936 г. — 71. В связи с изменением продолжительности обучения (с 4 до 5 лет), а также досрочным выпуском (при ускоренном прохождении программ во время войны) в 1933, 1939, 1943, 1947 гг. выпусков не было. Всего за 25 лет существования института состоялось 22 выпуска, стали охотоведами 804 человека.

В институте многие студенты приобрели опыт исследовательской работы и, окончив его, становились научными работниками. Так, из 39 охотоведов, окончивших МПМИ в 1952 г., 15 человек получили научные степени, из них 5 — доктора наук. Всего же из 804 охотоведов с дипломами МПМИ защитили кандидатские диссертации 106 человек,

Эта уютная, ныне действующая церковь также входила в архитектурный ансамбль имени Голицына

Фото А. Севастьянова

докторские — 28. Вот фамилии последних: Адамович В. Л., Берзин А. А., Габузов О. С., Граков Н. Н., Давыдов А. Ф., Держин В. В., Добринский Л. Н., Дятлов А. И., Карлухин И. П., Корытин С. А., Кротов Г. П., Кузнецов Г. А., Лавровский А. А., Некипелов Н. В., Павлинин В. Н., Раков Н. Ф., Рапопорт О. Л., Решеткин В. В., Руденчик Ю. В., Русанов Я. С., Салганский А. А., Слудский А. А., Соколов Г. А., Терновский Д. В., Успенский С. М., Фельдшер Л. И., Четвериков А. Г., Чернышов В. И. Из них четверо — А. А. Слудский, О. С. Габузов, Г. А. Кузнецов, Г. Н. Попов — избраны академиками и членами-корреспондентами академий, двоим — Г. А. Кузнецову и В. И. Маслову — присвоено звание заслуженного деятеля науки.

Многие охотоведы профессионально занимались исследовательской работой, не имея научных степеней; из окончивших МПМИ примерно каждый пятый охотовед становился научным сотрудником. Такой высокий процент людей, посвятивших себя науке, не давало ни одно другое высшее учебное заведение, готовившее охотоведов.

Ученые-охотоведы возглавили научные учреждения охотоведческого профиля (О. С. Габузов, В. Ф. Гаврин, Ю. П. Язан), заведовали кафедрами и лабораториями (И. П. Карпухин, А. А. Салганский, Н. С. Свиридов, Н. Н. Бакеев, П. А. Романов и др.). Из среды охотоведов выделилось немало талантливых руководителей в системе ведомств и учреждений, занимавшихся промысловой и спортивной охотой, сельским хозяйством: Л. А. Волянский, Д. И. Иванов, Л. П. Комков, А. А. Косарев, Г. П. Кротов, Н. Ф. Круторогов, В. П. Логинов, И. А. Максимов, В. И. Маслов, В. А. Мелентьев, П. С. Новиков, А. И. Соколов, В. Н. Стребко, Г. А. Трофимов и др. Огромная заслуга в становлении отечественного звероводства принадлежит выпускнику МПМИ В. А. Афанасьеву, долгие годы возглавлявшему Главзверовод. Многие питомцы института награждены орденами и медалями, некоторые удостоены звания Героя Труда. А. А. Слудский и Л. А. Волянский стали лауреатами Государственной премии. Охотоведы отличались на писательском и журналистском поприще. Среди них О. К. Гусев, Г. А. Бабак, А. А. Севастьянов, Г. А. Скребицкий, В. П. Сысоев, Г. А. Успенский.

Экспорт пушнины, включая каракуль, дал стране в 1913 г. 27,9 млн золотых рублей, в 1930 г. — 76,8 млн руб., в 1937 г. — 153,5 млн руб., а в 1938 г. — около 175 млн руб. Доходы, приносимые пушшиной, возрастали и в последующие годы. Подготовка квалифицированных специалистов содействовала продуктивности пушно-мехового дела в стране, и Народный комиссариат внешней торговли, к которому изначально относился институт, был заинтересован в получении «мягкого золота», а потому проявлял к подопечному учебному заведению внимание. В 1944 г.

Кафедра биотехники — сидят слева направо: директор МПМИ И. М. Медведев, профессор П. А. Мантейфель, профессор А. Г. Томилин, доцент С. А. Ларин; стоят: доцент П. Г. Репьев, старший лаборант А. С. Вильканец, лаборант Анна Ивановна и аспирант С. А. Корытин. 1954 год. Последние дни МПМИ

Фото С. Корытина

сам нарком А. И. Микоян приезжал на вечер выпускников института, прихватив с собой пару ящиков армянского коньяка.

После войны Московский пушно-меховой институт был передан в ведение Министерства культуры, а в 1954 г. — в Министерство высшего образования. Институт набрал силу: выпускники наращивали, заинтересованные ведомства требовали расширения факультетов, одна за другой защищались диссертации, регулярно выходили научные труды, учеба в Пушмехе становилась престижной. Американцы сожалели, что у них нет такого института. И вдруг меняют директора. Вместо привычного И. М. Медведева в директорское кресло садится профессор ветеринарии

Завхоз снимает вывеску «МПМИ» и вывешивает новую — «ВСХИЗО»

Фото С. Корытина

В. С. Ершов. А после научной конференции, посвященной 25-летию МПМИ, совершенно неожиданно появляется приказ о... расформировании института. Причины крушения института еще требуют выяснения.

Два курса охотоведов, второй и третий, отправили доучиваться в Иркутск, в местный сельхозинститут, где в 1950 г. начали налаживать подготовку охотоведов для Сибири и Дальнего Востока. Туда же уехали многие бесценные биологические и охотоведческие коллекции, накопленные МПМИ за четверть века. Пятые курсы охотоведов и звероводов передали в Московскую ветеринарную академию, где существовала кафедра звероводства и на которую перешла работать часть преподавателей Пушмеха. Остальных звероводов растолкали по сельхозвузам Свердловска и Барнаула. Подобная участь постигла и студентов других факультетов института. Последний, двадцать второй выпуск охотоведов состоялся в 1956 г., и дипломы им вручал уже ректор Московской ветеринарной академии.

В скором времени пьяноватый завхоз снимал вывеску «МПМИ» и вешал новую — «ВСХИЗО». «Мекка» охотоведов перестала существовать. Этот горестный исторический момент смены вывесок мне случайно удалось запечатлеть на пленку.

Вместе с МПМИ погибла уникальная охотоведческая «цивилизация» со своей культурой, традициями, нравственными устоями, духом романтики. Последствия этого недальновидного акта значительно серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Мы лишились альма-матер, рождавшей «рыцарей» охоты, которые несли не только энтузиазм, но и факел бескорыстия, зажженный в стенах института. Когорта могикиан, противостоящая разгулу скверны, охватившей страну, в том числе и охотничье дело, реддеет. Нужно пополнение.

НЕУСЛЫШАННАЯ ПРАВДА

Из эпистолярного наследия деятелей охраны природы и заповедного дела

Гордость предками возрастает пропорционально дистанции. Еще вчера к некоторым из них относились как к неудачникам, фантазерам, изгоям, не понимая, как много прекрасного и святого они совершили. Их книги не издавались, статьи подолгу лежали в редакциях журналов. Но какая польза от мудрости, которую не оглашают? Их неслышанная правда до сих пор выходит нам боком.

Сейчас мы начинаем переоценивать нашу историю охраны природы и заповедного дела, с горечью ощущая постоянно, как нам необходимы их умные советы, нравственный пример поступков, их твердость и решительность. Мы желаем постичь, как это,

действуя в реальном, но живя в идеальном, они достигли высочайшего.

Благословен, кто вспоминает то, что забыто. Вниманию читателей я хочу предложить отрывки из дневников, выступлений на конференциях, письма, стихи и другие рассыпанные по десяткам государственных и частных архивов остатки их литературного, а точнее, эпистолярного наследия. Эти «крохотки» дороги прежде всего тем, что не подвергались цензуре и сохранили, спасли для нас очень ценные мысли, суждения, взгляды. Многое есть в тех немногих словах.

Владимир БОРЕЙКО

Петр Евгеньевич ВАСИЛЬКОВСКИЙ (1878—1938)

Активный деятель природоохранного и краеведческого движения 20—30-х годов. Популяризатор знаний о природе. Публикуется последнее (известное мне) письмо ученого В. П. Семенову-Тянь-Шанскому, посланное из ссылки. Позже П. Е. Васильковский был репрессирован и расстрелян.

Атбасар
02.12.1936 г.

Глубокоуважаемый Вениамин Петрович!

Вы, вероятно, знаете, что со мной случилась беда. С 4 апреля с. г. я живу в Атбасаре. Это крошечный степной город, о котором в сборнике «Киргизский край» совершенно правильно было сказано, что «это в сущности не город». Он и сейчас таков. Отстоящий в 189 км от железной дороги, Атбасар не приобщен к строительству и спит пока крепким сном. Вот в этом-то сонном царстве я прожил уже 8 месяцев. Никаких подходящих для меня занятий здесь нет и не предвидится. Преподование для меня недоступно, а в местных учреждениях (РИК, райзо, горсовет) такие лица, как я, не нужны. Будь я в каком-либо более крупном городе, я мог бы работать в музее (здесь его, конечно, нет), или в исследовательском учреждении, или, что было бы для меня всего приятнее, по охране природы (например, в заповеднике или по организации охраны природы). Таким пунктом в Казахстане является Алма-Ата.

...Живя здесь с семьей (всех нас четверо) и не имея никакого заработка, я проживаю последние гроши из той в общем ничтожной суммы, которую выручил из продажи моего имущества. Скоро я окажусь в критическом положении. И вот я решил обратиться к Вам. У Вас большие знакомства. Вас так высоко ценят и как ученого, и как создателя замечательного музея. Ваше слово могло бы разом изменить мое тяжкое положение. Может быть, Вы не откажете переговорить с новым непререкаемым секретарем Академии наук

Н. П. Горбуновым обо мне. Последнее время я служил в Ботаническом институте Академии наук (в БИНе), был там награжден грамотой (31.12.1934 г.) и премирован. Я надеюсь, что Всеволод Павлович Савич не откажет дать отзыв (он мне дал прекрасный письменный отзыв) о моей работе. Я мог бы работать в Казахском филиале Академии наук, для которого я в течение всего этого лета собирал жуков, свои сборы, весьма значительные, я уже отослал в Алма-Ату (...), или в Комитете науки по охране природы (организация заповедников и заказников, постанковка в них исследований биологии промысловых животных и проч.). Мне думается, что я мог бы принести пользу в деле выявления и охраны природных богатств Казахстана. Ведь я, как Вы знаете, так давно занимался этими вопросами и так любил это дело.

...Два слова о том, почему я здесь. В точности я этого и сам не знаю, так как никаких статей мне не предъявляли. Думается, что причины могли быть таковыми: 1) я дворянин; 2) в юности я был офицером (в 1905 г. вышел в отставку, с тех пор занимаюсь литературной и научной работой) и 3) мои двоюродные братья и сестра за границей, один из них был командующим войсками Петроградского округа при Керенском. С этим кузенном, да и с дру-

А. П. Семенов-Тянь-Шанский

гими, я в переписке не состоял (...).

Примите уверения в моей сердечной преданности,
П. ВАСИЛЬКОВСКИЙ
(Архив Спб, отд. РАН, ф. 48, оп. 2,
д. 169, лл. 1—4)

Григорий Александрович КОЖЕВНИКОВ (1866—1933)

Классик российского заповедного дела, один из выдающихся пионеров охраны природы, профессор зоологии Московского университета. Публикуемые письма к другому пионеру охраны природы — А. П. Семенову-Тянь-Шанскому — относятся к последнему, самому трагическому и неизвестному периоду жизни Г. А. Кожевникова.

...От всей души приветствую Вас, дорогой мой, приветствую как талантливого и типичного ученого, каким он должен быть в моем представлении. Углубляясь в тончайшие детали науки, Вы не отделяете себя непроницаемой перегородкой от жизни. Вы широко подходили к различным вопросам обществу. Вы интересуетесь и военным, в особенности морским делом.

А как Вы болели за нашу армию и флот во время наших несчастных войн. В области любимой Вами зоологии Вы

широко понимает природу и, зарываясь в книги и ящики с насекомыми, были в то же время и охотником, и защитником природы. Вы умеете комплексно смотреть на природу и комплексно ее понимать. От природы Вы идете к искусству, и не как любитель, а как знаток. Сочетание авторитета в зоологии с авторитетом в области Пушкина и Горация! Какая редкая комбинация.

26.02.1927 г. Москва
Г. КОЖЕВНИКОВ

Спешу сообщить Вам, что бригады «чистильщиков», которые «чистят» Главнауку, усиленно настаивают на закрытии Общества охраны природы, Комитета и ...самого «института» охраны природы как несоответствующего представлениям текущего момента (как говорят представители господствующего класса).

Для нас, биологов, это будет большой удар, но со временем это почувствуют хозяйственники, но будет поздно! Потемкин усиленно защищается, но исход не известен. Хорошо бы подключить академические круги к защите природы

21.01.1930 г. Москва
Г. КОЖЕВНИКОВ

Дорогой Андрей Петрович!

Я глубоко виноват перед Вами. Я не только сам Вам ничего не писал в течение нескольких месяцев, но даже не ответил сразу на Ваше новогоднее приветствие и на вторичную любезную открытку. Причины — психологическая депрессия. Я никогда не был так угнетен обстоятельствами, как теперь.

Во-первых, основная травма — смерть жены, хотя прошло 16 месяцев, составляет общий фон моей психики. Вторая травма — лишение меня кафедры зоологии и третья, недавняя, — с 1 ноября я отчислен от должности директора зоомузея... Затем — острые квартирные притеснения в связи с продолжающимся превращением квартир в лабораторное помещение и, наконец, — причина общая — чувство старости, которое досель не ощущалось мною, а теперь ощущается...

Как компенсацию ...неудач я поведаю Вам, что я все-таки профессор, но не 1 МГУ, а Геолого-Разведочного Института ВСНХ при кафедре палеонтологии, читаю палеонтологам 2 курса «Общую зоологию» и «Сравнительную анатомию беспозвоночных». Это меня утешает. В Тропическом институте Наркомздрава я заведу энтомологическим отделением.

...Правда, мое отчисление было не персональное, а в порядке общего распоряжения — упраздняют всех директоров, получающих особое жалование. Экономия.

27.01.1931 г. Москва
Г. КОЖЕВНИКОВ
(Архив Спб. отд. РАН, ф. 722, оп. 2, д. 499, лл. 14, 82, 93).

Вышел на бабу

НА КОСУЛЮ С МАНКОМ

А. ВАРНАКОВ

Косуля избегает сплошных массивов хвойных лесов. В больших по площади лесах придроживается главным образом опушек по соседству с полянами или лугами. Предпочтение она отдает участкам леса, перемежающимся с открытыми лесными полянами и лугами, лиственным и смешанным лесам, особенно с хорошо развитым лиственным подлеском и травянистым покровом. Лес в первую очередь служит местом отдыха и укрытия от врагов, тогда как открытые участки являются обычно местами жировок. В летние месяцы косули не избегают болотистых мест, поросших высокими травами или редким лесом. Последние предпочитают самки во время рождения и вскармливания молодняка. В лесостепной зоне типичные станции — островные леса и березовые колки, редкостойные дубовые леса с невысоким травянистым покровом, обеспечивающим широкий кругозор отдыхающим животным. Переходы к местам кормежки, водопою и к солонцам совершаются по определенным

маршрутам, на которых косули вытаптывают тропы.

Охотятся на косулю с манком во время гона с середины июля до конца августа, но главным образом в первой половине августа. Охотник пытается путем имитации призывных звуков находящейся в охоте самки с помощью манка подманить самца.

Сначала приходят в охоту, как правило, самки косули на втором году жизни, затем более старые самки. Разгар гона наблюдается обычно с 20 июля по 20 августа. В первой половине августа самцы особенно хорошо идут на призыв самки и звук манка охотника. Это объясняется тем, что к этому времени число находящихся в охоте молодых и старых самок уменьшается, а половой инстинкт самцов еще не угасает. Именно этот период наиболее благоприятен для охоты с манком. Чем позже охотятся с манком, тем удачнее, так как число находящихся в охоте самок резко сокращается, самцы вследствие этого особенно охотно идут на звук манка.

Путем имитации свиста охотник изо-

бражает голос самки, находящейся в охоте. Звуки, издаваемые косулями, можно имитировать естественными и вспомогательными техническими средствами. Для имитации звуков естественными средствами берут лист, стебель злаковой травы или обработанную соответствующим образом соломину ржи. В Сибири и на Дальнем Востоке охотники для изготовления манка используют кусочек бересты. К техническим вспомогательным средствам относятся соответствующие манки.

Естественные вспомогательные средства имеют тот недостаток, что перед использованием их нужно еще изготовить, их хранение и транспортировка сопряжены с трудностями, и, наконец, они часто выходят из строя. Поэтому правильная имитация подманивающих звуков удается с помощью таких манков только очень опытным охотникам. Однако на охоте часто представляется возможность подманить коосулю, а инструмента под рукой нет, иногда искусственный манок может выйти из строя. Поэтому охотник должен быть всегда в состоянии при необходимости вести подманивание с помощью естественных вспомогательных средств.

В начале гона целесообразно манить голосом молодой самки, а в конце — старой. Предварительно следует послушать соответствующие звуки в природе и как следует их запомнить.

Стоящая в августе теплая погода наиболее благоприятна. Особенно бывает удачна охота с манком, если сразу после дождя наступает солнечная погода. Ветреные, холодные и дождливые дни малопригодны для такой охоты. Охота на коосулю с манком ведется в дневное время, что в значительной мере обеспечивает меткий выстрел.

Успех охоты определяется и соотношением полов животных. При преобладании самок самцы могут лишь изредка приходить на звук манка.

Охота с манком характеризуется комбинированием скрадывания и засидки. При таком виде охоты от охотника требуются спокойное поведение и максимальная осторожность. Отстрел можно производить из нарезного оружия или из гладкоствольного. Из нарезного можно применять оружие калибра 5,6 с патроном центрального боя, из охотничьих карабинов — «Барс», можно применять и более крупные калибры, но не более 7,62 мм.

Из гладкоствольного оружия отстрел производят патронами, заряженными крупной дробью (от двух 0 и выше), или мелкой картечью.

Необходимо иметь при себе бинокль. Следует учитывать, что косуля обладает прекрасным обонянием и очень хорошим слухом.

Начинающийся период основного гона можно заметить в конце июля по увеличению числа рытвин и вытопанных площадок, по сломанным сучьям деревьев, а также по двойным дорожкам следов самки и самца.

На широких тропах стоять нет смысла, так как самец их избегает. В несвойственных охотничьих угодьях целесообразно издавать подманивающие звуки, стоя в середине не очень густого леса или рощи. Однако на таком охотничьем участке должны быть утопанные тропинки, позволяющие незаметно подойти туда. Если предполагается, что самец находится в посевах какой-нибудь культуры или в зарослях, не следует становиться в непосредственной близости от этих мест. Часто самец настолько близко подходит к охотнику, что последний не имеет возможности стрелять. Поэтому подавать подманивающие звуки нужно на расстоянии выстрела из хорошего естественного укрытия.

К избранному месту засидки для охоты с манком охотник всегда подкрадывается с подветренной стороны и занимает там позицию при хорошей маскировке таким образом, чтобы у него во все стороны, особенно в направлении по ветру, был достаточный сектор обстрела. (Это необходимо потому, что старые опытные самцы, прежде чем подойти к охотнику, нюхают воздух.)

Лучше всего при подманивании косули сидеть, потому что в этом случае охотник надежно скрыт. Подманивание с успехом можно вести также с невысокого лабаза. Находясь в хорошем укрытии, время от времени рекомендуется ударять палкой по опавшим листьям, чтобы таким образом имитировать шум, создаваемый бегущими косулями.

Во время охоты с манком в поле следует учитывать, что косули скрываются главным образом в посевах зерновых, чаще всего во ржи. В этом случае рекомендуется на границе поля зерновых с более низкорослой культурой установить переносную лестницу для засидки или переносной лабаз, спрятав их в надежном укрытии, чтобы оттуда вести подманивание и иметь возможность вести стрельбу по выходящим из посева самцам. Успешно можно стрелять из вырытой на поле с низкорослой культурой ямы.

Прибыв на место для засидки, охотник на первые 10 минут затаивается, чтобы дать возможность успокоиться насторожившемуся животному. Затем он издает несколько негромких подманивающих звуков. Тихое подманивание необходимо потому, что самец может находиться поблизости, и в этом случае слишком громкие звуки манка могут вызвать у него недоверие. Через несколько минут охотник начинает подманивать самца вновь, но на этот раз несколько громче, а еще через 5 минут он издает подманивающие звуки еще большей громкости. После этого охотник затаивается на 15 минут и, если самец не подходит, осторожно переходит на другое место, где все повторяется сначала. Решающей при этом является 15-минутная пауза, так как самец иногда подходит незаметно для охотника и преждевременный уход с

места может испугать его.

Если самец подошел, но продолжает оставаться в укрытии, нужно еще раз попытаться подманить его, чтобы он вышел на открытое место под выстрел. В этом случае подманивание также надо вести тихо, без фальшивых тонов, чтобы самец не убежал.

Если на звук манка прибегают самки, то охотник, очевидно, имитировал крик косуленка. В этом случае нужно обязательно выждать 10 минут. Если вслед за самкой не приходит самец, охотник может покинуть место засидки.

Подманиваемый самец ведет себя по-разному, чаще всего он, разъяренный «любовной» страстью, стремительно бросается на охотника, но иногда, опустив нос к земле, осторожно подкрадывается, как лисица, или многократно останавливается. Если самец стоит вне досягаемости выстрела, то охотник при дальнейшем подманивании должен быть очень осторожен, так как насторожившееся животное очень внимательно следит за местом стоянки охотника. Пришедшим на звук манка самцам, которые не подлежат отстрелу, охотник по возможности не должен показываться.

На трудно просматриваемой местности и при охоте на старого, опытного самца более целесообразно охотиться с манком вдвоем. При этом один охотник находится на засидке и издает подманивающие звуки, а другой — стоит на расстоянии 50—60 м от первого по направлению ветра, где он может встретить выстрелом идущего на звук манка, нюхающего воздух самца. При такой охоте оба охотника должны заранее условиться о точном местонахождении друг друга, не покидать свои места и стрелять только в оговоренных заранее секторах.

Самцов, которые не приходят на обычный звук манка, можно подманить имитацией особенно сильного свиста.

Поскольку слабые, уродливые, с недоразвитыми рогами, а также безрогие самцы наиболее охотно идут на звук манка, охота с манком во время гона необычайно важна для селективного отстрела самцов.

Охота с манком отлично подходит и для выборочного отстрела самок и теллят осенью. В это время имитацией крика теленка можно подманить самку, за которой обычно следуют телята. Охотник в этом случае с близкого расстояния может сделать соответствующий выбор и отстрелять только самых слабых теллят, непродуктивных самок, молодых 2-летних самок...

Любого злоупотребления манком, особенно постоянного свиста, да еще к тому же фальшивого, следует избегать. Такие звуки не подманивают коосулю, а наоборот, отпугивают ее. Неправильной охотой с манком можно не только напугать самца, но и нарушить гон на данном участке охотничьего хозяйства.

АМУРСКИЙ ЛЕСНОЙ КОТ

С. КУЧЕРЕНКО,
кандидат биологических наук

Амурский, или дальневосточный, лесной кот — типичный представитель семейства кошачьих из рода мелких кошек. Он похож на домашнего кота, но гораздо больших размеров, выше поставлен на ногах, его тело заметно сжато с боков, сужена и голова в скулах. Баков нет, ушные раковины маленькие, хвост довольно пушистый, немного короче половины длины тела (42%). В общем, это стройный и красивый зверь, несколько напоминающий небольшую рысь.

Длина тела взрослого самца от 60 до 85 см (в среднем 67 см), вес — от 3500 до 9914 г; самки заметно меньше: длина тела 61—77 см, вес — 3200—4500 г.

В литературе отмечаются находки очень крупных лесных котов: длина тела одного была 103 и хвоста 42 см, другого — 107 и 44 см соответственно (Зубаровский, 1939). Весили они, очевидно, до 10 кг. Н. А. Байков (1915) пишет, что в Уссурийском крае водятся лесные коты, длина тела которых 85 см, хвоста — 36 см, и более мелкие: 70 и 28 см соответственно. Как видно, амурский лесной кот гораздо больше среднеевропейского сородича.

Череп этого зверя имеет типичную «кошачью» форму и контуры. У него короткая широкая лицевая часть, вытянутая мозговая коробка, неширокие скуловые дуги, слабовыпуклый профиль без изгибов и уступов, хорошо развиты надглазничные отростки и затылочный гребень. Клыки длинные, тонкие и острые.

Волосной покров равномерной высоты. В зимнем меху на спине на квадратном сантиметре насчитывается около 7 тыс. волосков, на брюхе — 2 тыс., из них недлинных тонких остевых — 230—240 и около 70 соответственно. Летний волос гораздо реже.

В общих чертах окраска дикого кота ржавчато-пятнистая, причем яркость пятен не всегда одинакова: у отдельных особей она резкая и контрастная — или едва заметная, при этом не по всему телу. Однако в большинстве случаев она настолько типична и характерна, что узнается кот с первого взгляда.

Общий фон окраски верхней части тела в основном серовато-палевый или буроватый с рыжими или ржавыми оттенками, низу он постепенно светлеет до белесо-охристого цвета по низу тела и очень светлого, почти белого, на подбородке, горле, груди и животе.

По основному фону разбросаны округлые или овальные пятна диаметром

1—2 см с очертаниями различной резкости, ржаво-коричневого цвета с оттенками. Густота пятен у разных особей варьирует. По хребту они образуют 3—4 узких полосы, иногда сливающиеся в широкий ремень. На горле, шее, груди и животе пятна крупнее, ярче и сливаются в поперечные ряды. На ногах крап мельчает. На хвосте пятнистость переходит в поперечную полосатость, кончик его темный.

По окраске головы амурский лесной кот отличается от других родственных видов и домашних кошек сразу и безошибочно. Она очень пестрая и контрастная, с белыми, рыжевато-коричневыми и темными пятнами и полосами. На лбу четко выделяются две белые полосы, тянущиеся от внутренних углов глаз к теменю. Снаружи они как бы подведены темными контурами, между ними широкая темно-рыжая полоса. Щеки светлые. Тильная сторона уха белая, с черно-белой верхинкой.

Амурский лесной кот — оригинальный представитель семейства кошачьих. Острейшие, круто загнутые когти позволяют ему легко лазать по деревьям, а довольно длинные ноги — делать стремительные прыжки до 3—3,5 м и быстро бегать. Лесной кот хорошо плавает. Силы у него достаточно для того, чтобы задавить молодую косулю или месячных поросенка, изюбренка, олененка в отсутствие матери. Как и большинство кошачьих, этот зверь имеет отличный слух, хорошее зрение и слабоватое обоняние.

Амурский лесной кот — типично хищное животное, напоминающее своими повадками рысь. Ведет он очень скрытный ночной образ жизни, и увидеть его удается немногим. Этот кот до сих пор плохо изучен и подробности его жизни пока неизвестны.

Дикий кот Амуро-Уссурийского края — спокойный и неторопливый, даже медлительный хищник. Ходит осторожно и неспоро, постоянно внимательно оглядывая местность, присматриваясь и прислушиваясь. С шага на рысь переходит редко и в основном на ровных местах. Лишь бросается он на добычу да спасается от врагов на прыжках. В манере поиска на охоте амурский лесной кот — почти полная противоположность харзе.

Кот очень не любит холода, но особенно снега. Бывает, что не все особи дотягивают до весны. Выпадение раннего и глубокого снега для популяции дальневосточного дикого кота означает бедствие.

В снегу он глубоко вязнет, а потому все время стремится ходить под валежинами и навесами скал, в крупнокаменистых россыпях, на речных наледях и наплесках в прибойной морской полосе, подолгу сидит на деревьях, упорно карауля добычу.

Полевые признаки лесного кота — типичные следы кошачьего рисунка величиной заметно побольше, чем у домашней кошки: средний размер отпечатка передней лапы 36х38 мм, задней — 36х30 мм. След значительно меньше, чем у рыси, к тому же подошва лап кота не опушена, как у этой более крупной кошки, хорошо приспособившейся к обитанию в более суровых таежных условиях. Внешним же видом кот легко отличается от рыси характерной окраской, отсутствием кисточек на ушах, длиной ног и хвоста.

В Амуро-Уссурийском крае находится крайняя северо-восточная окраина обширного видового ареала. Распространение кота здесь показывалось на 30-е гг. весьма схематично и во многом неточно Зубаровским (1939), но с тех пор оно часто и совершенно необоснованно повторяется и даже вошло в серьезное многотомное исследование по млекопитающим Советского Союза (Гептнер, Слудский, 1972).

Дальневосточный лесной кот — типичный представитель маньчжуро-приамурской фауны. Наиболее характерные места его обитания — разреженные и мозаичные широколиственные леса и кустарниковые заросли, произрастающие по предгорьям, долинам рек и их берегам, невысоким увалам. В горы выше 500 м кот не поднимается. Довольно обычен он вокруг окултуренных ландшафтов на юге Приморья, особенно на сухих каменистых склонах сопков, по увалистым закраинам сельскохозяйственных полей. В елово-пихтовых и лиственничных лесах встречать кота нам не приходилось, да и не может он там обитать. Очень редок этот выходец из теплой Юго-Восточной Азии и в сме-

шанных лесах, особенно в сплошных и со значительным участием хвойных пород, в том числе и корейского кедра.

Граница распространения дикого kota тесно увязывается с распределением снежного покрова. На северном пределе ареала она практически не заходит за линию средней высоты снега в 30 см. Южнее р. Большая Уссурка лесной кот заселяет несколько более многоснежные предгорья Сихотэ-Алиня, переживая периоды с относительно высокими снегами (до 40 см) на крутых южных склонах и обрывисто-каменистых участках, где благодаря значительной солнечной освещенности поверхность снежного покрова плотная и почти всегда имеются участки малоснежья, даже оголенные места.

Но лучшие обиталища этого зверя находятся на крайнем юге Приморья в зоне 15–20-сантиметровых глубин снежного покрова и с продолжительностью его залегания до 60–80, максимум до 100 дней. Как правило, это южные отроги Сихотэ-Алиня, полоса дубово-широколиственных, разреженных полями и полянами, лесосеками, пустырями и лугами лесов от залива Петра Великого до оз. Ханка, вокруг него и по долинам рек Суйфун, Комиссаровка, Илистая.

Характерно, что распространение и биотопическое распределение амурского лесного kota тесно совпадают с местами обитания маньчжурского зайца. Они издревле образуют тесную видовую пару хищник — жертва. Маньчжурский заяц — излюбленный объект охоты kota, и ареал этого хищника налегает на восстановленный ареал зайца. Места современного оптимума их ареалов во многом совпадают: лучшие биотопы зайца также находятся в низкогорных и равнинных малоснежных районах Приморья, на речных террасах и увалах, поросших разреженными, в первую очередь дубовыми, лесами с зарослями леспедецы, лещин и других кустарников в толеске, по берегам и поймам рек. И тот и другой зверь не любят снега, придерживаются зимой крутых южных склонов и скалистых участков.

Тесно связано распространение kota и с ареалом фазана. Еще 40–50 лет назад эта птица в Приморье и Южном Приамурье была столь многочисленной, что добыча за день 20–30 фазанов на ружье не удивляла. В несколько раз больше было фазанов в прошлом веке (Пржевальский, 1870).

Излюбленные места обитания фазана — закрайки полей рядом с перелесками и кустарниковыми зарослями, луга по увалам. Концентрируется же и многочисленная эта птица в зоне малоснежья. И это — те же излюбленные биотопы амурского kota. В 50-х гг. нам приходилось видеть поразительно много фазанов на заброшенных и заросших полях на крайнем юге Приморья — неподалеку от оз. Хасан. И там же во множестве водились дикие коты. Здесь уместно будет отметить, что обитание

Амурский лесной кот похож на домашнего kota, но значительно крупнее и выше на ногах
Фото Ю. Шибнева

этого хищника вовсе не обязательно связано с лесом.

Судя по опросу промысловиков и охотников старшего поколения, а также по некоторым литературным источникам и сопоставлению комплекса экологических факторов Амуро-Уссурийского края, восстановленная граница амурского лесного kota проходила через низовья Зеи и Бури, захватывала горы Малого Хингана, южную часть бассейна Тунгуски с Куром и Урми, а вниз по Амуру достигала устья Горина. На Сихотэ-Алине былой ареал лесного kota захватывал его западный макросклон, огибая верхние половины бассейнов Гура, Анюя, Хора, Бикина и Большой Уссурки, на восточный же макросклон граница выходила через истоки Уссури и предгорьями поднималась до устьев Нельмы и Ботчи.

К настоящему времени площадь ареала хищника резко сократилась. Зона устойчивого обитания занимает теперь лишь южную часть Приморского края с долиной Уссури выше Лесозаводска, Ханкайскую равнину, южные и юго-восточные склоны Сихотэ-Алиня к северу до пос. Пластун, побережье залива Петра Великого с островами Русским и Аскольдом и низкогорье вдоль госграницы южнее оз. Ханка.

Показатели современных плотностей населения kota для различных районов распространения в настоящее время весьма невелики. В лучших местах обитания один кот приходится в среднем на 10 км². В наиболее благоприятных условиях на этой площади живут до 4–6 зверей. Такие плотности, для дальневосточного лесного kota высокие, характерны для оснований гор и невысоких увалов, долин рек, окраин лесов, в первую очередь дубняков с леспедецей и лещиной, и чем южнее, тем больше котов. Оптимум условий для них здесь определяется предельной малоснежностью, обилием скальных обнажений,

крутых сопков, обрывистых распадков с сильно захлапленными листопадными лесами и разреженными зарослями сухих кустарников, перемежающихся с лугами. Весьма благоприятен для дикого kota берег Японского моря.

В зоне типичных мест обитания один кот приходится на 40–80 км², остальную же территорию он заселяет настолько редко, что часто на сотнях квадратных километров не встречается ни одного его следа.

Численность амурского лесного kota более или менее обстоятельно никто никогда еще не пытался определить. В 30-х гг., когда в Приморском крае заготавливали в среднем 140 его шкур в год, поголовье, очевидно, исчислялось в 15–20 тыс. особей. В Хабаровском же крае и Амурской области оно и в то время вряд ли превышало 2–3 тыс. голов.

Исходя из приведенных выше современных плотностей населения, численность этого вида в регионе, вероятно, находится в пределах 1–1,5 тыс. особей, а из этого количества не менее 95 % обитает на юге Приморского края.

Амурский лесной кот, как выходец из теплых стран Юго-Восточной Азии, в Амуро-Уссурийском крае обитает в песчаных условиях северной окраины ареала. Мозаично обитая на и без того весьма ограниченной территории, он зимой концентрируется на южных подножьях возвышений, в узком прибрежье моря со скалистыми берегами, в хорошо освещенных распадках и оврагах, в захлапленных старых гарях и перестойных лесах, где снега нет или, по крайней мере, его мало и он уплотнен, имеются проталины, есть возможность ходить под буреломом. В периодически случающаяся многоснежье дикий кот, бедствуя, выходит к сельским околицам, полям с выдувами, стогами и скирдами, на речные наледи, в прибрежную полосу в бухтах и заливах, где ищет

скудный корм. В это время он часто держится в биотопах горала, переживающего многоснежье.

В период залегания снега, особенно более 15-сантиметровой глубины, а также в холода активность этого типичного «южанина» резко падает. Вынужденно бодрствуя, он ищет малоснежья для поисков какого-либо корма. Пользуясь накопленным с осени основательным запасом жира, кот подолгу не выходит из своего убежища, отсыпаясь в нем безвылазно до 8—10 суток, а возможно, и больше. На юге Приморья в местах с заведомо известным обитанием семей лесного кота мы при охотах и экскурсиях в ноябре—феврале подолгу не видели его следов, хотя с осени, по первым снегам, их было много и много становилось в марте, когда поверх наста и на проталины ложились легкие весенние пороши.

Вероятно, поэтому среди зоологов и охотоведов издавна бьтует мнение, что, во-первых, поголовье кота очень мало даже в самых лучших его биотопах, а во-вторых — кот откочевывает с выпадением снега. Приходилось слышать сообщения охотоведов о том, что на пеших зимних маршрутах по югу Приморья в сотни километров им не приходилось встречать следов кота даже вдоль Амурского залива и на Борисовском плато. На самом же деле он там живет, и в немалом числе. А все дело в том, что живет он зимою чрезвычайно скрытно.

Логово кот обычно устраивает в дуплах стоящих сухих или полуповаленных деревьев, а также в небольших пещерах и пустотах, в камнях с выходами теплого «земного» воздуха. Лишь там он чувствует себя в безопасности. С меньшей охотой он селится в норах, между корнями деревьев и камнями, под валежником. Гнездо хорошо утеплено. Летом же этот зверь может залечь в любом подходящем для отдыха месте.

Амурский лесной кот — сумеречно-ночной хищник. Днем он, как правило, отсиживается в своем гнезде, из которого его выгнать очень трудно. Даже выстрелами. Его суточный ход — крайне изменчивая величина. Летом, весной и осенью он проходит за ночь 3—4 км, обследуя площадь около 0,5 км², в неблагоприятных же, особенно зимних, условиях может ограничиться 200—300 м, большая часть которых пролегает с валежины на валежину, по деревьям, под завалами каменных глыб и на весами скал. У этого зверя удивительная способность ходить, не оставляя следов.

Протяженность суточного хода определяется наличием кормов и сытостью, а также погодными условиями. Как и большинство кошачьих, лесной кот ленив и всему предпочитает сон в тепле и покое. Много ходят лишь голодные особи в бескормицу. Осенью, при обилии пищи, кот стремится есть больше, а двигаться как можно меньше, усиленно накапливая жир для переживания зимнего неблагоприятия.

В этом мы убедились, наблюдая жизнь полуприрученного кота на лесном кордоне на юге Приморья.

Но все это — лишь отрывочные сведения по экологии этого зверя, остающегося таинственным до сих пор, хотя редким уже успели его сделать, а во многих обширных районах и вообще истребить.

Основными кормовыми объектами лесного кота являются маньчжурский заяц, бурундук, мышевидные грызуны, особенно восточная полевка, различные птицы, в том числе фазан и рябчик. Не в пример домашней кошке, он не боится воды, подолгу кормится вдоль берегов водоемов, ловит лягушек, куликов, уток, ондатру и даже рыбу, которую ест весьма охотно. Летом кот ищет и разоряет птичьи гнезда как на земле, так и на деревьях, кустарниках, среди ползатоленных кочек, причем ищет активно и далеко не безуспешно. Весной разыскивает и давит молодняк косули, крупные же самцы нападают и на взрослых. При случае «берет» колонка, норку и ласку, хотя ест их не всегда. На морском побережье охотно и подолгу бродит вдоль прибойной полосы, отыскивая в выброшках и поедая рыб, креветок, реже голотурий и других морских животных.

Обеспеченность этого кота пищей на протяжении года неравномерна. В бесснежный период, особенно в период вегетации растительности, он, как правило, сыт, в любое время имея возможность добыть 10—15 мелких млекопитающих, ловить которых он большой мастер. В настоящее время, когда маньчжурских зайцев становится все меньше, мелкие млекопитающие в питании хищника получают всевозрастающую роль. Однако в снежный период года, не умея мышковать по-лисьи, кот добывает их с большим трудом. Он охотится на зайцев, в том числе и на беляка, рябчика, фазана, разыскивает дупла с дятлами и летягами, гайна белок... И все же часто голодает, особенно после выпадения глубоких снегов в начале зимы. У вскрытых котов, добытых в такое бедственное время, желудки чаще всего оказываются пустыми или содержат балластный корм.

Кот среднего веса (4—6 кг) в сутки съедает 500—600 г мяса. Рябчика для полного насыщения ему хватает. Крупная голодная особь осиливает фазана. Маньчжурского зайца ест несколько суток, тщательно пряча недоеденное.

Амурский лесной кот — близкий родственник домашней кошки и в размножении во многом ей подобен. Гон у него проходит в марте, когда становится тепло и образуются многочисленные проталины. Часто в это время брачные партнеры держатся парами, однако случаются и кошачьи неурядицы, когда около самки собирается несколько самцов. Брачные крики диких котов похожи на те, что издают домашние, только они громче и грубее.

Беременность длится около двух месяцев. Время появления котят приуро-

чивается обычно к середине — концу мая. В Сихотэ-Алинском заповеднике у самки, добытой 7 мая, было обнаружено восемь хорошо сформированных эмбрионов (Бромлей, письм. сообщ.).

В помете бывает два-восемь, но чаще три-шесть, в среднем же около четырех детенышей. Развиты они плохо, глухи и слепы, но покрыты ювенильной шерсткой рыжевато-бурой окраски, с «рисунком» мордочки и характером пятнистости, как у родителей.

Самка держится с выводком до глубокой осени, когда молодые становятся в размерах лишь на немного меньше взрослых: в длину тело самочки короче материнского на 10—15 %, хотя в весе уступает ей на 30—40 %. Молодые самцы в размерах занимают промежуточное положение между матерью и сестрами. Осенью с самкой встречаются обычно два-три ее сеголетка, что свидетельствует о довольно высокой смертности молодняка в период его весенне-летнего роста.

Дикий кот легко скрещивается с домашним. Потомки по нраву и образу жизни получаются более похожими на дикого родителя: они злобны и дики, однако в окраске волосяного покрова занимают промежуточное положение.

Несмотря на определенное родство с домашней кошкой, лесной кот с трудом поддается приручению и дрессировке. Даже пойманные котятками и выращенные заботливой рукой человека, эти звери не становятся ручными и при первой возможности убегают в лес, не всегда возвращаясь.

Но помеси дикого кота с домашним к человеку все же привыкают, особенно гибридные самки. Они замечательно красивы, стройны, чистоплотны и довольно ласковы. На лесных кордонах и дачах они на ночь уходят на охоту, возвращаясь к утру сытыми. Днем подолгу спят. Гибридные кошки наследуют больше черт дикого родителя, чем домашнего. Гетерозисные экземпляры имеют очень крупные размеры.

Какого-либо практического значения амурский лесной кот не имеет, зато велика его научная и эстетическая роль. В научном плане большой интерес представляет способность типично южных зверей приспосабливаться к существованию в крайне экстремальных для них экологических условиях. Кстати, это в полной мере свойственно горалу и пятнистому оленю, тигру и барсу, харзе и маньчжурскому зайцу. Что касается эстетической роли амурского лесного кота, то он не менее экзотичен, чем другие «южане», как бы прописанные природой в Амуро-Уссурийском крае в порядке трудного эксперимента. И потому нахождение его в Российской Красной книге редких и исчезающих животных вполне закономерно.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН

«СЕЗОН УДАЧНОЙ ОХОТЫ»

предлагает товары - почтой

Утиные и гусиные чучела, манки обычные и электронные, камуфлированная одежда и спецобувь, лодки, палатки, кожаные фляжки (от 0,5 до 3л), оптика и многие другие необходимые охотнику и рыболову товары производства ведущих зарубежных и отечественных производителей - все в одном месте!

Минимальный заказ товара - 1 000 000 рублей

Стоимость доставки - 25% - 40% (в зависимости от региона)

Предоплата - 40%

*Приглашаем к сотрудничеству региональных дилеров
Вышлем расширенный прейскурант для оптовиков*

Росохотрыболовсоюз

125212, Москва, Головинское ш., 1А, офис 408

Центральный дом охотника и рыболова

«Сезон удачной охоты»

По всем вопросам

Тел.: (095) 459-09-65. Факс: (095) 452-11-13

ФОТОКОНКУРС

**«ОХОТА
И ПРИРОДА»—
1997**

Редакция журнала

**«ОХОТА
И ОХОТНИЧЬЕ
ХОЗЯЙСТВО»**

проводит фотоконкурс

**«Охота и природа»—
1997**

*Подробную информацию
о фотоконкурсе
см. в № 1, 1997*

**ВЫПОЛНЯЕМ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ ОХОТНИКОВ
НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ**

**ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ
И СНАРЯЖЕНИЯ**

**ЗАПРОСИТЕ У НАС
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ ЦЕН
ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО, НАРЕЗНОГО
И КОМБИНИРОВАННОГО ОРУЖИЯ**

**И ВЫБЕРИТЕ
СВОЕ РУЖЬЕ**

МК-ТУР, Москва, 117049, ул. Б.Якиманка, 39

тел.: (095) 230-18-15; факс: 230-21-17

В. БИРЮКОВ,
гл. специалист по экологическому
мониторингу Нижневартовского
института природопользования

НА ОБИ

С городами Сургутом и Нижневартовском мы связываем обычно представления о широчайшем размахе нефтяных и газовых промыслов в Западной Сибири. Кажется, что природа там окончательно загублена и главным ценителям ее — охотникам и

рыболовам делать здесь больше нечего. Предлагаемая вниманию читателей статья интересна тем, что рассказывает о действительном состоянии природы в одном из названных районов — Нижневартовском.

Как ни странно, но хороших мест для охоты в Нижневартовском районе не так уж много. Большинство красивых угодий изуродованы при обустройстве месторождений. Там не хочется охотиться, даже если дичи много. Так, зайцы и куропатки многочисленны на трассах ЛЭП, но ходить там очень трудно — срубленные молодые деревья брошены на месте, а споткнуться и упасть на густо торчащие острые пенки просто опасно. Рыбу на некоторых месторождениях можно собирать прямо руками, например, когда прорвет трубу с водой, используемой для поддержания пластового давления, высоко минерализованной и лишенной кислорода. Такого рода «охота» и «рыбалка» доставляют удовольствие только браконьерам.

Значительная часть незатронутых территорий распределена в качестве родовых угодий коренного населения. Для многих из них, не имеющих никаких доходов, кроме получаемых от традиционных промыслов, — это единственная возможность выжить. К сожалению, родовые угодья невелики: 15 тыс. га родового владения не обогащают своего владельца. Конечно, кроме соболя, в наших угодьях есть еще белка, норка, выдра и ондатра, но либо они ценятся низко, либо добыть их на воде трудно. Приемные цены на любую пушнину оставляют желать мно-

го лучшего. Рыбой северные притоки Оби небогаты, хотя щука в них водится крупная. Но муксун, нельма, сырок (так у нас зовут пелядь), осетр и стерлядь, обитающие в Оби, туда не доходят. Лосей тоже стало мало; ханты жалуются, что вертолетные браконьеры бьют их прямо на территории родовых угодий. Хорошо хоть глухарей и рябчиков хватает, но последних ханты добывают редко — разве что на приманку для соболя — больно мелкая добыча для выстрела. Так что сейчас жизнь у профессиональных охотников очень нелегкая.

Мое любимое место — не только для охоты — река Сабун. Она образуется из двух речек (Сармсабун и Глубокий Сабун) и, пропетляв по тайге и болотам с севера на юг, впадает в реку Вах — приток Оби. Сама Обь пересекает лишь краешек Нижневартовского района, так что основными реками у нас являются Вах и Аган. Места на Сабуне не похожи на те, что знакомы большинству городских жителей. Наш город строился в болотах, засыпаемых песком, благодаря которому сейчас очень напоминает приморский курорт. Правда, Обь, на правом берегу которой стоит Нижневартовск, мало похожа на море в первую очередь своей коричневой, как чай, водой. Болота у нас моховые; по ним забавно ходить, собирая клюкву, — как по упругой пе-

рине. Обычно на болотах растут чахлые сосны, кустарники и багульник, часто встречается роснянка. Самые заметные жители болот — травник, дупель, бекас, турухтан, большой и малый кроншнепы и трясогузки. В лесах Среднего Приобья главное дерево — сосна. Но также много березы, осины, ольхи, ивы. Реже встречаются участки, заросшие кедром, шиповником, малиной, черникой и смородиной. Совсем редкими стали земляника и великолепная княженика.

Богаты наши леса грибами. Правда, местные грибники знают их плохо: берут белые, подосиновики (красноголовники), подберезовики (обабки), маслята, опята и, конечно, грузди. Мало кто знает дождевики, свинушки, рядовки и даже рыжики. А о редких даже у нас ежовике и китайском грибе-рогатике, похожем на ветку коралла, вообще никто не слышал.

Из животных на глаза чаще всего попадают белки, бурундуки, кедровки, дятлы и мелкие певчие птицы, около рек летом всегда много чаек. Животный мир Северного Приобья, особенно с учетом мигрирующих видов, очень богат. Многие из них — в первую очередь хищные птицы (скопа, сапсан, орлан-белохвост, гнездящийся и на Сабуне) — занесены в Красную книгу. К счастью, у нас их вроде не обижают. В районе постоянно обитает или встречается 19 видов охотничьих зверей и 8 промысловых видов птиц. Наиболее широко распространены медведь, заяц-беляк, белка, ондатра, американская и европейская норки, глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка; из водоплавающих: серый гусь, кряква, шилохвость и большой крохаль. За последние годы заметно сократилась численность лося, соболя, лисицы, барсука и выдры. Всегда были и остаются редкими росомаха, волк, рысь, а также дикий северный олень и песец, заходящие в район по речным долинам во время осенне-зимних миграций. Сокращению численности животных способствует не столько браконьерство, заметно влияющее на фауну в основном около обжитых территорий, сколько замещение высокопродуктивных спелых темнохвойных лесов молодыми мелколиственными. Это происходит не только в результате вырубок, но и при гидропромыве песка, разливах нефти и пластовых вод, а также подтоплении участков леса поверхностными водами при строительстве дорог и трубопроводов. Большие площади леса гибнут

Река Сабун

Фото автора

И ЕЕ ПРИТОКАХ

от пожаров, что заставляет городскую и районную администрацию закрывать жителям доступ в лес в пожароопасный сезон.

Заяц-беляк предпочитает смешанные темнохвойные леса поймы и долины рек с разнообразной кустарниковой растительностью, но неплохо чувствует себя и в молодых порослях ивы, березы и осины. В годы высокой численности его плотность достигает 20 особей/км². То же касается и лося, но близость человека не позволяет ему достигать плотности более 0,2 особи/км².

Наиболее ценными угодьями для соболя и белки являются зрелые смешанные темнохвойные массивы с примесью кедра. Они формируются даже не десятки, а сотни лет, и при их гибели ценные пушные звери вынуждены покидать свои участки, вторгаясь в уже занятые, и вступать в борьбу, не способствующую росту их популяции. Но если белка при достатке кормов довольно легко адаптируется к непривычным условиям и наращивает свою численность, то соболь просто исчезает. Впрочем, сейчас, при сокращении объемов нефтедобычи и соответственно уменьшении фактора беспокойства, численность промысловых животных может возрасти.

Огромные площади водно-болотных угодий способствуют увеличению численности и расселению ондатры; захламленные буреломом берега рек пришлились по вкусу американской норки, вытесняющей европейскую. Даже на обжитых территориях очень много куликов, на которых у нас практически не охотятся.

Собольные угодья хороши и для глухаря. Там его численность достигает в среднем 10 особей/км². Тетерев предпочитает сосново-березовые леса с ягодными болотами; там же часто попадаются стаи куропаток, зимой собирающиеся по берегам рек и ручьев. Рябчик обитает практически во всех биотопах, но предпочитает смешанные приречные гривы с примесью кедра. На реках и озерах гнездится много гусей и уток, которые, как и кулики, не очень привлекают местных охотников.

Такое разнообразие делает Западную Сибирь очень привлекательной для охотников, но, чтобы охота была удачной, надо хорошо знать тайгу и строго соблюдать как охотничьи традиции, так и сложившиеся нормы безопасности, оплаченные множеством человеческих жизней.

Охотиться около города практически не на кого (разве что на белку, ондатру или зайца), да и нельзя — зеленая зона. Другое дело на севере района. «Черные» леса там тоже есть и тоже сплошь завалены буреломом. Дичи в них много, но передвигаться трудно, тем бо-

лее что бурелом чередуется с верховыми болотами, которые встречаются даже на высоких ярах. Но там уже можно попасть в настоящий ягельный бор. Это необычная формация, на нее похожи только буковые леса, также просматриваемые насквозь, с таким же мягким ковром под ногами — только не из ягеля, а из опавших листьев. Но если буковый лес темный и мрачный, то ягельник всегда светлый и праздничный. Его не зря любят все животные. Там также легко встретить медведя, как и белку, и глухаря. Даже обычная ходовая охота редко не завершается удачным выстрелом, а если рядом идет толковая собака, охота превращается в незабываемое удовольствие. Однако необходимо быть внимательным: весьма нежелательна встреча с таким непредсказуемым зверем, как медведь. Несмотря на «прозрачность» ягельного бора, в пасмурную погоду заблудиться в нем проще, чем в любом другом лесу. Это объясняется его однообразием: одинаковый ягель под ногами, на котором в теплую погоду не остается следов, одинаковые деревья. Уже в 50 метрах от берега реки (обычно по нему и ходишь) полностью теряется направление, особенно если идешь зигзагами, высматривая добычу или меняя направление на голос собаки. В отличие от темнохвойного леса в ягельнике лучше охотиться в тихую погоду: шагов не слышно, а добыча выдает себя задолго до подхода к ней.

На крупного зверя я никогда не охотился — нам с женой вполне хватит на день одного глухаря или трех-четырёх рябчиков. Но фырканье лосей ночью на

реке слышал не раз, и тропами медвежьими пользоваться приходилось часто. Больше всего я люблю охоту на боровую дичь и пушного зверя, в которой мой фокстерьер помогает не хуже лайки. На мелких хищников я начал ходить со своими друзьями-хантами, с ними же с удовольствием разнообразил свой рацион жареными белками, нежное мясо которых — обладающее легким ароматом орехов — настоящий деликатес. Кстати, белка — самая обычная еда на зимовьях хантов, а они в еде довольно разборчивы. Впервые попробовал мясо норки, долго экспериментировал перед тем, чтобы избавиться его от резкого запаха (в тайге это может пригодиться — не умирать же с голоду, имея на руках почти килограмм мяса). Охота на нее необычна: стреляют по светящимся от огня или фонаря глазам, сплавляясь ночью по реке. Но пробовать такой способ не советую: в первых, использование фонарей на ночной охоте почти везде запрещено, а во-вторых, вам все равно не удастся взять этого крепкого на рану зверя без специально подготовленной собаки, беспрекословно идущей в ледяную воду. Кроме рыбы, лося и белки, основной пищей местных жителей является глухарь, которого добывают не только из-под собаки, но и ловят слопцами — давящими капканами, устанавливаемыми на галечниках.

Несмотря на широкое использование самоловов, без собаки в тайге не охота. К сожалению, деградация охотничьего искусства сильнее всего сказалась в последние годы на охотничьем собаководстве. Даже лучшие рабочие соба-

Водоплавающие — главное охотничье богатство бассейна Оби

Фото А. Севастьянова

ки обычно являются всего лишь лайкоидами, имеющими мало общего с породой, к которой их пытаются причислить. В охотобществах на работу с собаками нет денег, не проводятся выставки охотничьих собак, а о такой экзотике, как тренировка норных в искусственной норе или притравка лаек по медведю, и мечтать не приходится. Нет в Нижневартовске хорошего охотничьего питомника собак, нет и стенда для пристрелки ружей и тренировки охотников. А ведь их у нас чуть ли не каждый второй. Не хватает профессиональных кинологов и ветеринаров, вынужденных зарабатывать на пропитание в частных клубах и питомниках. Я ничего не имею против этих заведений; сам состою на учете не только в обществе, но и в прекрасном клубе редких пород «Дарьяла» (Нижневартовская кинологическая ассоциация, созданная истинными любителями и знатоками собак). Но чтобы выжить, там вынуждены работать с модными породами: на лайках разориться за полгода. Поэтому я и вынужден выставлять свою собаку в группе декоративных. В Нижневартовске, конечно, немало охотничьих собак, но это либо ставшие домашними игрушками кокер-спаниели, либо хуже или лучше работающие подобия лаек. Есть в районе единичные экземпляры русских спаниелей, такс, блаухаундов, русских и афганских борзых, далматинцев, ирландских сеттеров и пойнтеров, бедлингтон- и фокстерьеров. Однако с ними практически не охотятся. Очень популярны и представлены отличными экземплярами ротвейлеры, доберманы, боксеры, мастино, бультерьеры и американские стаффорды. Но они, при всех своих достоинствах, ничего не смыслят в охоте. Такое положение грозит не только забвением большинства видов охот, но и утратой генофонда многих великолепных пород. Гончие и норные практически неизвестны на Севере. Последние постановления правительства, публиковавшиеся в «Охоте и охотничьем хозяйстве», — не гарантия того, что положение с охотой и охотничьим собаководством быстро исправится. Пока спортивная охота не займет своего заслуженного места в сердцах людей, пока о владельцах собак не перестанут думать только как о загрязнителях улиц, пока настоящие охотники не объединятся против тех, кто позорит их имя, — не возродится самое первое из благородных искусств.

Но не буду заканчивать грустными мыслями. Очень хочется верить, что наши потомки смогут увидеть зайца, сидящего на кедре глухаря и белку с шишкой в лапках не только на картинках. И что поможет им увидеть эту красоту бегущий рядом лучший друг, чьи преданные глаза помогают забывать неприятности нашего парадоксального бытия.

В ДЖУНГАРСКОЕ АЛАТАУ ЗА МАРАЛОМ

Одна из вершин трофейной охоты в нашей стране — охота на марала на реву. Есть немало районов к востоку от Урала, где можно поохотиться на это великолепное животное, но наибольшей популярностью в СНГ пользуются два: восточная часть Казахстана и Алтай. Мы расскажем о Казахстане.

Наиболее интересные места здесь — это Восточно-Казахстанская область (г. Усть-Каменогорск) и район к востоку от Талды-Кургана, где располагаются горы Джунгарского Алатау.

Обычно рев марала начинается в середине октября и длится 2—3 недели. В зависимости от климатических условий сроки в различные годы могут незначительно сдвигаться. Марал обитает в высоких горах на верхней границе леса и только в период гона спускается ниже. Утром и вечером звери выходят на маленькие полянки на кормежку, и в это время их здесь можно увидеть. Ночью спускаются на водопой.

Расположившись на противоположном склоне в укромном месте, охотник и его проводник тщательно осматривают в бинокль противоположный склон, обычно он северный и покрыт лесом. Обнаружив марала и определив наилучшие пути подхода к нему, зверя начинают скрадывать.

Трудно подойти к чуткому рогачу, особенно если он пасется с самками. Часто приходится стрелять на предельной дистанции.

Окружающие горы прекрасны, их картина постоянно меняется, и они никогда не надоедают. Ходить здесь тяжело, и поэтому используются лошади как верховые, так и вычюнные. Но обо всех трудностях забываешь, когда выходишь к ревущему маралу на верный выстрел и получаешь желанный трофей.

Обычно такая охота занимает 8—10 дней и так захватывает тебя, что ты непременно хочешь сюда вернуться.

А. ХОХЛОВ

Фотоконкурс «Охота и природа, 1997»

ЧУТЬЕ ЛЕГАВОЙ

А. КАМЕРНИЦКИЙ

Обонятельная реакция. Формирование ансамблей нервных импульсов, вызванных воздействием запаховых молекул на обонятельный аппарат собаки и создающих предварительный «образ» запаха, само по себе никак не проявляется во внешних действиях животного. Обонятельная реакция, внешним проявлением которой становится обонятельное поведение, то есть тот результат, по которому мы судим, что собака причуяла дичь, начинается лишь после приема импульсов соответствующими нервными центрами мозга, их расшифровки и выработки ответа.

Первым этапом этой реакции должен, очевидно, явиться ответ на вопрос: что это за запах? Можно ли его идентифицировать? Ответ может быть получен только путем сравнения с неким эталоном, существующим в памяти. Отсюда следует, что собака неизбежно должна обладать запаховой памятью аналогично тому, как обладает ею и человек наряду со зрительной, слуховой (музыкальной) и другими. У человека эти виды памяти развиваются в течение жизни, хотя определенные задатки, или

Продолжение. Начало см. № 8, 97.

На испытаниях

склонности, и являются врожденными. Что касается собаки, то опыт по выращиванию щенков на чисто молочной диете, приводимый А. И. Бронштейном (1956), показал, что они совершенно равнодушно относятся к запаху мяса. Однако уже одноразовое кормление их мясом стало достаточным для выработки устойчивого рефлекса на этот запах. В другом эксперименте, когда беременную суку перед родами мазали пахучим анисовым маслом, родившиеся слепые щенки немедленно после первой же кормежки получили стойкий рефлекс на этот запах и отказывались от сосков вымытой матери. С. А. Корытин (1979) подробно рассматривает вопрос о времени обнюхивания животным той или иной пахучей приманки (продолжительность обонятельной реакции) и приходит к выводу о том, что этот фактор является четким индикатором заинтересованности животного данным запахом. На основе изучения времени обнюхивания, характерного для каждого вида, он установил, что для хищников, к которым относится и собака, врожденным является больший интерес к запахам животного, нежели растительного происхождения. Возможно, что это связано с физиологическими, генетически обусловленными, особенностями строения как обоня-

тельных рецепторов, так и обонятельных луковиц и вторичных нервных центров. При всем том интерес, проявляющийся во времени обнюхивания, не является врожденно дифференцированным и относится к так называемому ориентировочно-исследовательскому инстинкту или рефлексу «что такое?». Для того чтобы легавая собака начала направленно интересоваться запахом дупела или перепела, ее нужно ознакомить с этим запахом, заинтересовать им и добиться создания в запаховой памяти стойкого и четкого эталона сравнения. По данным Я. А. Винникова (1950), способность определять и дифференцировать обонятельные впечатления является прерогативой коры переднего мозга, коррелирующей с расщудочной деятельностью. Кстати, на связь остроты обоняния с интеллектом собаки указывали многие авторы. Еще С. Т. Аксаков (1868) прямо писал: «Тонкость чутья может доходить до степени невероятной и всегда соединяется в одной и той же собаке с удивительным пониманием, почти умом». Таким образом, комплекс ансамблей импульсов, посланный первичным обонятельным аппаратом по достижении пороговой концентрации запаха, для того чтобы вызвать нужную обонятельную реакцию и соответственно вылиться в «правильное» обонятельное поведение, должен преобразоваться в анализаторе коры переднего мозга в четкий, осмысленный собакой образ и индуцировать желательный для нас рефлекс — потяжку и стойку. Рассмотрим те варианты действий собаки, которые могут иметь место на этих стадиях обонятельной реакции. Один из них мы уже упоминали — при незнакомстве с запахом дичи собака в лучшем случае может проявить интерес — рефлекс «что такое?», вследствие отсутствия в запаховой памяти эталона сравнения. Если эталон все же создан и собака ознакомлена с нужным запахом, то это знакомство может быть недостаточным. Вспомним, что запах дичи, скорее всего, является сложным (полимолекулярным) и знакомство с ним через запах сидки или убитой дичи будет создавать не полностью адекватную картину в запаховой памяти. Далее, сама память, в том числе и запаховая, инструмент капризный и может, как мы знаем по себе, «выветриваться». Хорошо известно, что по типу высшей нервной деятельности собаки, как и люди, бывают разные: одни — быстро схватывают, но столь же быстро забывают, другие — обучаются долго, но сохраняют это плотно и надолго. Недаром сказано: «повторение — мать учения». Что касается обоняния, то есть даже указания, правда не очень четкие, что тренировка обоняния по какому-либо виду запаха спо-

способствует увеличению числа рецепторов, реагирующих на этот запах, при том все-таки, что основная масса этих рецепторов за счет длительного отбора по этому признаку закреплена генетически и передается по наследству.

Наконец, адекватное определение собакой запаха нужного объекта, даже при наличии в ее запаховой памяти полного и твердо закрепленного эталона, может быть неточным из-за утери запаха части его качественного состава при переносе по воздуху, как об этом сказано в разделе «Запах». О возможных последствиях такого на практике почти неизбежного положения будет говориться далее.

При всех разобранных вариантах начальным проявлением обонятельного поведения будет обонятельная реакция, более или менее целенаправленная в зависимости от знакомства собаки с запахом и точности его узнавания. Первый, кто изучил пространственную (дистантную), то есть происходящую на расстоянии, ориентацию животных, был С. А. Корытин (1979). Исследование проводилось путем раскладывания на местности пахучих приманок, представляющих собой ватный тампон, смоченный источником запаха (камфарное масло или продукты разложения мяса в дозе 1 мл). Животное, а использовались не только собаки (лайки), но и волк, енотовидная собака, лисица, песец и др., проводили на поводке по определенному маршруту, причем учитывались процент обнаруженных тампонов, расстояние до них, угол поворота на запах и характер движения к источнику запаха. Наилучшие результаты по всем параметрам показала собака, которая обнаружила около 40 % всех тампонов на расстоянии вплоть до 115 м. Уступили ей волк и енотовидная собака, обнаружившие 20 % тампонов с пределом дальности 90 м. Лисица нашла 16,7 % тампонов при максимальной дальности 60 м. Наихудшие показатели продемонстрировал песец: 4,5 % и 40 м. Однако подавляющее количество тампонов всеми животными, исключая песца, обнаружено на расстоянии до 40 м. Как и следовало ожидать, в силу падения концентрации молекул запаха пропорционально квадрату расстояния увеличение дозы пахучей приманки в 4 раза (с 1 до 4 мл) повышало дальность причувствования всего в два раза. Естественно также, что надежнее обонятельное ориентирование происходило на открытой местности, нежели в лесу, и при наличии ветра до 5,5 м/с, оптимально между 0,4—0,5 м/с. Крайне интересные результаты были получены С. А. Корытиным относительно угла причувствования между направлением движения животного и направлением ветра. Оказалось, что в секторе 60° перед собакой, то есть в 30° по обеим сторонам от направления движения, она причувствует только 10—16 % приманок, в следующих косо направленных вперед 30-градусных секторах причувствует суммарно 18—25 %

Боковые разрезы ноздрей позволяют легавой причувствовать запах дичи по обе стороны от ее поискового хода

тампонов. Максимальное же число (40—52 % тампонов) причувствуется суммарно в 30-градусных секторах, направленных чуть вперед от направления, перпендикулярного движению собаки, и даже в 60-градусных секторах, направленных назад от этого перпендикуляра, причувствуется 12—20 % тампонов. Таким образом, не только поле причувствования занимает 300—330° из 360°, но и основная область причувствования у собаки лежит не впереди нее, а почти сбоку. Эта особенность причувствования была подтверждена С. А. Корытиным в специальных экспериментах на обонятельных площадках при различном направлении ветра. Автор морфологически связывает ее с наличием у всех псовых глубоких боковых вырезов ноздрей, позволяющих затягивать в нос при вдохе больше воздуха сбоку, и находит удачное объяснение их направленности вверх или вниз в зависимости от роста животного. Изучение обонятельной ориентации привело С. А. Корытина также к выводу о наличии определенной зависимости дальности причувствования от роста животного. Большой рост, а точнее, большая возможность пользоваться воздушными течениями разной высоты дают, по его данным, увеличение дальности причувствования приблизительно в 10 % на 10—15 см увеличения роста.

Обнаруженная С. А. Корытиным пространственная закономерность причувствования прекрасно объясняет врожденно проявляющуюся у легавых способность к поиску поперек ветра, а если учесть еще и установившуюся неравноценность обеих половин носа (левши и правши), то возникает интересный вопрос: не с этим ли связано то, что одни собаки при поиске чаще делают заво-

роты внутрь на правой руке, а другие — на левой?

Обонятельная ориентация и пеленгация направления на дичь (точное указание) — далеко не простая задача для собаки. Поскольку запах в отличие от света распространяется не прямолинейно, а зависит от направления ветра, причем переносится он, как уже отмечалось, неравномерно, а со сгущениями, разрежениями и завихрениями, то выбор направления на источник запаха достаточно сложен. Животное не может просто следовать в сторону усиления запаха в силу неравномерности его распределения. Поэтому в начальной стадии ориентации ему приходится совершать пересечения тока воздуха и переносимого им запаха с тем, чтобы установить предел пахучих струй, а затем уже выбрать общее направление на их источник.

В то же время определение расстояния до источника запаха, то есть точная ориентация, требует глубинного чутья с использованием в качестве базы треугольника обеих ноздрей. В результате собаки, установив общее направление на запах, разворачиваются мордами к нему. При этом некоторые из них, особенно лайки, с которыми работал С. А. Корытин, используют и возможности зрительного и слухового обнаружения его источника. Вслед за этим следует движение животного по направлению источника запаха.

Физиологически обонятельная ориентация, обусловленная усилением каскада нервных обонятельных импульсов, вызванных превышением пороговой концентрации и усилением запаха по мере приближения к его источнику, может быть проявлением возбуждения центральной нервной системы, пере-

ходящим в торможение при достижении определенной силы воздействия. Такой переход возбуждения в торможение в зависимости от силы запаха может иметь место, поскольку известно, что пахучие вещества в различных концентрациях могут оказывать разное, а иногда даже противоположное действие.

Для легавой приведенные элементы обонятельной ориентации описываются как прихватка, потяжка и стойка. С такой точки зрения стойка представляет собой процесс торможения, следующий за периодом возбуждения и происходящий при достижении определенной силы запаха. Если это так, то трудно согласиться с непосредственным происхождением стойки от краткой приостановки хищника перед броском на жертву, так как, во-первых, такая приостановка более свойственна кошачьим, а во-вторых, она несомненно является не тормозным процессом и служит лишь для переноса возбуждения на мускульную концентрацию. Является ли стойка легавой действительно проявлением тормозного процесса? Подтверждением этому могут явиться известные случаи каталептической стойки, сдвинуть с которой собаку невозможно. Вспомним прелестный анекдот относительно пойнера полковника Торнтона, потерянного на работе, чей скелет был найден через год в стойке над скелетами куропаток. Кстати, следует напомнить, что подъем птицы собакой посылу — это недавнее нововведение. Еще в прошлом веке в России, а в США, например, и сейчас, охота и фильм-трейловые состязания проходят без подъема птицы собакой. От нее требуется лишь твердая («мертвая») стойка, дичь же поднимает и стреляет сам охотник. Известный американский охотник-собаковод проф. С. Кирквуд, державший и охотившийся со всеми породами островных легавых, недавно написал мне, что он лишь теперь, в связи с возрастом, начал обучать своих собак «подъему птицы по русскому образцу». Известно также, что многие высокочувствительные собаки избегают близкого контакта с дичью, крайне неохотно берут ее в рот и редко употребляют в пищу, даже в вареном виде.

Все сказанное вроде бы подтверждает безусловно рефлекторную основу смены потяжки стойкой как перехода от возбуждения к торможению. Однако такая схема все же не выглядит бесспорной. Начнем с того, что, во-первых, электрофизиологические исследования механизма обонятельного восприятия запаха (К. Г. Гусельникова и др., 1985) не подтверждают общность схемы В—Т—В (возбуждение—торможение—возбуждение). Во-вторых, стойка, как известно, далеко не всегда является врожденной. Обычно требуется выработать ее у легавой и закрепить в процессе натаски. Далее, если стойка действительно представляет собой тормозной процесс, вызванный

Запах уловлен и следует классическая потяжка

пределной концентрацией запаха, то при посыле это торможение должно быть преодолено и смениться возбуждением, в свою очередь сменяемым торможением при взлете птицы. Такая смена при сохранении тормозящего эффекта (пределной концентрации запаха) должна произойти под влиянием лишь условного рефлекса — команды, чего добиться достаточно сложно. Наконец, далеко не все даже высокочувствительные собаки безразлично относятся к дичи, а многие с удовольствием берут ее в рот и даже едят. Все это указывает, что при возможности определенного вклада тормозного эффекта в образование стойки в ее проявлении может принимать участие и еще какой-то фактор.

Что же это за фактор? Представляется возможным, что таковым является обучение собаки стойке, то есть выработка у нее условного рефлекса остановки при достижении определенной концентрации запаха. Эта концентрация может быть и недостаточной для полной идентификации запаха. Особенно часто стойка с неполной идентификацией может проявиться, когда собаку приучают становиться по первому, а следовательно, неполному призыванию. Действительно, хорошо известно, что первоначально, только что натасканные и необстрелянные собаки показывают наиболее дальние стойки. С течением времени это исчезает и собака начинает делать стойку уже значительно ближе к источнику запаха и наконец начинает становиться так, чтобы

только-только не столкнуться птицу. Такие изменения в дальности стойки явно показывают, что дело не в предельной концентрации запаха, вызывающей безусловный тормозной процесс, поскольку в этом случае таких изменений быть не могло бы. Однако и условный рефлекс, который, как известно, выполняется механически, без участия коры полушарий головного мозга, сам по себе не может объяснить упомянутое изменение расстояния от стойки до птицы, связанное с накоплением опыта. Не может он объяснить и такие действия собаки, которым ее не обучали: анонс — отход от стойки и призыв охотника к дичи; оглядывание собаки на стойке и явное поторавливание ведущего; приостановка собаки на подводе после посылы по далеко, вне выстрела сидящей птице с немедленным продолжением движения при подходе охотника и т. д. Приходится признать, что в составляющих обонятельной реакции — поведения легавой — потяжке, стойке и подводе, возможно, наряду с безусловными (В—Т—В) и условными (обучение) рефлексами проявляется и рассудочно-экстраполяционная деятельность собаки. Только такой деятельностью можно объяснить, например, остановку уже обстрелянной собаки для подхода стрелка. Это ее контакт с охотником и предвидение его действий. Примеров участия рассудочной способности легавой в полевой работе можно привести очень много.

Окончание следует
Фото А. Дигильевича

ДЕМОДЕКОЗ У СОБАК ВОРОНЕЖА

Вы заметили у вашей собаки воспаление кожи (дерматит), ороговение кожных покровов (гиперкератоз) или прогрессирующее исхудание, обратитесь к ветеринарному специалисту с целью проверки ее на демодекоз (железницу). Это заболевание часто встречается у собак и реже у других видов животных (крупный рогатый скот, овцы, свиньи, лошади). Болеет демодекозом и человек, и есть сведения, что он может заразиться от больной собаки.

Демодекоз — паразитарное заболевание, вызываемое клещом, в частности у собак — клещом *Demodex canis* (семейство Demodecidae).

Он имеет червеобразную форму с четырьмя парами коротких ног. Это раздельнополюе мелкие членистоногие. Самки крупнее самцов. Длина их тела достигает 0,2—0,3 мм, ширина — 0,06 мм. Они паразитируют в волосяных фолликулах и сальных железах кожи. В местах локализации их скапливается по несколько десятков, а иногда и тысяч экземпляров.

Самки клеща откладывают яйца, из которых вылупляются личинки, а затем они несколько раз линяют и превращаются в половозрелых самок и самцов. Цикл развития продолжается 25—30 дней. В волосяных луковицах или сальных железах формируются целые колонии; которых на коже у животного бывает до 4 тысяч.

Заражение животных происходит при контакте больных со здоровыми или через предметы ухода, ошейники, поводки и руки хозяина. Во внешней среде эти клещи живут немногим более недели и, если не попадут на кожу животного или человека, погибают.

Клинически демодекоз протекает в чешуйчатой, пустулезной и смешанной формах. Вначале наблюдается покраснение, легкое шелушение и выпадение волос. Кожа приобретает серовато-розовую и синюшную окраску. Зуд не всегда наблюдается. Клещи чаще всего локализуются около ушей, под бровями, на губах, внутренней и боковой поверхностях бедер. Иногда на коже появляются узелки с кровянисто-гнойным содержимым. Кожа в этом случае приобретает красно-бурый оттенок, на ней образуются складчатость, корки и отрубевидные чешуйки. Животные худеют, издают неприятный запах.

Клинический диагноз нужно подтвердить лабораторным исследованием глубокого соскоба кожи, взятого скальпелем с пораженного очага. Соскоб следует поместить на предметное стекло, капнуть на него несколько капель глицерина, смешанного пополам с водой, накрыть покровным стеклом и просматривать под малым и средним увеличени-

У семимесячного боксера клещи локализовались близко к паху

Фото А. Лесникова

ем микроскопа. Обнаруженные клещи подтверждают диагноз на демодекоз.

Эта инвазия широко распространена во многих странах мира. Выявлен демодекоз у собак и в Воронеже. В 1994—1996 гг. методом клинических и лабораторных исследований было охвачено 443 собаки. Демодекоз был диагностирован у 106 (24,2 %) собак.

Болеют практически все породы собак, но чаще всего поражаются породистые животные. Особенно восприимчивы к демодекозу немецкие овчарки (19,8 %), ротвейлеры (13,6 %), боксеры и колли (по 7,4 %). В основном больные животные были в возрасте до двух лет (94 %) и только 5 собак оказались старше этого возраста. Наибольшее поражение животных отмечалось осенью и зимой.

Для лечения были испробованы медиатрин, декор-А, сера, серная мазь, серно-дегтярный линимент, амитразин, гренаде, сайфли, которые применялись отдельно или в сочетании друг с другом.

Медиатрин вводили подкожно в 2%-ном водном растворе в дозе 0,5 мл на 25 кг массы животного два-три раза с интервалом в 14 дней. Этот препарат противопоказан собакам породы колли, беременным и лактирующим животным.

Декор-А выпускается в жидком виде, и его наносили на пораженную кожу с интервалом 6—7 дней до выздоровления (5—6 недель).

Амитразин применяли для смазывания пораженных участков кожи один раз в три дня. Лечение проводили до

исчезновения клинических признаков (6—8 обработок).

Гренаде применяли наружно в разведении 1:50 один раз в три дня до выздоровления (6—7 недель).

Сайфли давали в виде таблеток в рот собакам два раза в неделю в течение 6 недель.

Серную мазь наносили на пораженную часть кожи два раза в день.

Кроме того, в рот собаке давали сухую серу в дозе 0,25 г ежедневно в течение 6—7 недель.

Серно-дегтярный линимент втирали в пораженный участок кожи один раз в день и одновременно давали внутрь серу в вышеуказанной дозе в течение 6—7 недель.

Подбор средств проводили индивидуально, так как ряд пород собак (колли, французский бульдог, пекинес) чрезвычайно чувствительны к действию токсических веществ.

Выздоровление пациентов наступало после полного курса лечения у 83 % собак. Невыздоровевшим собакам меняли курс лечения и продолжали терапию до выздоровления, которое обычно наступало через 2—4 недели.

В. ПОМАШОВ, профессор
А. ЛЕСНИКОВ, аспирант
Воронежский госагроуниверситет

ДРОБОВЫЕ ПАТРОНЫ

М. БЛЮМ

На осенних охотах приходится использовать самые разнообразные типы патронов как для гладкоствольного оружия, так и для нарезного. Поскольку летне-осеннее открытие охоты связано по большей части с применением гладкоствольного оружия и дробовых патронов к нему, то в этой статье будут даны рекомендации по снаряжению и использованию дробовых патронов с разными номерами дроби и для стрельбы на разные дальности.

Итак, для стрельбы из гладкоствольного оружия дробовые патроны снаряжаются для стрельбы на короткие, средние и большие расстояния: на 10—15 м, 20—25 м (короткие), 30—40 м (средние, или стандартные) и 45—60 м (дальние).

Безусловно, путать эти патроны не следует, так как патронами, предназначенными для дальних дистанций, стрелять на средние или малые расстояния не рекомендуется, так как приведет либо к промаху, либо к такому разрушению дичи, что ее невозможно будет использовать. При стрельбе же патроном, предназначенным для стрельбы на короткие расстояния, на дальности 35—60 м вы получите либо чистый промах, либо, в худшем случае, сделаете подранка. Поэтому, чтобы не происходило таких несуразностей, следует каждый тип снаряженных патронов использовать по назначению.

Для стрельбы на очень короткие расстояния (порядка 10—15 м) патрон следует снаряжать следующим образом. Во-первых, следует обратить внимание, что патроны с большим разбросом дроби или короткобойные снаряжаются большей частью достаточно мелкими номерами дроби, хотя в редких случаях такие патроны могут пригодиться и с крупными номерами дроби. Но для примера возьмем дробь № 7 и снарядим патрон для стрельбы на 5—10 м. В 1948 году спортивный стрелок дробью

Н. А. Дементьев предложил следующий способ снаряжения дробового патрона, дающего достаточно ровную и широкую дробовую осыпь при стрельбе из полного чока на эту дистанцию. Из бумаги, склеенной в несколько слоев, изготавливается трубка, наружный диаметр которой делается с таким расчетом, чтобы между стенкой гильзы и трубкой укладывался снаряд дроби в один слой. Трубка должна быть достаточно прочной, чтобы при прохождении с дробью через дульное сужение не разрушилась. Конечно, ее можно отливать и в литевой форме из полиэтилена. Высота основного осаленного войлочного пыжа с картонными прокладками на порох не должна превышать 8—10 мм, но и меньше делать не следует, так как обтюрация при выстреле будет плохой. Увеличение высоты пыжей, располагающихся на порохе, приведет к тому, что вес снаряда дроби сильно уменьшится. При выполнении указанных условий в гильзу 12 калибра длиной 70 мм можно уложить 27—30 г дроби № 7 и при этом останется под закрутку 5—6 мм свободного края дульца гильзы. При снаряжении патронов таким способом следует обратить особое внимание на полное заполнение дробью промежутка между вставленной трубкой и стенкой гильзы.

Другой способ снаряжения разбросных дробовых патронов с несколько большей кучностью боя для стрельбы на 15—25 м состоит в том, что снаряд дроби разделяется картонными прокладками толщиной 0,5—0,8 мм и диаметром на 0,2—0,4 мм меньше внутреннего диаметра трубки гильзы. На дистанцию 20 м патрон, снаряд которого разделен тремя прокладками на четыре равные части, дает из кучно бывшего ствола площадь убойного круга почти в три раза большую, чем патрон обычного стандартного снаряжения. Для получения более широкой дробовой осыпи снаряд дроби следует раз-

делять 4—5 прокладками на 5—6 частей. Этими способами при стрельбе из полных чоков получается ровная широкая дробовая осыпь и хорошее постоянство боя.

Наиболее простые способы получения разброса дроби могут быть достигнуты за счет смешивания дроби разных номеров через один номер, например № 5 и 7 или № 4 и 6. Кроме того, такого же эффекта можно добиться за счет расположения одного слоя крупной дроби, отличающейся от основного заряда на три-четыре номера, на прокладке, лежащей на пороховом пыже. При стрельбе из ствола с полным чокком на 20—30 м получается результат, примерно равный стрельбе из ствола с получоком.

Для стрельбы на дистанции 30—40 м снаряжаются обычные стандартные патроны, и в зависимости от сверловки ствола вы получаете те или иные результаты стрельбы. Стандартный патрон снаряжается следующим образом. Охотник прежде всего должен произвести осмотр гильзы и отобрать бракованные, особенно с тонкими шляпками, или, как теперь их принято называть, фланцами. Высота и диаметр фланца должны быть такими, чтобы зазор между дном гильзы и зеркалом затвора или лбом колодки не превышал 0,1 мм, что легко проверить с помощью лезвия бритвы, положив обломок на дно гильзы (естественно, снаружи) и закрыв ружье. Если ружье легко закрывается не только с одним обломком лезвия, но и с двумя положенными друг на друга, то такую гильзу следует отбраковать. Естественно, предполагается при такой проверке, что ружье само по себе исправно и затвор с нормальной гильзой и обломком лезвия безопасной бритвы не закрывается. Отобрав таким образом гильзы, приступают к капсюлировке. Капсюль должен быть посажен либо на уровне дна гильзы, либо может быть проглублен, но не более чем на 0,1 мм. Взвешенный бездымный порох с точностью $\pm 0,05$ г засыпается в гильзу с помощью медной воронки, которая не несет на себе статического электричества и поэтому безопасна при снаряжке. После засыпки порохового заряда, который был взвешен в соответствии с рекомендациями таблицы, приступают к досылке пыжей на пороховой заряд. Если у вас в наличии имеются только картонные прокладки и войлочные пыжи, то снарядка происходит следующим образом. Из плотного твердого картона на порох досылаются прокладки общей толщиной не менее 3 мм. При досылке прокладки должны скользить по внутренней поверхности стенки гильзы с некоторым натягом. Пуансон, с помощью которого прокладки досылаются на порох, должен находиться в руке, локоть которой не должен отрываться от поверхности стола, за счет чего усилие сжатия порохового заряда не превышает 6—8 кг. После этого досылается войлочный осален-

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ВЕСА ДРОБИ И ПОРОХА ДЛЯ ПАТРОНОВ
К ГЛАДКОСТВОЛЬНОМУ ОРУЖИЮ (ПЫЖИ ВОЙЛОЧНЫЕ)

Тип пороха	Калибр	Вес дроби, г	Навеска пороха, г
Бездымный «Сокол»	12	30—35	2,1—2,2
	16	27—32	1,8—2,0
	20	24—31	1,5—1,6
Бездымный «Сунар»	12	30—35	1,6—2,0
	16	27—32	1,2—1,5
	20	24—31	1,0—1,3
Бездымный «Барс»	12	30—35	2,0—2,4
	16	27—32	1,6—2,1
	20	24—31	1,3—1,8
Дымный	12	30—35	5,4—5,8
	16	27—32	4,9—5,3
	20	24—31	4,2—4,8

Примечание. 1. При использовании полиэтиленовых пыжей навеску пороха следует уменьшить на 0,2 г, а древесноволокнистые пыжи требуют увеличения навески на 0,1 г. 2. Поскольку бездымные пороха сильно отличаются по своим характеристикам от одной партии к другой, то при снаряжении следует руководствоваться приложенными инструкциями или минимальным зарядом, приведенным здесь. 3. Для легких ружей брать минимальную навеску пороха и дроби. 4. Навески пороха даны для температуры воздуха +20 °С.

ный пыж. Глубина осалки 2—3 мм. Варианты осалки: парафин 70 % и пушечное сало 30 %; парафин 70 % и солидол 30 %; стеарин 65 % и вазелин 35 %. За осаленным пыжом размещается картонная прокладка, которая не дает прилипнуть отдельным дробицам к войлоку. Отмеренный или взвешенный дробовой снаряд в соответствии с той же таблицей закрывается тонкой (порядка 0,8 мм) прокладкой из рыхлого картона и завальцовывается настольной закруткой. При опрессовке «звездочкой» прокладка на дробь не кладется. Если при снаряжке патрона используется пластмассовый пыж, то он досылается без всяких прокладок непосредственно на порох, но заряд пороха насыпается несколько меньше в соответствии с таблицей. Готовые патроны пропускаются через калибровочное кольцо или патронник вашего ружья. Патроны должны входить и выходить из патронника под собственным весом.

Снаряжение патронов для стрельбы на более далекие расстояния по сравнению со стандартными патронами происходит с так называемыми контейнерами, в которые помещается дробь.

Если патрон снаряжается войлочными пыжами, то контейнер досылается на «пирог» из прокладок и пыжей, а в него уже засыпается дробовой снаряд. Обычно контейнер состоит из основания и четырех лепестков, если он покупной. При самостоятельном изготовлении контейнера поступают следующим образом. Для всех снаряжаемых патронов заготовить по две полиэтиленовые полоски длиной, равной двум высотам дробового снаряда, плюс один внутренний диаметр гильзы. Ширина полоски равна одной четверти окружности канала ствола, толщина пленки не менее 0,5 мм. До засыпки дроби в гильзу две полоски вставляются крестообразно, образуя четырехлепестко-

вый контейнер-концентратор, в который и засыпается дробь. Дульце заделывается одним из известных способов.

Следует знать, что наибольшая высота всех пыжей с прокладками, которые размещаются на порох, не должна превышать длины переходного конуса от патронника в канал ствола, для которого делаются патроны. Минимальная же высота всех пыжей должна быть равна 8—10 мм, что еще создает условия для обеспечения нормальной обтюрации пороховых газов.

Для получения еще более высокой кучности боя при необходимой резкости следует дробь в контейнере пересыпать крошкой от пенопласта, крахмалом, тальком или отрубями. Например, картофельной муки на дробовой

снаряд 12-го калибра расходуется от 1,5 до 3,0 г. На эту же величину следует уменьшить вес дроби в патроне.

Теперь посмотрим, что же можно купить сегодня из готовых патронов в магазине.

Сейчас появились в продаже очень неплохие патроны тульского производства «Тайга». Я провел испытания этих патронов, и вот что они показали. Мне были предложены патроны 12 калибра партии № 54 с дробью 2/0 (вес дроби 32 г, вес пороха «Сунар» 1,7 г) и партии № 32 с дробью № 5 (вес дроби 32 г, вес пороха «Сунар» 1,65 г). Все патроны были снаряжены в 1996 г. При стрельбе на 35 м из самозарядного ружья «Браунинг» с подствольным магазином на 5 патронов (сейчас он получил обозначение «Браунинг АУТО-5») и дульным сужением 1 мм была получена кучность 84 % при стрельбе дробью № 5 и 75 % при стрельбе дробью 2/0. При встрече с сухой сосновой доской дробинки углублялись на 4—5 своих диаметров, хотя было бы достаточно и 3. Раньше ни один отечественный патрон не давал такого хорошего постоянного боя, как эти патроны. Патроны «Тайга» выпускаются также 16 и 20 калибров с навеской дроби соответственно 28 и 24 г со средними скоростями дроби 335—338 м/с в 10 м от дула ствола. Такую же скорость имеют и патроны 12 калибра. Надо сказать, что таких высоких скоростей раньше отечественные дробовые патроны не имели, так как их регламентировал ГОСТ, в котором скорости были жестко оговорены в узких пределах 315—320 м/с. Сейчас также появились патроны полумачугам с тем же наименованием «Тайга». Навеска дроби в этих патронах равна 42 г, максимальное давление 900 кгс/см², длина гильзы 70 мм, порох бездымный «Салют».

Охотникам, рыбакам, путешественникам, профессионалам!

«АРЕАЛ» заботится о Вас, проектируя и изготавливая
качественные и комфортные вещи:

пуховые костюмы, пальто; куртки, жилеты, шапки; мешки спальные пуховые, синтепон «Кокон», «Одеяло»; рюкзаки разных объемов с анатомической подвеской; палатки каркасные туристические и торговые; костюмы ветровлагозащитные; рукавицы, перчатки, кепки, бахилы, гамашки

В изделиях использованы современные импортные материалы: taffeta-silve, micro fibre, oxford, pertex, polartec, утеплитель - гусиный пух, что обеспечивает комфорт в экстремальных погодных условиях, свободу и легкость перемещений, выбор элементов одежды по погоде, практичность (многократная машинная стирка, отжим) и долговечность.

Изделия прошли проверку на эксплуатационную надежность и завоевали доверие потребителей

Фирма в течение более 3-х лет работает по наложенному платежу по всей территории России

Адрес: 423072, г. Ульяновск, ул. 40 лет Победы, 27, а/я 3329
НИИФ «Ареал», т. (8422) 21-04-05, т/ф (8422) 20-76-02

НОВЫЕ СФЕРИЧЕСКИЕ ПОРОХА ДЛЯ ОХОТНИЧЬИХ ПАТРОНОВ «КОВБОЙ»

Н. ЛЯПИН, кандидат химических наук,
А. СТАРОВЕРОВ, доктор технических наук,
Т. ЕНЕЙКИНА, кандидат химических наук,
В. ПОЧУКАЕВ

В настоящее время для охотничьих целей разработано много типов различного нарезного оружия, в числе которых 5,6-мм спортивно-охотничья винтовка, применяемая для охоты на мелкую дичь (утка, тетерев, глухарь, гусь). Традиционно ранее для этого оружия выпускались патроны бокового огня с пулевыми снарядами типа «Экстра», а позднее их сменили патроны «Юниор-С» кольцевого воспламенения. При дульной энергии Е-140 Дж (скорость полета пули 315—325 м/с) патроны обеспечивают убойную стрельбу на дистанции до 50 м. Для стрельбы на расстоянии до 200—300 м требовались более мощные патроны. В последнее время ассортимент охотничьих патронов на международном рынке стал значительно расширяться за счет выпуска высокоскоростных патронов со свинцовыми экспансивными (2,35—2,45 г) и неэкспансивными или сплошными (2,58—2,60 г) пулями. В 1992 г. Климовским штамповочным заводом для охотников было предложено пять новых патронов типа «Ковбой». Для этих патронов потребовалась специальная разработка новых порохов повышенной вместимости, обеспечивающих скорость полета пули от 350 до 500 м/с. Эта задача наилучшим образом решена за счет применения сферических порохов (СФП).

СФП «Ковбой-350», «Ковбой-370», «Ковбой-410», «Ковбой-500», которые

БАЛЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОДНООСНОВНЫХ СФЕРИЧЕСКИХ ПОРОХОВ СЕРИИ «КОВБОЙ» В 5,6-ММ ВИНТОВОЧНОМ ПАТРОНЕ КОЛЬЦЕВОГО ВОСПЛАМЕНЕНИЯ

Марка пороха	Насыпная плотность, кг/дм ³	Вес пули, г	Вес заряда, г	Средняя скорость полета пули, V ₁₀ (м/с)	Максимальное давление пороховых газов, МПа (кгс/см ²)	
					среднее, не менее	наибольшее, не более
«Ковбой-350»	0,58—0,68	2,58—2,60	Не более 0,16	335—355	—	127,7 (1300)
«Ковбой-370»	0,62—0,72	2,35—2,45 и 2,58—2,60	0,10—0,16	360—380	88,0 (900)	127,7 (1300)
«Ковбой-410»	0,62—0,72	2,35—2,45 и 2,58—2,60	0,10—0,16	385—405	88,0 (900)	127,7 (1300)
«Ковбой-500»	0,75—0,85	2,35—2,45 и 2,58—2,60	0,16—0,24	485—500	—	161,7 (1650)

изготавливаются на основе высокоэнергетического пироксилина без иных энергетических добавок, получили название «одноосновные» СФП. Баллистические характеристики порохов приведены в таблице.

Одноосновные сферические пороха серии «Ковбой» существенно расширили область применения одноименных охотничьих патронов, предназначенных для охоты на крупную птицу и зверя весом до 10 кг. Патроны, снаряженные охотничьими СФП, надежно функционируют в широком диапазоне температур (от —50 до +50 °С). Пороха имеют улучшенные электростатические характеристики (электризуются в десятки раз меньше, чем известные пороха), малое изменение показателей скорости и давления в зависимости от темпе-

ратуры обеспечивает высокую технологичность при сборке и эксплуатационную надежность патронов.

С 1991 года пороха серии «Ковбой» выпускаются на пороховых заводах России. Единственный в России разработчик одноосновных СФП — Государственный научно-исследовательский институт химических продуктов — продолжает создавать новые пороха и совершенствовать штатные. Патрон «Ковбой-500» с пулей 2,6 г, снаряженный одноименным порохом, не имеет аналогов в мире и по дульной энергии превосходит американский патрон «Стингер» в 1,24 раза. Патрон удостоен бронзовой медали на Брюссельской выставке в 1993 году. В следующем сообщении мы ознакомим вас с мощным порохом для суперпатрона «Ковбой-550».

Советы охотнику

РУЧКА ДЛЯ НОЖА

Во время охоты, когда вы находитесь далеко от цивилизации, бывают случаи поломки ручки ножа, который необходим вам как воздух.

В подобную ситуацию попал и я, когда охотился на Алтае. Нож случайно оказался на раскаленной печке, и де-

ревянная ручка просто сгорела. Не имея под рукой никаких инструментов, мне удалось сделать и закрепить новую ручку, которую не пришлось менять потом еще много лет.

Все охотничьи ножи с деревянными ручками устроены приблизительно одинаково. Из одного куска металла делается лезвие и хвостовик, который крепится в отверстие ручки с помощью эпоксидной смолы. Самое сложное — сделать в тайге отверстие в куске сухого дерева. Его следует выжигать до нужной глубины раскаленной в печке

железкой необходимого диаметра. После этого отверстие доверху заполняется крошкой еловой смолы, засохшей на натеках. Хвостовик ножа разогревается и с силой вгоняется в отверстие. Раскаленный металл плавит смолу, излишки которой вытекают. После того как смола застынет, ручке придается нужная форма с помощью другого ножа или напильника. Обилие свободного времени вечерами в избушке, когда торопиться некуда, позволит сделать вам нож красивым и удобным.

И. ШПЕРОВ, охотовед

Памяти Я. С. РУСАНОВА

На 73-м году из жизни ушел член нашей редакционной коллегии — Ярослав Сергеевич Русанов. Без тени лицемерия мы можем сказать, что всегда любил его. Потеря эта невосполнима для всего отечественного охотоведения, для всех природолюбов. В Ярославе Сергеевиче счастливо сочетались светлый ум, широкий кругозор и дар писателя — популяризатора. Он был природным охотни-

ком, через охоту пришел в науку, разрабатывая биологические обоснования рационального использования охотничьих птиц и зверей.

В 50-х годах, работая в лаборатории охотничьих угодий Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ныне ВНИИОЗ), Ярослав Сергеевич занимался проектированием охотничьих промысловых хозяйств, сыгравших значительную роль в освоении природных богатств Севера, Сибири и Дальнего Востока. Одновременно в экспедициях в Красноярский край и Бурятию он занимался совершенствованием техники охотничьего промысла.

С 1959 по 1963 г. он работал зам. директора по научной части в Государственном заповедно-охотничьем хозяйстве «Беловежская пуща».

В 1963 г. Я. С. Русанов защитил кандидатскую диссертацию.

С 1964 г. Ярослав Сергеевич в должности младшего научного сотрудника ВНИИЛМа активно занимался проблемами охотустройства и принимал участие в составлении «Методического руководст-

ва по внутрихозяйственному устройству охотничьих хозяйств».

С 1966 по 1970 г. он возглавлял отдел проектирования лесоохотничьих хозяйств «Союзгипролесхоза», а в 1970 г. вернулся во ВНИИЛМ и стал заведовать лабораторией лесной фауны и недревесной продукции леса.

В 1977 г. Ярослав Сергеевич защитил докторскую диссертацию по теме: «Влияние охоты на структуру популяций дичи». Его книга «Основы охотоведения» и теперь популярна среди изучающих эту науку. Известен Ярослав Сергеевич и как великолепный рассказчик, его очерки о природе, об охоте с собаками публиковались в нашем журнале и в альманахе «Охотничьи просторы».

Ярослав Сергеевич был талантливым, интеллигентнейшим человеком, внимательным и доброжелательным к окружающим и требовательным к себе. В его лице мы потеряли большого и надежного друга.

Редакция

Альманах *Охотничьи просторы*

Альманах выходит четыре раза в год книгами большого формата, в художественном оформлении. В нем печатаются художественные произведения, статьи и очерки об охоте, биографии выдающихся охотоведов, материалы об оружии и собаках, регулярно помещаются литературные обзоры. Среди авторов — известные писатели (В.П. Астафьев, В.Б. Чернышов, А.Н. Скалон и др.); большое внимание уделяется классике русской охоты (Фокин, Алфераки, Ширинский-Шихматов).

Каждая из книг альманаха — запас интересного и поучительного чтения для любого охотника и специалиста. Годовой комплект из четырех книг — своего рода энциклопедия российского охотничьего дела.

«ОХОТНИЧЬЯ БИБЛИОТЕЧКА» ежесемьное практическое приложение к альманаху, где помещаются практические советы и рекомендации охотникам, разнообразные зарисовки и заметки на охотничью тематику.

Подписка во всех отделениях связи.

Индекс по каталогу РОСПЕЧАТИ:
для альманаха - 73434,
для библиотечки - 72725.

Дорогие читатели, друзья!

**ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ
«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
на 1998 год
продолжается**

Обратите, пожалуйста, внимание:

*теперь наряду с полугодовой подпиской
вы можете оформить подписку на весь год!*

**Преимущества годовой подписки очевидны —
она поможет сэкономить деньги.**

**Ведь цена журнала при подписке на второе
полугодие, как правило, увеличивается.
Если же вы подпишитесь сразу на год,
то цена журнала на второе полугодие
останется для вас такой же,
как и на первое.**

Наши индексы

по каталогу Роспечати:

**70673 — на полгода,
72376 — на год**

ВКУС БЕКАСА

Игорь АЛЁХИН

Охотник всегда остается охотником. Если, конечно, он настоящий охотник, — когда охота значит для него так же много, как и все остальное в жизни, вместе взятое. И если уж встретятся два таких мужика, то разговор у них так или иначе только об охоте и будет. О чем же еще друг другу говорить-то? Совершенно не о чем.

Так и было в тот раз. На званом ужине оказались мы с приятелем за столом единственными охотниками, остальные же так, просто хорошие люди. Водитель-профессионал, какой-то «зам», лейтенант-пожарник и предприниматель-фермер, но никто в охоте ни бум-бум. И хотя разговор был ладный и очень даже весело проходила вечеринка, в конце концов мы с Сергеем затронули свою тему. А так как из-за живости характеров и интереса поднятых вопросов стали говорить громче, общество за столом вскоре обратило на этот факт внимание. По-разному это выражалось. Кто-то смотрел на нас как на безнадежно больных неопасной болезнью людей. Кто-то, проявляя эрудицию, сообщил, что кабана в лоб пульей не пробьешь, а зайцу всегда нужно стрелять по ушам. А огромный Федя-«камазист» выдал очень остроумную, по его мнению, новость, что рыбаки — это народ тихопомешанный, ну а охотники соответственно — буйно. Но вскоре разговор направился в более спокойное русло, благодаря женщинам. Был затронут вопрос кулинарной пригодности дичи. Тут уж сколько человек, столько и мнений. Кто-то пробовал у знакомых мясо старого секача и восторгом не испытал. Другой отведал перепелок под соусом и — о! — восторгался, но только «уж очень они маленькие, прямо жалко!» А еще ели уток, и что-то они того... рыбой, что ли, отдают. Заяц — его все-таки, наверное, готовить надо уметь, и мясо у него красное, темное...

Мы с Сергеем кому поддакивали, с кем и спорили. А чего спорить-то? На любителя все это, понятно. Я вон в молодости нырков очень даже с аппетитом ел. Сам стрелял их из первой своей одностволки, сам готовил. Уж не помню — то ли по чьему-то совету, то ли вычитав где, рассластывал их «табака», шпиговал чесноком и луком, заливал сметаной, томатом (что было под рукой) и жарил на сковороде. И ел. Это же была моя добыча! Выслеженную, добытую — ее надлежало употребить в пищу. Это было законом. Не станешь есть — не стреляй! И сейчас я смотрю на людей, которые могут убить эту са-

мую белобрюхую чомгу и бросить на берегу, — как на пришельцев с другой планеты. Они, как правило, безнадежны.

Ну, так вот, поклонялись гости известные им виды дичи с точки зрения гастрономической ценности и хотели уже перейти к другой теме, как вдруг Сергей с видом явного превосходства спросил:

— А... вы пробовали когда-нибудь бекаса, граждане? — При этом он сложил концы четырех пальцев на руке вместе и, сощурился глазами, помахал рукой перед своим носом. Спросил достаточно громко, с выражением. За столом даже потише стало.

— Кого? — скривился в улыбке Федя-«камазист». — Еще что это...

А развеселившаяся супруга лейтенанта-пожарника, близоруко сощурилась, спросила:

— А... разве они не только в книжках бывают? Такие лошадки с крылышками?

Сергея опустил голову. Потом раздельно произнес:

— Нет, Света. Это не лошади. Это такие маленькие птички. Кулики. Длинный нос. Длинные ноги. Живут в болоте. — Он проделал манипуляцию с пальцами: — Де-ли-ка-тес.

Супруга Сергея погладила мужа по голове и ласково сказала:

— Это те, что ты в Сибири приносил? Помнишь, еще говорил, что уток в тот день не было. Такие долгоносики. Два или три, не помню.

— Какие два! — взорвался Сергей. — Три! Тьфу, что ты говоришь! Да я... Их стрелять знаешь как трудно! И то я... А какие они вкусные, ты помнишь?

— Вроде помню, Сережа. Кто их знает, ты же много другого приносил — рябчиков разных, уток... Глухаря даже, здоровый такой.

— Глухарей здесь нет, — грустно сказал Сергей.

— Ну а бекасы есть? — спросил кто-то.

— Бекасов полно. Сколько хочешь. Вот мы с кумом, — кивнул на меня Сергея, — набьем их, бывало, в детстве на отстойниках десятка... м... два — и жарим на костре на палочках.

— Ха! — расплылся в улыбке Федя-«камазист». — В детстве! На палочках! А вы сейчас набейте — и угостите компанию. Вот тогда и узнаем, вкусные или нет ваши... как их. Они хоть какие размером-то?

— Сергей! — грозно закричал Сергей своему восьмилетнему сыну. — Подь сюда!

Тот подошел к столу.

— Сожми кулак! — командовал отец. И показал как. Малыш сжал руку в кулак и поднял перед собой.

— Вот такие, — указал Сергей пальцем. — Только с крыльями. И носом.

Федор благодушно развел руки в стороны от своего восьмипудового тела:

— Так это ж сколько их надо...

— А! — отмахнулся Сергей. — При чем здесь количество... Важен интерес!

В общем, дальше больше, как говорится. Уже под изрядным хмельком поклялись мы с Сергеем страшной клятвой, что вождельных куликов этих непременно добудем и обществу представим. Конечно, приготовленными по особому старинному рецепту, не то французскому, не то аксаковскому.

Когда вышли покурить, я сказал:

— Сергей Георгиевич, а не наболтали ли мы с тобой лишнего? Бекасов-то этих, поди, и не осталось в наших с тобой прериях... Отстойники для охоты закрыты, а где в другом месте куликов много найдешь? Это раньше, помнишь, как мы стреляли бекасов на ночных отменях? Весело было! А потом ходишь с фонариком, собираешь. Эх... сколько их было! И вдруг не стало...

— Да ладно... — махнул Сергей рукой. — Что они понимают? Может, и получится где-нибудь. А сейчас бы — да с Доном! Красота была бы, а?

— Точно. Курцхаар показал бы себя... А помнишь...

Потом прошло время, разговор этот забылся. В сентябре засобирались на открытие охоты по утке. Расстелили как-то карту плавневых районов, долго водили пальцами: и тут были, и сюда забирались, к самому Азову, сколько бензином спалили, и все как-то... с переманным успехом. Куда теперь? Можно, конечно, по старым местам — надежно, спокойно. Ан нет, надоело, хочется чего-нибудь новенького. Можно не в самые дальние места, не в глухомань, где зачастую браконьерский безнаказанный беспредел ostavlяет от этих самых глухих мест одно название — и людей вроде нет, но и дичи тоже. Страшно угнетает это безлюдное бездичье и безрыбье. Просто тоска камышовая. Нет, давай на этот раз равнем поближе, куда-нибудь к охотбазе, к обществу милых «буйнопомешанных». Куда? А вот, к примеру, на Малый Бейсуг, тут вдоль реки на карте все черточками покрыто, а это значит болотистая местность, плавни то есть... А нам того и надо.

Выехали рано утром в пятницу. Сначала на Приморско-Ахтарск, до Ольгинской, потом направо по полям и скоро налево, к хутору Возрождение. За ним как раз охотстанция. И всего-то 90 километров, пустяк.

Огляделись. Станция — несколько домиков — стояла на довольно высоком для наших равнинных мест берегу реки. Противоположный берег был гораздо ниже, собственно, его вообще как такового не было: Малый Бейсуг здесь сливался с убегающими к горизонту плавнями. Плавня не такая уж большая, на горизонте виднелась лесополоса — там, видно, и конец тростникам. По карте так и выходило: камыши широкой полосой текут через поля к Бейсугскому лиману. Конечно не то, что где-нибудь за Хутором Пригибским, но тоже явно утиное угодие.

Прибыло нас четверо: двое «чисто» рыболовы и мы с Сергеем. Путевки получили без проблем, но тут же были предупреждены насчет казенных лодок. Да нам и не надо их — свои есть! Я свою килевую дюралку променяю только на такую же новую. У Сергея, правда, лодочка аховая, складная плоскодонка для любителей порыбачить на тихом деревенском пруду, но ничего, здесь ведь не Кирпильский лиман, открытой большой воды не видать, мелкие плесы, прокосы, кое-где отмели.

Рыбаки наши похватили снасти и кинулись к воде у шлюза — таскать крупную красноперку, линей и карася. Забегая вперед, скажу, что добыча у них в конце нашего вояжа оказалась раз в

тридцать больше по весу нашей, охотничьей. Кто во что горазд, однако.

Я полплыл в плавни на разведку, а Серега остался на берегу готовить лагерь. Он после службы в Сибири оказался незаменимым бивуачником, а это в подобных случаях — главный человек в компании.

Я плыл сначала вдоль русла Бейсуга, наблюдая, как в ярких бликах солнечного дня в прозрачной воде тучами уходит от лодки рыба мелочь с ладонь и меньше, как ближе к камышовым зарослям правого, утонувшего берега всплескивает рыба покрупнее. Потом углубился в плавни, пробираясь плесами через заросшие перемычки. Ближе к руслу встречались узкие серо-синие отмели, усыпанные белой мелкой ракушкой, глубже в заросли они исчезли. Пробовал выбраться на одну из отмелей: вроде ходить можно, но топковать, ноги вьзнут сильно, цепкая илистая земля прочно захватывает ступни, так что упасть пара пустяков. И не оттолчешь места — только развратишь черную грязную яму, в которой тонет и подмятый камыш. Нет, давай назад в лодку.

Вернулся я после обеда, вволю на толкавшись веслами в очень мелких, как оказалось, плавнях, где днище лодки почти все время ползало по жидкому илу дна, продавив двадцатисантиметровый слой воды, а весла уходили в ил наполовину.

Сергей поставил палатку, заготовил дров и то, что нужно для ухи и к ней. Последнее он взял рукой за горлышко и, позванивая по стеклянному боку ложкой, зычно воззвал в сторону шлюза:

— Рыбаки-и! Для ухи нужна рыба! Все остальное готово.

Эта информация возымела действие, и скоро рыбачки наши притащили к костру полмешка рыбы. Мы с Сергеем пе-

реглянулись. Потом оглядели окрестные плавни. Кое-где над камышовым разливом мельтешили утки — отдельные птицы и парочки. А рыба была вот она — желтые трехсотграммовые красноперки с карминными плавниками и крупные караси с чешуей черного серебра. Это была хорошая рыба, и ее было много. Честно говоря, я впервые в жизни был в замешательстве. Выручил Серега. Он глянул мне в глаза, понял мои мысли и сказал: «Но мы-то с тобой охотники... Съездим на утянку, потом посмотрим. Никто не мешает на рыбу переключиться. А место вроде неплохое, небедное...»

Пока занимались ухой, стали прибывать охотники. Больше каневчан — у них и вагончики стояли, и лодки были «забиты». Сразу видно — ребята давно тут обосновались. Ну что ж, будем на них ориентироваться.

Соседи оказались шумными и деятельными. Берег наполнился суетой. Задымили костры, загудели примусы, закрякали в ящиках подсадные утки. Кое-кто складывал снаряжение в лодки и явно готовился отплыть прямо сейчас. Зачем? Так ясно ведь — места занимать! Хлопцы местные, все здесь знают: может, и нам за ними, пока не поздно, а, Сергей Георгиевич? Давай, наверное!

Предохотничья лихорадка заразила и нас. Наскоро похлебав ухи, поглядывая на закатное солнце и отплывающую флотилию конкурентов, мы, бросив в лодки плащи и ватники (ночевать на воде нам было не впервой), вскоре отчалили.

Добирались трудно. Всего-то с километр-полтора по прокосам в камыше, но как нелегко идут лодки! Просто вязнут днищами в илстом дне, особенно маленькая плоскодонка Сергея. Намучился он со своими самодельными, да еще «чужими» веслами. Потом догадались, отвернули голенища болотников и вылезли из лодок. Ноги сразу погрузились в жидкое дно так, что до верха сапог осталось с ладонь. На пределе, в общем. Да еще шагать надо. Медленно, как во сне, чтобы не зачерпнуть водички вместе с изрядной долей вонючего ила. Со дна при каждом шаге поднимались гроздь шипящих

пузырьков, благоухая запахами разложения.

— Ну и плавня здесь гнилая, — пробормотал Серега, таща на веревке свое дюралевое плавсредство. — Куда двинем?

— Двигать будем по этому прокоосу, пока он не сузится до не могу. А потом уйдем влево. Или вправо. И станем где-нибудь.

В тишине подступающего вечера из разных уголков окружающего нас плавней доносились звуки, подтверждающие, что не мы одни находимся в поиске наиболее богатых мест охоты и главная — не одним нам досаждают плавня топью и комарами.

Наконец решили остановиться. Вышли на довольно приличное плесо с парой густых кустов камышца — как раз для двоих. Обзор, обстрел что надо. Сплылись борт к борту, зацепили лодки — можно готовиться к ужину.

Вокруг вода, камыш, широкий закатный горизонт, безветрие — что еще надо двум влюбленным в охоту людям? Ружья и патроны под рукой, комары досаждают не очень, реагируя на репеллент наших аэрозольных баллончиков явно отрицательно. Над камышами уже вовсю посвистывают утиные крылья — знать, утренняя будет знатная. И вдруг — бах! Выстрел! Вот черт, дурачится кто-то, что ли? К чему это... Все ждут утрянку, как положено — так нет же, найдется какой-нибудь...

Однако мы ошиблись. Ближе к ночи, когда на воде стало почти темно, а небо оставалось еще вполне светлым и на его фоне достаточно четко вырисовывались табунки летящих уток, плавня загрохотала...

Это не были отдельные воровские выстрелы, когда так, из жадности и скудоумия кто-то нет-нет да и выпалит до открытия. Нет, это была охота, обычная стрельба на вечерних перелетах. Часто раздавались дуллеты, несколько раз выпустили серию из полуавтомата. Ребята просто охотились, очевидно, здесь это было традицией. В один из моментов, когда стрельба вокруг нас достигла своего апогея, я сказал Сергею:

— У тебя документы далеко? Я свои, кажется, в машине оставил...

— Нет, вот они, а что?

— Посмотри — в путевке что указано. Может, у них тут охота с пятницы открывается?

— Сейчас... Да нет, все как положено — с завтрашней субботы.

Да бог с ними, пусть лупят. Вот ведь психология у этих, что стреляют вокруг. Уверен, разреши им охоту с пятницы, — стрелять начнут в четверг. Нет, никакому режиму нас не переделывать, это в генах. Если Бога нет в голове, и закона нет в голове, и суда нет в ней, то ведь никакими силами их туда не загонишь. Их там просто нет, и все тут.

Постепенно стрельба стихла. Но менее весело вокруг от этого не стало. В нескольких местах слышался возбуж-

денный разговор, выкрики, радостная ругань. В довершение ко всему в камышах кто-то заиграл на баяне. Господи, это ж надо придумать... на баяне! Не едет, злиться на этих ребят просто сил нет. Скучно им на берегу, неинтересно. А тут, в камышах — милое дело! Ори, матерись, на гармони наяривай — никто ничего не скажет, уж больно дно в плавнях топкое. Прямо болото. А что до охоты — так вот же она, охота. Только что была, слышал, как палили? Ну и что еще? Утрянки может не быть — распугали утку? Да будет она, куда ей деться! А не будет — да черт с ней, главное убить, что ли? Мы не мясники какие-нибудь: нам главное отдохнуть, главное расслабиться. Специально и выезжаем, чтобы никому не мешать, — ну и чтобы нам не мешали, естественно. Так что охоты, земляк, мы тебя не трогаем. Пока.

Ну ладно. Мы с Сергеем все-таки поужинали в честь дня открытия, потом долго курили и разговаривали о том, о сем. Сентябрьская ночь перед охотой длинна до бесконечности. Наконец устроились на ночлег в своих лодках. Я лег на расстеленную на дне лодки кошму, положив под голову свернутый ватник и укрышись толстым брезентовым плащом.

Сразу не уснешь. Вокруг тихие ночные звуки: рыба или водяная крыса всплеснет, вскрикнет птица в камышах, просвистят утиные крылья. Серега завозился в лодке, волны мерно закачали наш дюралевый тандем. Покурить еще, что ли? На небе ясные звезды, молочная пыль Батьевой дороги — Млечного Пути... Серега опять зашевелился, ругнул кого-то. Комары, наверное...

— Вот зараза, уже вторая, тварь...

— К-кто вторая? — замер я от ужаса.

— Да лиявки, сволочи, — довольно спокойно пробормотал Сергей.

Для меня же это слово означало удар грома над головой. Я с детства ненавижу и боюсь этих существ. Меня просто передергивает от одного вида их извивающихся, изменчивых по форме и цвету тел. За много лет я так и не смог привыкнуть к этой мерзости. Да и еще их способ добывания пропитания... Лягушку и змею могу в руки взять, но взгляда на пиявку достаточно, чтобы у меня отпала охота лезть в воду. Хоть за рыбой, хоть за дичью.

— А-а откуда они? — вскочил я, шаря по карманам спички.

— В лодку лезут, гады! — весело сплунул Серега.

Надо признать, много я слышал рассказов о нашествиях пиявок на лодки охотников и много узнал способов предотвращения этого, но как-то не совсем верил, вернее, совсем не верил. Наш брат, сами знаете, склонен к преувеличениям, ну и все эти ужасные истории про потерявшего сознание от потери крови мужика, которого атаковали ночью десятки огромных, «конских» пиявок, меня беспокоили не очень. А тут вдруг...

Найдя спички, я лихорадочно зажег несколько штук и осветил свою подстилку. Нет ничего... На всякий случай отвернул край войлока и — о ужас!.. Под кошмой, на дюралюминиевом дне лодки тускло блестели два медленно и зловеще сокращавшихся червяка. Я с омерзением выбросил их в ночную тьму. Достать нож и разрезать их не было сил. По частям приподнял я весь свой «матрац» и нашел еще двух пиявок.

— Серега, что будем делать? — почти истерично завопил я.

— Как что? Спать, что еще...

— Ты глянь, что делается! Болото проклятое...

— А... — спокойно протянул Сергей. — А что делать? Соли нет, солярки тоже... Солярка, говорят, помогает: если борта лодки намазать. Или раствором соли...

— А может, антикомарином пропшикать борта-то?

— Не знаю — да и дорогой он. А ты что, боишься их, что ли? — зевнул Серега.

— Да в гробу я видел это болото! Чтобы какие-то твари ночью мою кровь сосали! Бр-р...

В лодке у меня был небольшой ящик из толстой фанеры с патронами и разным мелким снаряжением, служивший и сиденьем. Усевшись на него и поджав ноги, я просидел остаток ночи, время от времени зажигая спички и выбрасывая за борт ненавистных пиявок. В ночной тишине можно было слышать, как очередная тварь, перебравшись через борт, скатывалась в лодку.

Долгожданный рассвет принес освобождение от ночного полусонного кошмара. Как я и предполагал, утрянка была слабой. Пал туман, и в его призрачных клубках носились не часто утиные стайки криквых. По ним стреляли, но стрельба была пожиже, чем накануне вечером. Да и криков меньше. Так, отдельные комментарии на тему охоты, качества патронов и анатомии человеческого тела. Ну, знаете, — как обычно. Неподалеку кто-то надрывно требовал, чтоб эта конченная сволочь вставала, похмелялась и стреляла. Стреляли и мы. Утки появлялись из тумана низко и неожиданно и так же быстро исчезали в нем. Я успевал выстрелить раз-другой, а потом слушал, не донесется ли удар о воду упавшей птицы. Кажется, их, слава богу, не было.

Но туман вскоре ушел. Камыши заблестели в лучах радостного солнца, заголубело небо, засверкала вода. Я смотрел в нее и не верил, что где-то там плывут, извиваясь, мерзкие ночные пиявки.

Заметив, что над соседним плесом утки проходят охотнее, чем над нашим, мы перебрались на него. Было уже поздно: при ясной погоде утрянка скоротечна, как известно. Но пяток крикух на двоих мы все же опрокинули в солнечную воду, вздымавшуюся в месте падения утки ослепительными брызгами. Потом припекло солнце, утки ис-

чезли. Мы пустились в обратный путь.

На берегу стоял веселый гвалт, по сухому солнечному берегу деловито и весело сновали охотники, дымил костер, орал радиоприемник. Пообедали, малость покурили, щурясь на ясное солнышко. Ну, какие планы? Пойдем побродим вдоль плавни этой, может, что интересное узнаем. Взяли мы с Сергеем ружья, пополнили патронташи (хоть и понятно было, что без надобности) и пошли потихоньку вдоль камышей.

Недалеко совсем отошли — навстречу охотничек, лет средних, чернявый такой. Пешком идет, вроде как не с этой компанией время проводил, да и с другой стороны правит. Ну, стали, покурили — что да как, конечно. «Утки немного» — это мы знаем. «Вчера хорошо попугали, паразиты» — знаем, понимаем, что делать: закон — камыши... «А я вот, — говорит, — уточку всего одну взял, без лодки оно несподручно. Зато бекасов с десятка наколотил и еще бы бил, да патроны вышли: вертикальные они, а дробь крупная...»

Я Сергея толкаю — чуешь, кум? Какие такие бекасы, да еще столько? «А ну, показать можно?» Охотник рюкзачок снимает — точно, самые настоящие бекасы. Что да как, да где это? И там, небось, уж не осталось их — разогнал, поди, всех? Да есть, говорит, они там с места на место, как мухи. Вон, говорит, подалее начинается вал, он очень широкий, и тянется этот вал через всю плавню, поперек, километра два. И там, где он кончается — о-он лесополоса на горизонте, — слева, увидите: такая вроде луговина. Вот там и шукайте бекасов.

Поблагодарили мы охотника и напрямиком на вал. Вспомнили и как вкусен

бекас под соусом из красного вина, и про свое обещание угостить им компанию. Надежды, впрочем, было не то чтобы мало — а так, вроде — чем черт, как говорится, не шутит. Хотя в наше время, в наших местах добыть десяток бекасов — это что-то похожее на удачу в лотерею.

Луговину искать не пришлось — она началась сразу, как только кончились обступающие вал камыши, и была метров триста в ширину и в два раза больше в длину. Вся она поросла травой по колено с узкими и резучими листьями. Воды — по щиколотку.

Охотничье веселье началось сразу, как только мы побрели по мелкой, слепящей глаза даже сквозь траву воде. Неподалеку взлетела стайка бекасов, и мы от неожиданности вступую отсалютовали этому событию.

— Стоп! — закричал я. — Так дело не пойдет! Сожжем патроны и только. Давай сразу успокоимся, подумаем, как лучше сделать.

А что! Думай не думай — ходи да вытаптывай. Птицы, однако, подпускали не близко — вспархивали метров за двадцать, а то и дальше.

— Эх, Дона бы сюда моего! — стонал Серега.

Но я не был уверен, помогла бы в этой ситуации легавая. Уж очень далеко срывались птицы — многих вообще приходилось отпускать без выстрела. Разве что подавать... Но ведь такое количество взлетающей дичи кого хочешь выведет из равновесия — куда уж молодому курцхаару! Так что очень может быть, что и подавать было бы нечего.

Дробь у нас была не совсем по этой дичи — семерка и пятерка, но прихо-

дилось мириться с тем, что есть. И не спешить, поточнее выцеливать. Стреляли мы в тот день примерно одинаково: у обоих были и глупые промахи, но и великолепных дальних выстрелов хватало. Причем чаще удавались боковые, когда знаменитых бекасиных зигзагов практически не замечаешь. Вот я иду, стараясь не слишком плескаться мелкой водичкой и пытаюсь сохранять равновесие, отдирая подошвы сапог от липкого дна. Сейчас, сейчас... Должен где-то... Чжи! — вспархивает птица. Ловлю ее мгновенно на дуге метров на двадцать пять — бац! Но кажется в тот момент, когда палец уже надавил на спуск, а дробь еще не вылетела из ствола, бекас виляет в сторону и узкий снап «семерки» хлещет по воде и траве рядом с ним. Эх, черт, — а вторым уже далеко ват! Если бы не надо было экономить патроны... И в это время сбоку ударяет выстрел — и птица, мелькнув светлым брюшком, валится в траву.

— Ха! — кричит Сергей. — А я гляжу — ты думаешь... Пятеркой! Учитесь, сэр.

— Запоминай лучше, где упал! А то... Чжи! — взлетают сбоку два бекаса.

Бац! — один сразу валится. И слава богу, что упал, — не целился же ни черта с перепугу. А второго бью вообще черт те где, на травяном горизонте, кажется, и этот споткнулся, «распетушился» пером и упал. Фу-у, тут, действительно, и бога и черта вспомнишь. Ура! Бегу. В спешке не отодрал еще сапог ото дна, а нога уже наполовину вышла из него. Обидно, но падаю. Правда, на одно колено, но вода в сапог пошла. Ну да ладно! Солнечный день, ветер, летающие во все стороны стайками и порознь бекасы — других куликов мы не видели там, — так и осталась в памяти та луговина. Когда в тот день она опустела (мы все-таки выжили куличье племя оттуда), одновременно опустели и наши карманы и патронташи.

Женщин бекасиным жарким мы все-таки угостили. Они очень хвалили кушанье, а меня, честно говоря, это несколько удивило, потому что я лично не нашел в нем ничего особенного, такого уж чтобы очень. Я вообще-то не гурман. И те бекасы, в детстве, были, помоему, вкуснее. Возможно, потому, что они уже никогда не вернутся.

А вернется ли эта луговина? Этот день, наполненный солнечным ветром, эта стрельба с лихорадочным нащупыванием патронов на поясе, эта связка дорогой дичи? Кто знает? Мы больше не бывали в тех местах ни разу. Но, во всяком случае, все в наших силах. Этим, по крайней мере, можно себя успокаивать, особенно в том случае, когда ты втайне понимаешь неповторимость каждого прожитого дня.

Рисунки Б. Игнатъева

ЧАС ВОРОНЫ

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Действительно, он вскоре позволил, этот незнакомец, назвавшийся Евгением Васильевичем Шубиным. Легко и быстро они сошлись в том, что на следующей же неделе поедут в будний день: меньше людей в угодьях. Копылов подробно записал, как его найти, и безошибочно выехал к дому. Это еще больше расположило Копылова к компаньону — толковое описание маршрута всегда говорит о наблюдательности и смекалке.

Шубин оказался человеком средних лет, с мягким голосом и мечтательными светлыми глазами, стеснительно тихим, вовсе не похожим на шумоватых азартных гончатников.

«Нелегко, наверно, такому в нынешних рыночных условиях, — присматриваясь к новому спутнику, проникаясь сочувствием, подумал Копылов. — «Бизнес» на помате — это, конечно, наивный жест отчаяния...»

Представить Шубина в роли лотошника было трудно. Шинельного сукна куртка, такие же штаны, заправленные в резиновые сапоги, потертый чехол с ружьем, рюкзачок, мятый латунный, полумесьяем рог на боку с костяным мундштуком — ничего лишнего, все поохотничьи... У ноги хозяина степенно шел выжлец — крупный, лобастый, с добрыми брылами, с тронутым седым чепраком, размыто переходящим в песочно-багряные подпалины... Русский гончий. Он спокойно оглядел Копылова темными влажными глазами, чуть шевельнул хвостом-гоном.

— Барабан, — представил его Шубин.

«Ему, пожалуй, больше подошло бы имя, как в «Холстомере» Толстого: Мужик, — подумалось Копылову. — Есть еще в деревнях такие мужики, знающие себе цену, рассудительные и несуетливые, но сноровистые в работе... Не традиционная, конечно, для гонца кличка, однако и Дя-Петя давал такие нетипичные клички, отражавшие, по его разумению, характеры собак. Но хорошо выжлец, хорош...»

По тому, как Шубин разговаривал с гончим, как заботливо уложил его на заднем сиденье, видно было: Барабан его любимец, его тихая гордость. Охотники, знакомясь, разговаривали на ходу, а выжлец спокойно поглядывал в окно, не обращая внимания на выкатывавшихся к машине в наигранной ярости уличных шавок.

— У меня тоже был «москвичок», — говорил Шубин. — Продав его, поторопился. Подходила в институте очередь

на «жигуленка», я и загнал старика по дешевке. А тут грянула «гайдаризация», отбросила меня на обочину: ни машины, ни денег. Да теперь уж разве купить, за тридцать-то с лишком миллионов?!

Его шоферские навыки и без рассказа угадывались в том, как он указывал дорогу, заранее предупреждая, где будет поворот, как перестроиться и занять нужную полосу шоссе. В ранний час машин еще было немного, и они, укоротив асфальтовую петлю накатанным проселком, быстро добрались до деревни, где жил егерь.

— Давненько не заглядывал, Василич, — вышел на крыльцо егерь, молодой цыганистого вида парень с висячими казацкими усами и темными быстрыми глазами. — Я уж подумал, не случилось ли что...

— Заглянешь тут, — вздохнул Шубин, интонацией объясняя все свои трудности.

— Это точно! — сразу понял, подхватил егерь. — У меня теперь народ другой: приезжают как на гулянку, считают, что чем денег больше, тем заяц должен быть толще. Гончие чуть скокуют — уже ворчат: «Что это за собаки, никак зайца взять не можем!»

Егерь оформил путевки, предложил с дороги чаю.

— Нет, нет, Пашуня, — заторопился Шубин. — Какой тут чай! Времени много, а в четвертом часу уже темнеет. Мы поедем.

— Ты уж извини, Василич, не пойду с вами: корова поднялась, сегодня договорились к быку вести. Ну, ты тут не хуже моего все знаешь. В случае чего, приезжайте нечоват, у меня нынче никого нет, одни будете в угодьях. Ни пера вам, ни шерстинки!

Егерское подворье с собаками в вольерах, с покрывающими в загородке утками было как порог, за которым начинался мир охоты. Копылову не терпелось поскорее расчехлить ружье...

Прямо на машине углубились в лес, чтобы поставить ее там, где когда-то оставял своего «Москвича» Шубин. Только тут, на лесной дорожке Барабану изменила его невозмутимость, он узнал знакомые места, заскулил, высунув голову в окно, стал ловить волнующие запахи.

— Жиры подостыли, да и времени в обрез — поможем, чтобы быстрее поднять? — спросил Шубин. И добавил, как бы испытывая напарника: — Вы как? Будем стрелять из-под себя или дадим погонять?

Шубин сам ставил себя в положение егеря, старающегося угодить старшему по возрасту, он считал это долгом

вежливости хозяина, угощавшего своими угодами, собакой, охотой.

— Ну, зачем же из-под себя? Надо дать погонять!

— Правильно! — обрадовался Шубин. — В зайце ли дело? Эх, Барабан, ну-ка пошарь! Пошарь, милый!

И охотники, разойдясь, с порсканьем, гиканьем и свистом полезли в гущину ельников, в путаницу тальников пересохших болот. Как болельщик, пришедший на футбольный матч, чтобы шумно излить свои переживания за любимую команду, освободить душу от накопившейся страсти, Копылов с мальчишеским озорством и азартом лихо вскрикивал, изошрялся в обращениях к тому, кого так хотелось взбудить и передать для работы гончему мастеру:

— Эй, косой! Вставай давай, соня! Ишь, заспался! Вставай, лопухий!

Его смешили такие же шуточные импровизации Шубина, в котором ничего не осталось от его стеснительной кротости — глаза его оживились, лицо покраснело, он с удовольствием отдавался своим несдерживаемым чувствам.

— Нам обоим за сто, — дивился себе Копылов, — а как обзартились! Посмотрел бы на нас кто-нибудь из знакомых... Вот что значит охота!

Издредка на глаза появлялся Барабан, деловито озабоченный, осыпанный сухими иголками хвои, косился, будто подмигивал одобрително охотникам, улыбался полуоткрытой пастью.

Но все старания были пока пустую. Гончатники поприптили, но так же настойчиво и упорно, как могут только охотники да, быть может, еще рыбаки, протрапывали лес. Где-то здесь мог быть, должен был быть заяц, его ожидание держало душу в том сладостном напряжении, которое заставляло забыть счет времени, счет пройденному расстоянию.

Как ни был готов к этому Копылов — заяц, как всегда, появился внезапно. Он вымахнул из-под самых ног, увидел человека, прижал уши и замелькал среди крошечных, чуть выше колен, елочек. Копылов привычно перехватил ружье, но сдержался и, будто сам закладываясь по беляку, тяжело зарысил ему вслед:

— Вот, вот, вот! Бар-рабан — в-о-от!

Выжлец проскочил, вернулся и пошел по горячему. Подбежал Шубин.

— Заяц? Ну, теперь Барабашка покружит, побарабанькает его! — сказал он с веселой нежностью, и Копылову было приятно слышать эту нежность, словно она адресовалась ему. Они послушали, как идет гон, и разошлись.

Окончание. Начало см. в № 8.

Перед Копыловым лежала длинная чистинка с редкими березами и осинами. Он изготовил ружье, привалился к прохладному, горьковато пахнущему осиновому стволу и замер.

Пришла тишина. Размеренные удалявшиеся бамканья гончего лишь подчеркивали ее, не нарушая. Копылов хорошо разглядел близко выскочившего беляка, ему легко было теперь представить, как он где-то идет перед гончим, далеко заметный ослепительно белыми штанами и пуховой хвоста, ковыляет неторопливо, напуская собаку, садится, слушает и снова срывается на махах, пружинисто отталкиваясь мягкими опушившимися лапами...

Черная тропа затянулась, наступил декабрь, небывало теплый, ни разу не падал снег, а заяц был весь бел, лишь на спине проступало буроватое седло.

«В такое время можно и на узерку, — думал Копылов. — Заяц на лежке, как ком ваты, далеко видать...»

Стоявший метрах в ста от него Шубин подал знак рукой, Копылов догадался: беляк водит гончака на кругах, может, податься туда? Стоит ли? — отмахнулся Копылов. И Шубин охотно подтвердил — действительно, не стоит, заяц долго кружить не станет, все равно Барабан выставит его сюда.

Не хотелось нарушать ощущения блаженного покоя, тишины, расставаться с запахом осиновой коры, с дятлом, спустившимся над головой так низко, что слышно было, как шуршат по коре его цепкие лапки, — хотелось слушать и слушать далекий плач гончего, прислушиваться к себе, к мыслям своим, соединявшим нынешнее с давним, с Дя-Петиным, оставившим на всю жизнь благодарную память. И так трогательно хороша была тихая печаль облетевшего, замершего в покорном ожидании зимы леса, что у Копылова перехватывало горло, пощипывало глаза.

«Нет ничего красивее дерева, — думал он, поднимаясь взглядом по стволу березы, светлевшему в завесе тонких плачущих ветвей. — Нежен его робкий, беззащитный, как травинка, росток, прекрасно оно в пору зрелости — мощный зеленый взрыв, исторгнутый

из недр корнями, прекрасно оно, как ничто другое, и в долгом своем умирании, распространяющем тонкий аромат древесного тлена... И каждое из них неповторимо, другого такого же не найти...»

Его размышления прервал выстрел, сухой и отрывистый. Второй, третий, четвертый... Что за канонада, в кого там палат?

— Кажется, это у бетонки, — подошел Шубин. — По нашему зайчику, похоже. А Паша говорил, больше никого нет. Без путевки, значит...

Гон смолк. Если беляк взят, Барабан должен вернуться. Может, просто перемолчка? Подождали, послушали. Гончий не появлялся. Шубин потрубил. Звук рога раскатился одиноким эхом, горестно истаял в тихом лесу.

— Пойдемте туда, — встревожился Шубин. — Бывают такие, что пальнут и по собаке. Пойдемте скорее.

Новая «Тойота-вездеход», шедшая по лесной бетонке, время от времени съезжала на обочину, останавливалась,

из нее выходили двое парней с новыми помповыми ружьями, страшноватыми по своей схожести с военным оружием. Они прочесывали округу в надежде поднять зайца и возвращались к машине, чтобы ехать к следующему поглянувшемуся месту. Туманя холодное стекло дыханием, из запертой «Тойоты» людей провожала тяжелым взглядом кругломордая собака — стаффорд. Парням не везло и вряд ли могло повезти: выбранные ими чистые участки леса едва ли годились для заячьей лежки, а в чапыжник и болота они не лезли. Ворча после очередной неудачи, они шли к машине и, кажется, даже здесь говорили о каких-то своих делах на работе — речь их представляла странную смесь русского мата и иноязычных тер-

минов, заполонивших в последние годы газеты, телепрограммы, городские рекламные щиты и вывески. Вероятно, им нравилось звучание таких слов и терминов, они даже друг для друга выдумали прозвища — Пейджер и Клип, — посредством которых и общались меж собой. При всех своих внешних отличиях Пейджер и Клип были очень схожи: их объединял тот стандарт «крутизны» облика и поведения, удивившийся среди таких же, как они, людей, заимствованный от «суперменов» из американских кинобоевиков, дополненный новыми доморощенными манерами демонстративно пренебрегать предрассудками морали и признавать лишь один властный авторитет — деньги.

— Слушай, все это мурня, эти прогулки, — не выдержал Пейджер. — Подрубнуть пора, я утром только чашку черного «пеле» махнул, даже без сахара. Погреемся хоть. А потом постреляем — чего мы, как дураки, таскаем наши «палки»?

Выбрав место, они развели на обо-

чине костерок, принялись извлекать снесь, выпили для «сургева» «Абсолюта».

— Собака лает, — прислушался Пейджер.

— Кого-то гоняет, — уточнил Клип. — Вроде сюда идет. Давай-ка дунем туда — может, нагонит?

Наскоро сгребли съестное, заперли в машине стаффорда. Постояли на бетонке, прислушались. Гон приближался, стал кружить где-то в низине. Они пересекли дорогу и поспешили наперехват.

— Постоим здесь, — шумно дыша, командовал более опытный в охотничьих делах Клип. — В болоте нечего делать, все равно ни черта не видать.

Зайца они заметили сразу, как только тот вышел из болота. Он проковылял краем, сметнул и, наддав, помчался на изволок. Выстрелил Клип, за ним Пейджер, и началась пальба, пока подбитый, ползущий беляк не забился на месте.

Там же, где из кочкастых талов возник заяц, появился гончий. Он без труда разобрался в заячьей сметке и, басовито отдавая голос, пошел вверх по склону. В похолодавшем влажном воздухе из его раскрытой пасти вылетал парок. Он добрал след, сунулся к окровавленному беляку, лизнул его и, довольная улыбаясь, пошевеливая гонмом, оглядел людей с ружьями.

— Ничей, что ли? — предположил Пейджер. — Без ошейника...

— Наверяд ли, — усомнился Клип. — Пес в порядке. Мощага! — Он огладил его лобастую голову, потрепал загривок. — А ты чувак покладистый! С нами пойдешь?

Он высмыгнул из брюк ремень, накинул на шею гончего:

— Пойдем! Чей или ничей — и нам послужай! Этого кроля ты четко заделал.

Гончий позволил подвести себя к машине, но, когда его стали сажать внутрь, заподозрил неладное, воспротивился, попытался вывернуться и даже огрызнулся, тут же устыдившись этого проступка. Пейджер подал ему ногой:

— Ах ты, гоняло, кусаться еще вздумал! — Затолкал в машину и захлопнул дверцу.

На него молча бросился сверху лежавший на сиденье стаффорд. В машине началась грызня. Гончий силится освободиться от оседлавшего его стаффорда, мертвой хваткой вцепившегося в загривок, извивался, рычал, пытался ухватить его за бок, но ему мешали сиденья, теснота в машине.

— Да что там такое? — заорал Клип. — Разними их!

— Сами разберутся! — Пейджер был горд тем, что его пес берет верх над более рослым гончим. — Должен же кто-то из них стать главным!

— Забери своего Бакса! Это же бойцовая собака! Разве мы взяли кобеля, чтобы его калечил Бакс?!

Стаффорд впился в загривок, как лещ. Барабан задыхался, изнемогал,

пытаясь сбить вероломно кинувшегося пса. За что?!

— Бакс, фу! Пошел! — оба парня не могли стащить, разжать ему зубы. И только когда Клип сжал и принялся выкручивать его мошонку, тот извернулся от боли и отпустил гончего. Бакса вышвырнули наружу и закрыли машину.

— Ну, давай продолжим. С удачей! — Парни разжили костер, выпили и снова взялись за еду.

— Кажется, трубят — слышишь? — Пейджер застыл с набитым ртом. — К нам вроде двигаются. Егерь или хозяин, наверное. Может, подорвем когти?

Перестал жевать, прислушался и Клип.

— Да, сюда... Не суетись, Пейжик! Ехать к дому — можем нарваться на них, они, кажется, по бетонке идут. Номер засекут, а там всякие разборки-разговоры. В другую сторону мотать неохота, времени жалко. Не сумеем поговорить, что ли? Убери зайца, побудь с Баксом у машины, а я их встречу, не пущу сюда. Приготовь на всяк случай «помпу».

Клип взял ружье и пошел по бетонке навстречу людям. Теперь уже был слышен не только рог, но и голоса.

Заметив тянущийся с обочины дымок, Копылов и Шубин направились туда. На дороге их встретил крепкий, мордатый, шароголовый парень в кожаной куртке и черной вязаной шапочке, в импортных зеленых резиновых сапогах на толстой желтой подошве. В такой же куртке и шапочке, с ружьем в руках и широкогрудой собакой на поводке в стороне у машины стоял еще один парень и размашисто жевал жвачку.

— В кого стреляли? — повторил вопрос новый русский, как не трудно было догадаться охотникам. — Не в кого, а во что. Помповик пробовал. По газетам. Недавно купил, осваиваю. Листы показать?

— Ну, зачем же... — замаялся Шубин. — А гончака не видели?

— Гончака? — опять переспросил парень. — Видели гончака. Почти на этом самом месте. Заяц через дорогу перескочил, а гончий на канаве сбился, покрутился и от наших выстрелов в лес дернул. В ту сторону, — показал он туда, откуда пришли охотники.

У Шубина затеплилась надежда: может, Барабан направился к машине?

— Мы тут маленький ланчик соорудили, найдется по стопарю — не желаете?

Парень представлялся радушным, но весь его вид, интонация и выражение лица говорили, что это всего лишь показная вежливость, воспользоваться которой не следует. Он был уверен, что гончатника не до выпивки. И конечно же не ошибался.

— Нет, нет, спасибо, — отказался Шубин. — Нам надо идти. Пока светло.

Шумя шипованной резиной, отсчи-

тывая колесами стыки плит, «Тойота» мчалась по пустынной бетонке. От включенной печки растекалось расслабляющее тепло, разноцветно посвечивали лампочки приборов.

— Не по делу такая охота, — ворчал Пейджер. — Деловым людям не годится. Наудачу шляться по лесу, ждать — нагонит-не нагонит. Хорошо, этот наравался, а прошел бы сотней метров в стороне — и привет, начинай сначала, день пропал... Надо опять вертак благовать — помнишь, прошлый год какой булла под Дмитровом завалили? Рожищи какие, во-о лопаты! За полчаса лес прочесать, сверху все видно, высмотрели, а остальное, как говорится, вопрос техники.

— Где его возьмешь, вертолет? — отозвался сидевший за рулем Клип. — Тот год, ты знаешь, как все получилось, по случаю.

— Зелененькими все пробьешь, Клип! Рынок же! Вообще пора бы организовать такие полеты за плату. Я слышал, у нас сейчас, как у белых людей, появились турахотагентства, которые могут устроить охоту где угодно, хоть в Африке, хоть в Южной Америке. Представляешь — носорога положить! Может, махнем, а?

Стемнело. Клип врубил фары. В снопах света стремительно неслись снежинки, подтаивали на лобовом стекле. Пришлось включить дворники.

— Ты гляди — снег, — сонно отметил Пейджер. — На белом сверху скотинку от-лично видать. Самое время с вертачка-то...

От выпитой водки, тепла и движения машины его разморило, он задремал.

А позади, разгороженные ящиком изпод бутылок, запаской и полотнищем брезента так, чтобы не видно было друг друга, сидели гончий и стаффорд. Барабан был встревожен, подавлен, унижен, обозлен — произошло такое, чего никогда не случалось. На охоте между людьми и собаками всегда устанавливались особые отношения, дружественно-ласковые. Барабана похваливали и ободряли, ему старались помочь в полазе и на сколах, на привалах ему первому выделялась краюха хлеба, перепалили лакомые кусочки, а тут... В чем он провинился?

В наследство от неисчислимых поколений гончих ему досталась благородная охотничья страсть, безраздельно владевшая всем его существом — найти во что бы то ни стало укромное место на лежке зверя, взбудить его и гнать, отдавая голос, чтобы хозяин знал, как идет зверь, гнать, стараясь не утратить своим удивительным, непостижимым для людей чутьем запах звериного следа, гнать, пока хозяин не оборвет удачную выстрелом бег гонного зверя. Как это чаще всего бывает, только тут гончий получал возможность увидеть того, чей след он держал целый час, а то и другой, и третий, за кем лез в чащобник и болота, чьи хитрости распутывал на пути к такому концу. Наградой ему, если это был заяц, служили пазанки и

всегда — благодарная ласка счастливого хозяина, который сдерживал себя, чтобы не расцеловать его атласное темя. Как все настоящие гончие, он был великий трудяга, и ни он сам, ни его хозяин не могли бы даже примерно сказать, сколько тысяч километров намотал он в погоне за зверем. Барабан был опытен, многое знал и умел в своей работе, был добр к людям и, в общем, равнодушен к собакам, чуждым миру его страсти, хотя и допускал возможность драки, когда требовалось силой утвердиться в праве обладания пустующей сукрой или нужно было защитить свою охотничью собственность — как это было с молодым выжлецом, посмеявшимся сунуться к сработанному им зайцу. Однако подобные схватки были подготовлены и оправданы обстоятельствами и никогда не были столь жестокими, чтобы грызться насмерть. А чем было вызвано внезапное нападение этого? Ведь они даже не обнюхались...

Гончий, конечно, не мог знать, что в России появились привезенные из-за океана собаки, для которых такой же страстью, как для него охота, является ненависть ко всем их сородичам, толкающая их на немедленную, беспощадную драку. Не они повинны в такой ненависти — повинны люди, которые для злой потехи вывели этих собак, чтобы стравливать их и делать денежные ставки, биться об заклад, чей пес окажется сильнее и злее. В России такого развлечения не было, не было и собак, и Барабану встречаться с ними не приходилось.

У гончего болел намятый, прокушенный загривок. Боль, как и ворчанье находившегося за ящиком стаффорда, наполняла его все большей злобой.

От неровностей дороги, постоянных толчков на стыках бетонных плит разделявшая собак баррикада расползлась и на одной из выбоин наконец развалилась. Стаффорд увидел гончего и, оборвав поводок, бросился на него. Но сейчас Барабан был наготове. Он увернулся и, пользуясь преимуществом в росте, опрокинул оскользнувшегося на запаске стаффорда, вцепился ему в горло. Зажатый между колесом и ящиком стаффорд бился под гончим, отталкивался крепкими узловатыми ногами, царапал ему живот, но Барабан, которому приходилось вот так же, по месту, брать лисиц, знал: отпускать в таких случаях нельзя. Свирипея от вкуса вылившейся крови, он лишь сильнее сжал челюсти.

— Глянь, что там у них, — не отпуская баранки, Клип локтем разбудил соседа.

Пейджер вскочил, включил свет.

— Ой, пад-дла, что ты наделал! — завопил он. — Останови! Он разорвал Бакусу горло! Кровищи-то! Убью, гад!

Путаясь в брезенте, он бил гончего ногами, кинулся к зачехленному ружью. Уловив ток свежего воздуха из открытой дверцы, Барабан, чуть не сбив Пейджера, выпрыгнул наружу и пустился к лесу.

— Ах ты, пар-разит... вместе со своим... вонючим потрохом... ты, гад... хвоста его не стоишь, — бормотал Пейджер, стаскивая зацепившийся за ружье чехол. — Я за него... щенком отвалил полторы штуки... зеленых...

Он выскочил из машины, лязгнув цевьем, досылая в ствол патрон, отыскал глазами смутно темневшего в сумерках гончего. Барабан приближался к опушке. Вслед ему грохнул выстрел, другой. По стволам деревьев зацелкала дробь. Но выжлец был уже вне опасности. Тяжело дыша, он остановился. Проводил взглядом замелькавшие междустов удалявшиеся красные огни машины. Вокруг был незнакомый лес. Куда идти?

Разойдясь с Шубиным, Копылов брел к «Жигулям». Хорошо начавшийся день обернулся несчастьем.

«Вряд ли он у машины, — думал Копылов о Барабане. — Как он мог отвернуть от выстрелов, если после них шел какое-то время с голосом? Почему мы раньше об этом не догадались?»

Ему все более становилось очевидным, что их провели. Обманули. На душе

было мерзко и гнусно. Надо было бы действительно досмотреть машину. «Неудобно», как же... Интеллигентность слюнявая. Очень уж подозрительна была настроженная, колючая «любезность» этого жвачного «супермена».

«Не стали бы, в самом деле, парни прибегать к оружию... Хотя кто знает? — подвыпившие, наголоватые. Новый джип, новые ружья, оба, конечно же, в коже... Почему все общественные пертурбации в России сопровождаются облачением в кожу? Пресловутые комиссарские кожанки в гражданскую, повальное коженоешение в нынешнее смутное время...»

Ружье висело за плечом, охота на ум не шла. Выскочи сейчас заяц — отпустил бы без выстрела. Где-то в стороне потрубливал Шубин, безмолвный лес отзывался тоскливым звуком рога.

«Даже если бы и находился у машины — пришел бы на рог... А он все трубит... Значит, нет...» — размышлял Копылов.

Он чувствовал себя виновным в случившемся. Если не полностью, то в весьма значительной степени. Он подбил Шубина на охоту, именно его захотел Шубин «угостить» своим гончим. Может, этого не случилось бы, если бы они поспешили, как предлагал Шубин, на гон, когда Барабан кружил в болоте... Но кто мог знать?

Копылов вышел к машине позднее напарника. Он издала заметил в сгустившихся сумерках его сгорбленную фигуру. Шубин, склонившись, спрятав лицо в ладонях, сидел к нему спиной на упавшей сосне и не слышал его шагов. Копылову показалось, что плечи его вздрагивают... Он остановился в нерешительности: подойти или не мешать? Неловко было нарушать его горестное одиночество, но так же неловко было и сторониться его горя, словно бы подчеркивая, что оно в первую очередь касается его, Шубина...

Мглистое небо еще более насунулось, сразу потемнело, из нависшей над лесом тучи в полном безветрии густо, обильно посыпалась с шуршанием сухая крупа. Первый снег... В тихом ровном шорохе все стало еще более печальным и сиротливым: застывшие деревья, стоявшая неподалеку, смутно поблескивающая стеклом и никелем стыллая машина, ссутулившаяся спина Шубина, по которой скатывалась, набиралась в складках куртки сухая крупа.

«И так мы осмерклись в лесу», — с горечью вспомнилось Копылову. — «Час вороны...»

Полагалось разрядить ружье. Он раскрыл звякнувшую пружиной эжектор двустолку, вынул патроны, зачем-то заглянул в недымленные, маслянисто блеснувшие тусклыми кольцами стволы и с ужаснувшей, очевидной неотвратимостью вдруг ощутил, что счастья его прежних охот уже не вернуть. Никогда. Как и само то время, отмеченное этим счастьем.

Рисунки Б. Игнатъева

ПУТЕМ-ДОРОГОЮ

Несколько субъективных заметок
по поводу маленького юбилея «Охотничьих просторов»

О. ЕГОРОВ

Вот и десятый номер обновленного альманаха позади. А значит есть повод высказаться как о самом альманахе, так и об охотничьей литературе в целом. Тем более, что последняя тема в альманахе поднималась неоднократно.

Уже первые два номера новых «Охотничьих просторов» произвели на меня весьма сильное впечатление. И в первую очередь своей цельностью. Удачно найденная форма издания полностью соответствовала его внутреннему содержанию. Несомненное свидетельство того, что концепция издания, до того как она смогла быть материализована, была всесторонне и не спеша обдумана новыми хозяевами альманаха. Последующие номера только подтвердили это мое первое впечатление. Выдержанность общей концепции издания и связанный с этим подбор материалов для публикаций и определили ту цельность всех первых номеров альманаха, которая, задавая определенный ритм, придала последнему то, что я бы назвал блеском стильного издания. А это не может не означать высокого профессионализма его составителей и редакторов. На мой взгляд, этот профессионализм обеспечивается блестящим знанием главным редактором альманаха В. В. Королевым русской охотничьей литературы, на лучшие образцы которой он и ориентирует редактируемый им альманах. Как истинная светскость того или иного мероприятия или клуба определяется не тем, кого вы там можете встретить, а тем, кого вы там никогда не встретите, так и в новых «Охотничьих просторах» я не встретил низкопробных, некачественных материалов.

Наряду с впечатлением цельности новые «Охотничьи просторы» порадовали меня своей мягко подчеркнутой преемственностью по отношению к старому альманаху. Духовные отцы обновленного альманаха взяли главное — смиренновскую концепцию альманаха как литературно-художественного сборника, но при этом очистили ее от всего чуждого и наносного и сохранили все лучшее. Абсолютно точно найденная ими форма альманаха с ее жесткой рубрикацией и создала тот надежный костяк, на который уже легко можно было нарастить содержание. И здесь, как и с выбором формы, духовники альманаха оказались на высоте.

Центральный стержень альманаха — отдел современной охотничьей прозы и поэзии, как по камертону, настрои-

вается по признанному классическому жанру. И надо сказать, что слух еще ни разу не подвел составителей, и мелодия этого отдела звучит чисто и ясно. Может быть, эстетствующий меломан и заметил бы несколько диссонансирующих нот и некрасивых обертонов, но в целом на общем фоне эти огрехи вовсе не заметны. И надо отдать справедливость, составители альманаха довольно быстро набрались опыта и уже с 4—5-го сборника даже самый взыскательный читатель вряд ли уловит фальшивые ноты.

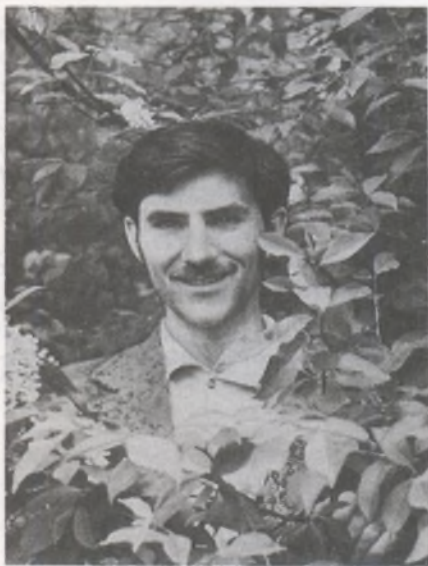
Мощным симфоническим аккордом звучит отдел старой охотничьей классики. Надо сказать, что для меня, уже четверть века не только собирающего старую охотничью литературу, но и в некотором роде профессионально ее изучающего, публикуемые авторы не являются чем-то новым и неизвестным. Но странное дело, в контексте всего альманаха эти авторы прочитались мною как-то по-новому, открылись незамеченными до этого гранями. А это не может не означать того, что жемчужины отечественной охотничьей классики оказались в достойной их оправе.

Два основных отдела альманаха совершенно естественно дополняют отделы, несущие культурологическую нагрузку. Нет необходимости распространяться о важности пропаганды традиционной культурной охоты, о знании истории отечественной охоты и охотничьей культуры, об уважении к памяти

людей, оставивших свой след в истории русской охоты. Возможности альманаха в разработке этих тем неограниченны, и представленный уже в первых 10 номерах материал со всей очевидностью показал желание составителей альманаха как можно шире и глубже представить все аспекты такого явления, как русская охотничья культура. Это нельзя не приветствовать, тем более, что лишь в последние 10—15 лет мы начали серьезно интересоваться своей историей и наконец-то и у нас начала складываться своя небольшая школа отечественных исследователей. А это, в свою очередь, несомненно свидетельствует о достижении отечественной охотничьей культурой стадии определенной зрелости и потребности в осмыслении пройденного ею пути. Эту тенденцию чутко уловили составители альманаха, и мелодия культуры также звучит в альманахе чрезвычайно насыщенно, заметно дополняя и обогащая основную.

Несколько слов необходимо сказать и о внешнем оформлении альманаха. Мне чрезвычайно нравится обложка новых «Охотничьих просторов». Она в одно и то же время нова, символизируя обновленный альманах, и очень традиционна, подчеркивая свою преемственность и связь со старым альманахом. И хотя в одном из ответов читателю главный редактор альманаха Королев заявил, что мягкая обложка используется из-за невозможности в данный момент выпускать альманах в твердой по причине резкого удорожания самого издания, на мой взгляд, не стоило бы менять это оформление, даже если у последующего появится больше материальных возможностей. Мне кажется, настоящая обложка вполне стильная и очень подходит альманаху, делает его узнаваемым и нарядным. Твердый переплет делается для чего-то неизбежного, монументального, отстоявшегося в годах, т. е. того, что мы относим к охотничьей классике. Альманах же — вещь живая, эфемерная, текущая, он лишь с большей или меньшей точностью отражает сиюминутный, постоянно меняющийся процесс в охотничьей литературе, отнюдь не претендующий на всеохватность, монументальность и истинность, и поэтому ему больше подходит такая же живая, мягкая, теплая обложка.

И в заключение я бы назвал литературный уровень альманаха выше среднего и с достойным, очень ровным подбором авторов. Альманах, на мой взгляд, не имеет явных провалов. А это многого стоит.

Поэт Юрий Шумаков родился на Куршине. Он мой земляк. Село Шумаково — его соловьиная родина. Она полна любви просторного поля, звонкоголосого заренья, тиховолнового древнего Сейма, берущего начало из семи родников. Там живут его корни, напоенные пойменными туманами, среди чуткой тиши ольхового леса. Юрий рано полюбил рыбалку, а позже охоту, к которой его пристрастил отец Давыд Афанасьевич, сельский кузнец — заядлый рыбак и охотник.

Рос и воспитывался будущий поэт в большой семье, кроме него было еще шесть сестер. Большая семья — большие заботы и нужда. С детских лет он перенял от отца плотницкое и кузнечное ремесло, не говоря о крестьянских делах, которые осваивает любой деревенский паренек...

Поэтические способности и стремление к живописи в нем заметила учительница Лидия Семеновна Курганская. Она поддерживала в нем это стремление. Желала ему успехов.

После окончания средней школы Юрий служил в погранвойсках, сначала в Эстонии, затем в Ленинграде, где и познакомился с поэтом Николаем Рубцовым. Тот был намного старше Юрия и опытнее в поэтическом творчестве, что положительно отразилось на судьбе курянина.

Дорога в Литературный институт им. Горького ему открылась в 1978 году... Выдержал творческий конкурс и сдал успешно экзамен. Учился он в творческом семинаре Егора Исаева, известного поэта, Героя Социалистического Труда и лауреата Ленинской премии. Диплом об окончании литературного вуза получил в 1984 г.

По своему творческому почерку Юрий Шумаков — лирик. Ему свойственны тонкая поэтическая вязь, живописность, чарующая поэтическая образность. Надеюсь, что подборка стихотворений, представленная читателям журнала «Охота и охотничье хозяйство», привлечет их сердца к поэзии молодого талантливого поэта.

Николай ШУМАКОВ,
член Союза писателей России

Юрий ШУМАКОВ

Дождлся. Тихая пороша.
Уйду чем свет за русаком.
Лизнет мне руку верный Тоша
Своим шершавым языком.
Мой Тошка — гончая в подпалах.
Лежат с боков и у хребта.
Он вечно ходит в добывалах,
Иметь такого пса — мечта!
С веселым лаем за ворота
Метнется, снегу захватя.
Охота! Милая охота!
Тобой я болен, как дитя!

Возьму ружьишко.
В лес уйду,
Где ветер куролесит.
Случайно к дому набреду,
Что потонул в залесье.
Воды пригоршню зачерпну
Холодной из колодца.
Оставлю лень свою в плену
Чалыжного болотца.
Шалаш. И звезды надо мной.
Утье не тянет с поля.
Ждать буду час урочный свой.
На все есть божья воля.
Вольюсь в омут зоревой.
Стою за камышами.
И на манок послушный свой
Сойдуся с крикашами.
На взлете срежу их дуплетом.
И навсегда расстанусь с летом.

В хуторочке зоревом
Сон томителен и сладок.
Подниму трех куропаток
На просянье дождевом.
Мазанул. Видать, спросонья.
Унеслись в глухую даль.
На гуменные одонья
Спустила осень шаль.
Скраду зайца в перелеске.
Отзовется боль в глуши.
На строченой занавеске
Улетевшие стрижи.

Уйдя в заоблачную высь,
Орел кружит над далью горной,
Где скрытно яростная рысь
Пасет тропу улковой черной.
И жертвы пойманной глаза
Нальются холодом предсмертным.
И в беге сбита коза
Простится криком безответным.
Ползет туман в лесную глушь.

На водопой стремятся козы.
О, обреченность божьих душ!
О, жизнь утраченная — слезы!..

В ЗАТОНЕ

На речке после ледохода —
Водою полой принесло,
Минуя вешнее село,
От лодки борт.

А мне казалось —
То лебединое крыло
Нам от зимы седой осталось!..

Налетели на лес холода.
Отряхнули его одеянья.
Изловила в свои невода
Осень милые сердцу свиданья.
Собирал летом я иван-чай
У дороги, у самой опушки.
Развевал розоватые стружки
Легкий ветер, ушедший от стай.
Где ты, иволга?
Где ты, свирель?
Я без песен не знаю покоя.
Загуляет тут скоро метель,
И заплачет еловая хвоя.
Но я брошу свои два крыла
В незабвенные дали села!

С теплом закатным говорю
У кромки леса.
Распеленал мою зарю
Октябрь-повеса.
Иду по Талдому с дружкой,
Чернеют лужи,
И клен безродным босяком
О чем-то тужит.
Отдал любовь свою селу
И песни маю.
Равняю сердце по крылу
В большую стаю.
Грачи! Кружите посильней
В лучах заката.
Мне снова снится у плетней
Родная хата...

Зальет луга вечерней синью
Моя сгоревшая весна.
И, одурманенный польною,
Бреду на вольный свет окна.
Проходит стадо за рекою
В потоке ливневых лучей.
Наворожу душе тобою
Явить любовь родных очей.
Сведи меня, тропинка, с летом.
Сторожкий шаг ее ловлю.
Внимаю звукам в мире этом —
Все, что без памяти люблю!

ИСПЫТАНИЕ ОРУЖИЯ В ИТАЛИИ

М. БЛЮМ

Италия сыграла важную роль в развитии огнестрельного оружия в Европе. Некоторые итальянские производители оружия, например семья Коминаццо, пользовались широкой европейской известностью еще в XVI веке. Согласно ряду источников итальянский город Пистоллия явился основой образования слова «пистолет». Северный город Брешиа и расположенный недалеко от него город Гардон-Вал-Тромпия стали ведущими центрами производства оружия.

В Италии широко практиковалось испытание огнестрельного оружия его производителями, а также муниципальными властями. В 1910 г., а возможно, и раньше существовала частная испытательная фирма в г. Брешиа.

Итальянское правительство предприняло первый шаг в направлении введения общегосударственной испытательной системы, открыв в 1920 г. в Гардоне и в 1921 г. в Брешиа испытательные фирмы. Испытания оружия были обязательными.

Предварительные испытания ружейных стволов в незаконченном виде проводились при давлении 1030 кг/см² и обозначались клеймом «1». Вторая серия испытаний показывала пригодность гладкоствольного и стрелкового оружия. Окончательное испытание оружия бездымным порохом при давлении 880 кг/см² клеймилось клеймом «2». Окончательное испытание оружия черным порохом при давлении 630 кг/см² клеймилось знаком «3». Дополнительное клеймо «4» было применено к стрелковому оружию, подвергшемуся окончательному отстрелу при полной сборке после воронения. Это клеймо всегда было связано с клеймами «2» и «3». Винтовки подвергались испытаниям с избыточным давлением в 30 % при полной сборке и клеймились знаком «5».

Установленная система испытаний в 1920 г. позволила проводить испытания изготовленного, но еще не проданного оружия. Это оружие, помимо обычных испытательных клейм, клеймилось до сентября 1921 г. еще буквами «ВРО» (клеймо «6»).

Новое законодательство 1925 г. ввело обязательные испытания всего оружия. Итальянское правительство стремилось в новом законе провести жизнь в наиболее полной форме условия Брюссельской конвенции.

Закон требовал, чтобы все оружие имело испытательные клейма, а также точные сведения о калибре. Калибр и размер патронника должны были отвечать международным стандартам.

Все оружие, успешно прошедшее испытание, клеймилось отличительным знаком испытательной фирмы. В 1925 г. их насчитывалось три — в Гардоне, Брешиа и Камерлате (клейма «7», «8» и «9»).

Закон 1925 г. предусматривал два предварительных испытания стволов. Отстрел неокончательно изготовленных стволов черным порохом при давлении 1100 кг/см² клеймился клеймом «10». Отстрел готовых стволов проводился черным порохом при давлении 900 кг/см² и имел клеймо «11».

Окончательное испытание ружей проводилось с применением черного или бездымного пороха. Испытание с применением черного пороха создавало давление 620 кг/см² и обозначалось клеймом «12». Буквы «PN» обозначали «pulvere nera», или «черный порох». Испытания бездымным порохом проводились при давлении 845 кг/см². Это испытание клеймилось знаком «13». Буквы «PSF» обозначают «pulvere senza fumo», или «бездымный порох». В последнем случае клейма «12» и «13» сопровождалась клеймом «14». Слово «FINITO» означает «закончено».

Винтовки, револьверы и пистолеты испытывались в полностью собранном состоянии при избыточном давлении в 30 %, независимо от того, какой порох при этом применялся — черный или бездымный. Этому испытанию соответствовало клеймо «15».

Как правило, оружие имело отметку о годе испытаний. Ружья имели клейма, отображающие вес стволов в килограммах, диаметр ствола и диаметр дульного сужения в миллиметрах, длину патронника.

Правила испытаний были несколько изменены в 1929 г. Ружья калибром менее 16 подвергались испытаниям при несколько более высоком давлении — 1030 кг/см² с применением бездымного пороха.

Давление при испытаниях ружей калибра 16 и более осталось прежним. Второе изменение коснулось испытания винтовок. Вместо клейма «15» эти испытания стали обозначаться клеймами «12» и «13». Требования, предъявляемые к уровню давления, остались прежними.

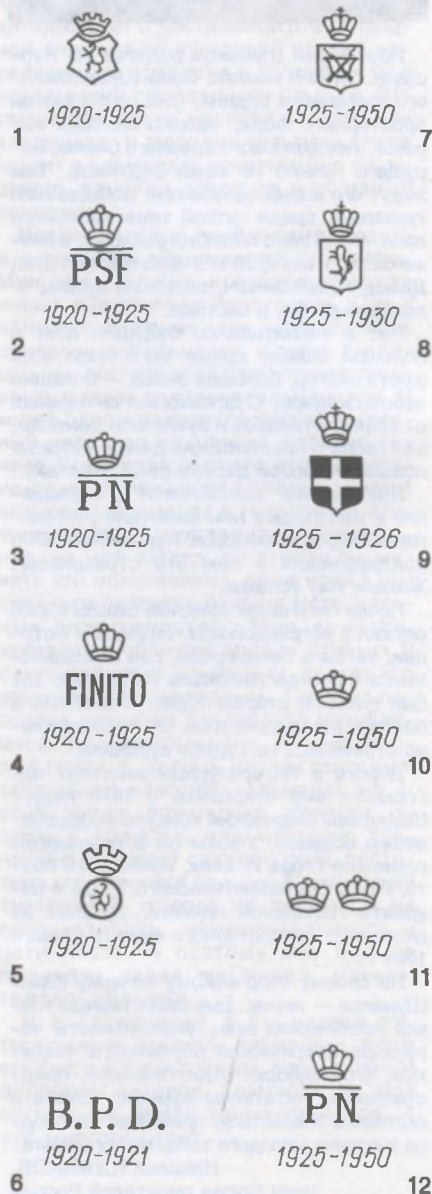
В 1930 г. клеймо Брешийской испытательной фирмы было отменено, операции этого учреждения взяла на себя Гардонская фирма. Испытательная станция в Камерлате была закрыта в 1926 г. Итальянские специалисты по испытаниям официально заявили, что начиная с 30-х гг. в употреблении было

только клеймо Гардонской испытательной станции.

Так как в Италии была свергнута монархия и учреждена республика, в 1950 г. королевская корона на испытательных клеймах была заменена звездой, которая символизировала республику (клейма «16» — «19»). В то же самое время количество знаков было сокращено. Клейма «10», «11» и «12» заменены клеймом «17».

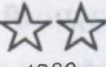

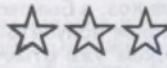

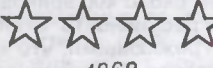

В 1962 г. эти правила в некоторых пунктах снова подверглись изменениям.

Были введены усиленные окончательные испытания бездымным порохом

(клеймо «20»), проводимые при давлении 1240 кг/см². Это испытание является обязательным только для ружей с длиной патронника, превышающей 70 мм. Была установлена система клейм («21» — «24»), которая обозначала степень дульного сужения. Соответствующий знак проставляется на каждом стволе в передней его части.

Клеймо «21» обозначает полный чок (0,9—1,1 мм); клеймо «22» обозначает 3/4 чока (0,7—0,8 мм); клеймо «23» обозначает 1/2 чока (0,4—0,6 мм); клеймо «24» обозначает 1/4 чока (0,2—0,3 мм); клеймо «25» обозначает ствол цилиндрической сверловки.

13	 PSF 1925—1950	 FINITO 1950	19
14	 FINITO 1925 1950	 PSF	20
15	 PD 1925—1929	 1962	21
16	 1950	 1962	22
17	 PSF 1950	 1962	23
18	 PN 1950	 1962	24
		 CL 1962	25

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАБИНОВ ТИГР

Охотничий карабин «Тигр» под патрон 7,62x54R

При эксплуатации охотничьего нарезного оружия у потребителей возникают специфические вопросы, зависящие от образца, места и цели его применения, характера и охотничьего стажа владельца оружия и других факторов.

Эти вопросы, предложения и претензии поступают в адрес разработчика оружия, а потому есть необходимость ответить на них в публикации, доступной для охотников.

Наиболее эффективным поражающим действием по крупному и среднему зверю в настоящее время обладает 7,62 мм самозарядный карабин «Тигр», специфике эксплуатации и характеристикам которого посвящается этот материал.

Карабин «Тигр» создан на базе известной снайперской винтовки Драгунова, зарекомендовавшей себя как безотказный и прочный боевой образец с высокой кучностью стрельбы. Для охотничьей стрельбы из карабина применяется патрон 7,62x54R с начальной скоростью полета пули более 750 м/с, имеющей массу 13 г и поражающей крупного зверя на расстоянии более 300 м. Прицельная стрельба из карабина производится через открытый прицел (мушка и целик), а также можно применять оптические прицелы различных модификаций (ПСО-1, ПСО-1М2, ПО4х24, ПО4х24-2, ПО4х34).

Кучность стрельбы четырьмя выстрелами на дальность 100 м по показателю P_{100} (расстоянию между наиболее удаленными друг от друга пробоинами) с открытого прицела не превышает 8 см. При применении оптических прицелов кучность стрельбы улучшается до 30 %.

Безотказность карабина, автоматическое перезаряжание, наличие магазина емкостью на 5 патронов и мощный патрон позволяют безопасно сближаться с крупным опасным зверем даже малоопытному охотнику.

Карабин «Тигр» имеет преимущества над зарубежными аналогами по безотказности действия в интервале температур от плюс 50 до минус 50 °С и других атмосферных воздействий, по про-

стоте устройства и обслуживания, имеет надежное предохранение от случайного выстрела, безопасен в обращении. Детали карабина изготовлены из высокопрочных материалов, канал ствола и патронник имеют защитное хромоное покрытие.

Качество выпускаемых карабинов постоянно подтверждается комплексными периодическими испытаниями.

В настоящее время на предприятии ведутся работы по дальнейшему совершенствованию карабина, улучшаются внешний вид и удобство прицеливания за счет установки нового приклада с pistolетной формой шейки. По просьбе потребителей прорабатывается возможность отбора карабинов с улучшенной кучностью стрельбы и дополнительной декоративной отделкой.

Изготовители карабина просят строго соблюдать правила эксплуатации, изложенные кратко в паспорте на карабин, и ни в коем случае не использовать неизвестные вам, случайные патроны; к примеру, патроны после длительного хранения показывают не только плохую кучность стрельбы, но и опасны в обращении из-за изменения давления пороховых газов в канале ствола, что может привести к разрушению карабина.

От редакции. Указанная автором дальность стрельбы по крупному зверю далее 300 м практически не подтверждается, а если брать во внимание охоту на достаточно крупного медведя, то с таким оружием вообще не рекомендуется ходить на охоту. Кучность стрельбы из карабина, указанная автором при стрельбе на 100 м и равная 8 см с открытым прицелом, а с оптическим может быть достигнута даже 5,6 см, на практике недостижима, т. к. сам патрон по чертежу при стрельбе из баллистического оружия показывает такой разброс пуль.

В. ТЕПЛЯКОВ

«ИЗВЕСТИЯ», «ФИНАНСОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ», «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Концлагерь для медведей

Борис, пошатываясь, обнюхивал новое жилище. Лапы с трудом слушались, шерсть вываливалась клочьями. Удивительно, как он еще выжил после долгих лет мучительных пыток.

Трудно сказать, почему его прозвали Борисом — то ли за большой рост, то ли за строптивый нрав. Медвежья судьба пошла под откос, когда охотники продали его за 3 тысячи долларов на специальную ферму в южнокитайской провинции Гуандун. Предприятие зарабатывает больше деньги на «дойке» желчи из косолапых и продаже ее внутри страны и за рубежом. Фармацевтические фирмы используют экстракт в качестве компонента при изготовлении снадобий по древним рецептам китайской традиционной медицины. Пузырек желчи стоит в Гонконге больше тысячи долларов, и с ее помощью, как уверяют знахари, можно вылечить тысячи болезней, начиная от подростковых прыщей, кончая раком.

Бориса заточили в такую тесную клетку, что он даже не мог в ней пошевелиться. Лапы и морда торчали через прутья. В брюхе проделали дырку и ввели туда трубку с краником. В положенное время два раза в неделю приходил дойщик, который производил болезненную операцию вытягивания желчи.

Ему и еще семи его собратьям страшно повезло. Благодаря стараниям Международного фонда социального обеспечения животных, этих медведей из фермы пыток перевели в санаторий. Его построили на пожертвования, собранные по всему миру. Сейчас по всему Китаю работают 450 ферм. Более семи с половиной тысяч медведей рвут и мучаются в них.

Александр ПЛАТКОВСКИЙ,
Пекин

Воют волки над страной...

Вологодчина подверглась нашествию волков. За прошлый год охотники добыли 445 волков, но на территории области, по подсчетам Управления охотничьего хозяйства, их еще осталось более полутора тысяч. Волки, видимо, от бескормицы съели почти всех дворянжек в деревнях. У пятидесяти охотников погибли в неравных схватках с волчьими стаями их гончие и лайки, сообщил из Вологды наш корр. Виктор Филиппов.

Крапленые яйца

Хорошей матерью признать кукушку вынуждены испанские орнитологи, хотя эта птичка, как известно, подбрасывает яйца в чужие гнезда. Самка кукушки по нескольку дней выслеживает жертву, дожидаясь момента, когда, скажем, тростниковый дрозд снесет яйца и оставит гнездо без присмотра. Кукушке достаточно пяти секунд, чтобы украсть яйцо и положить на его место собственное. Маленькая певунья, ничего не подозревая, выкармливает огромного птенца, который в буквальном смысле слова обжирает ее родных детей.

Однако встречаются и такие птицы, которые обнаруживают подмену и выталкивают чужое яйцо из гнезда. Однако, как заметила группа зоологов во главе с ученым Мануэлем Солером, это может иметь весьма печальные последствия.

Исследователи забрали подкидышей из двадцати пяти гнезд, а в двадцати пяти — оставили. Спустя некоторое время они стали свидетелями ужасного опустошения: кукушки разрушили те гнезда, из которых их яйца забрали, уничтожили сорочки яйца и убили птенцов.

Выяснилось, что кукушки регулярно проверяют те гнезда, в которые они подбросили яйца. И если все в порядке, то оставляют гнезда в покое, а если нет, то совершают нападение. И разве скажешь после этого, что кукушка плохая мать? Ведь не считается же у людей ззорным все тяготы воспитания детей переложить на государство.

Даже олени, понимаешь, против!

31 марта на площадке перед главным входом в зоопарк радикальное экологическое движение «Хранители радуги» проведет акцию «Российские слоны против высокоскоростной магистрали». Организаторы сообщили ИМА-пресс, что в действе примут участие чебурашки, бабочки, северные олени, другие звери и люди доброй воли. С противоположной стороны — каракатица. Как известно, проект трассы Петербург — Москва, против которой протестуют «Хранители», предусматривает прокладку по территории Валдайского национального парка и Великого водораздела. По мнению экологов, дорога угрожает водоснабжению Московской, Ленинградской, Тверской и Новгородской областей, а многочисленные вы-

рубки приведут к уничтожению последних участков дикой природы в центре России. Магистраль, на которую власти собираются затратить 7 миллиардов долларов, окупится не раньше, чем через 14 лет, и то лишь при нереальных объемах пассажирских перевозок (в 10 раз превышающих нынешние), считают «Хранители». Да и главный довод РАО ВСМ — возможность добраться из Москвы в Петербург за 2,5 часа — не работает: самолетом и быстрее, и дешевле.

Свинское поведение

Неприятный сюрприз ожидал шведского фермера Биргера Моквиста, когда однажды утром он заглянул в хлев. Как оказалось, корм, данный накануне двум с половиной тысячам животных, забродил, в результате чего у всей честной компании появилось веселое настроение. Некоторые животные не переставая хрюкали от радости, другие пустились вскачь, а были и такие, которые даже не могли стоять на ногах. Моквист просто остолбенел при виде этой картины, а когда пришел в себя, с отвращением сказал: «Нажрались, как свиньи!»

Волки возбуждают шкурный интерес

Небывало суровая и снежная зима в Нижнем Поволжье выгнала волков из чащоб к людям. В хуторе Набутов серые разбойники загрызли полтора десятка коз, в Быковском районе зарезали более полусотни баранов, а в Иловлинском уже отмечено нападение волков на человека, которому только по счастливой случайности удалось отбиться.

Несмотря на то что в прошлом году в Волгоградской области было отстреляно около 400 волков, их численность и агрессивность становятся настолько угрожающими, что администрация выделила 50 миллионов рублей на охоту с вертолетов. За каждую убитую волчицу установлена премия в три минимальные зарплаты и две минимальные — за волка. После выделения этих средств «кара с небес» уже наступила 15 хищников. Впрочем, некоторые охотники предпочитают нести волчью шкуру прямо на рынок, где она еще прошлой зимой стоила 150—160 тысяч.

«ИЗВЕСТИЯ», «ФИНАНСОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ», «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Гибель чукотских оленей уже обошлась в 10 млрд рублей

Чрезвычайная ситуация сложилась сейчас на Чукотке. Более 10 тысяч северных оленей погибли от голода, и, по прогнозам специалистов, эта цифра возрастет еще как минимум в три раза. Уже сейчас ущерб от падежа оленей составляет около 10 млрд руб.

В середине декабря после необычно теплой и дождливой погоды температура в этом регионе упала до минус 35—40 градусов. Толстый лед покрыл многие пастбища, и копыта животных не могут пробить трехсантиметровый слой. В поисках корма 60 тыс. оленей (а всего в регионе их 240—250 тыс.) отогнали на дальние пастбища. Около 800 оленеводов нуждаются в срочной помощи — заканчиваются запасы пищи.

С 3 января начал работу по доставке продуктов и комбикорма тяжелый транспортный вертолет Ми-26, принадлежащий Дальневосточному региональному центру Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ, сообщил представитель МЧС Виктор Бельцов. В Иультинский район Чукотского автономного округа к 10 января завезено 87 тонн продовольствия. Обратными рейсами вертолет должен вывозить оленину, поскольку оленеводы начали внеплановый забой.

Ольга ПОДКОЛЗИНА

Метил в лося, попал в председателя

Охота, которую организовал для одной представительной компании председатель охотничьего общества Владимирской области В. П. Рассадин, стала для него последней. Было это убийство случайным или преднамеренным, сейчас выясняет следствие.

Трагедия произошла, когда на линию охотников, расставленных по номерам, загонщики выгнали лося. По правилам охоты зверя убивает тот, кому повезет встретиться с ним, так сказать, лицом к лицу. Прочая стрельба запрещена из соображений безопасности. Охотник то ли в азарте, то ли по оплошности выстрелил вдоль линии, якобы лося в бок, а попал в председателя.

Рассказывают, что в прошлом году за такое же хамское поведение на охо-

те сотоварищи здорово намяли этому персонажу бока. Но тогда все остались живы, может, поэтому урок впрок не пошел. Выходит, что на охоту, как и в разведку, можно ходить не с каждым.

Татьяна ФИЛИПОВА

Медведица довела лесника до инфаркта

Столкнувшись нос к носу с медведицей, скончался от инфаркта лесник в Лесозаводском районе Приморского края. Трагический случай произошел в минувший понедельник. Работники хозяйства отправились выбирать новую делянку для лесозаготовок и, продвигаясь по старой просеке, увидели большое дупло. Лесника подвело любопытство. Он решил проверить, кто в нем живет. Из дупла навстречу ему с ревом выскочила крупная медведица, но, не тронув людей, скрылась в лесу. Лесник же скончался на месте.

Невиданные звери в Поволжье

В Волгоградской области, сообщает наш корр. Валерий Корнев, появились никогда не виданные здесь прежде звери — шакалы. О недавней встрече с ними во время зимней охоты рассказал охотовед областного общества охотников и рыболовов Юрий Климентьев. Он видел их в Котельниковском районе. А в Дубовском районе тамошний охотовед обнаружил пятерых шакалов.

Ближайшее от Волги место обитания шакалов — Кавказ. Известно, что эти хищники не кочуют. Уйти так далеко шакалов заставила, по мнению охотоведов, чеченская война.

Крысы-алкоголики

На складе одного из коммерческих магазинов Пензы сторож каждое утро стал обнаруживать на полу разбитые бутылки из-под водки. Повысив бдительность, он «застукал» за этим занятием крыс, которые залезали на верхние полки, сбрасывали оттуда бутылки и пьянствовали. Поймали их просто: в крысоловки положили приманку в виде ваты, смоченной водкой.

С любимыми не расставайтесь

Южноафриканский зоолог Вернер Круамп удивил посетителей выставки членистоногих, посадив скорпиона на свою щеку и продемонстрировав тем самым, что это существо необязательно смертельно опасно для человека. Выставка, проходившая в Йоханнесбурге, закончится большим торжественным ужином, гостям которого будут предложены жареные термиты, сушеные кузнечики и прочие экзотические блюда.

Каждого охотника ждет инфаркт

Охота на оленей таит повышенный риск сердечных заболеваний. С таким предупреждением выступили специалисты на ежегодной конференции кардиологов США. Свой вывод медики основывают на наблюдениях за охотниками штата Мичиган. В наблюдаемой группе из 25 человек у 17 было диагностировано развитие заболевания коронарных сосудов. Возбуждение, связанное с выслеживанием зверя, перенос тяжелой добычи на большие расстояния грозят охотнику внезапным сердечным приступом.

●
**ОХОТА
 ЗА...
 БОЕПРИПАСАМИ**
 ●
**НОЧНОЕ
 ПРОИСШЕСТВИЕ**
 ●
**БУДУТ
 ЛИ НАКАЗАНЫ
 БРАКОНЬЕРЫ?**

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Ранее я уже обращался в ваш журнал, по профессии я учитель. С ружьем и удочкой общаюсь четверть века (с 10 лет). В вашем журнале № 3 за 1997 г. прочитал статью профессора В. Слепушкина «Много ли дичи добывает охотник?» и, поддерживая его мнение, хочу поделиться своими наблюдениями.

Многие годы человека с ружьем обвиняли в уничтожении всего живого, но серьезно проанализировать ситуацию, по-моему, никто не брался.

Зная всех охотников в нашей округе, с уверенностью могу сказать, что никто особенно и не охотился у нас на зайцев, глухарей, тетеревов, рябчиков, но зверя и птицы никогда не становилось больше.

Но вот в связи с трудным экономическим положением в стране прекратили свое существование такие организации, как «Агрохимия». Внесение удобрений в нашем районе полностью прекратилось. Многие животноводческие комплексы были признаны нерентабельными, а значит, закончился спуск в реки навозной жижи.

И вот с 1993 г. мы стали замечать увеличение численности зайца, глухаря, тетерева, рябчика, больше стало лисиц. Свежие следы животных встречали каждое утро на школьной лыжне. В реках Костромской области появился хариус, о котором раньше знали только из литературы.

Н. ЦВЕТКОВ
 Костромская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Я охотник-любитель с детства, сейчас — пенсионер. Времени свободного достаточ-

но. Охотничья страсть не угасла, даже наоборот. Как и многие сочинские охотники, считаю наиболее привлекательной охоту на дикого голубя-вяхира.

В разгар голубино-нашествия на лесные уголья Сочинского государственного национального парка я договорился с друзьями выехать на охоту.

Встретиться договорились в пять часов утра у гаража. А примерно в четыре я вышел из дома в полной экипировке — рюкзаком за спиной и заряженным ружьем. Так я делал уже не раз, когда шел в гараж по темным безлюдным улицам.

Вдруг справа поперек бульвара проезжает легковушка и поворачивает мне навстречу, определяю — «жигуленок». Как только машина поравнялась со мной, из нее выскочили двое мужчин в штатском и скомандовали: «Милиция, стойте!» Я успел отскочить на газон, мгновенно взял ружье в руки стволами вверх и тем же тоном отвечаю: «Не вижу, что вы милиция. Не по форме. Я охотник, ружье заряжено, не подходить!»

Стоим, смотрим друг на друга. В это время с противоположной стороны бульвара какой-то мужчина кричит: «Что у вас там?» Ответ: «Какой-то чужак с ружьем». Вижу, подходит третий мужчина, тоже в штатском. Один из них говорит:

— Мы должны проверить вас, почему ружье не зачехлено?

Отвечаю:

— Для самообороны. Убегать не собираюсь, и вас не подпущу. Предлагаю дойти до стоянки машин, там есть люди, там свет и телефон. Там и проверим.

Молчание. Я вышел на середину освещенного бульвара, машину с тремя мужиками наравне со мной тоже начала движение. И вдруг на ней вспыхивает милицейская мигалка. Теперь ясно — это действительно милиция! Курки на предохранители, ружье за спину и к машине.

— Почему сразу не включили мигалку?

Вместо ответа один вышел из машины, вынул удостоверение и поднес к светящейся фаре. Я читать не стал, и так все ясно. Но ведь и меня надо понять, такое время, их трое, а я один.

Старший из милиционеров сказал:

— Документы можно не показывать, верим. Давайте доведем вас до гаража.

Вот так поступили эти работники милиции, а могло быть и похуже, они ведь тоже вооружены.

Обо всем этом я рассказал товарищам-охотникам. Выяснил, что многие из них также добиваются в ночное время до вокзала с заряженными ружьями. Все боятся напороться на бандюг,

для которых зачехленное ружье — хорошая приманка.

А что по этому поводу думают правоохранительные органы? Существует Устав, который запрещает носить оружие в населенных пунктах незачехленным. Как хочешь, так и решаю свою безопасность, да и других тоже. Устав-то был написан не в такое криминальное время, как сейчас.

И. ГРИГОРОВ
 г. Сочи

Уважаемая редакция! На территории Белоомутского охотхозяйства Луховицкого района Московской области три года запрещена охота на лося в связи с его малочисленностью. Большой урон поголовью лосей и кабанов наносят волки, которые вот уже несколько лет обосновались в наших лесах. Все попытки егерей с местными охотниками отстрелять их были неудачными, уж очень хитрыми оказались эти звери — то уйдут из оклада, перепрыгнув через флажки, а то уходят «за кордон» в Рязанскую область.

В конце января бригада работников охотхозяйства в очередной раз выехала в лес на отстрел волков. Они были найдены, оставалось только зафлажить. И вдруг в полукилометре от нас на закрытой территории испытательной станции АИИ им. Громова раздалась выстрелы. Стрельба велась по цепи вдоль дороги очередями и одиночными выстрелами. Это были браконьеры. Охотники поспешили туда и недалеко от дороги обнаружили убитую лисицу, в метрах 80 — следы двух лосей, которые ушли с большой кровью, затем дорогу пересек еще один подранок лось.

Браконьерами оказались жители Раменского и Люберецкого районов. Эта браконьерская охота была организована не без помощи работников испытательной станции. На дороге стояли грузовая машина и снегоход «Буран». С нами находился работник милиции. У браконьеров было отобрано 8 ружей и снегоход.

На следующий день недалеко от этого места было обнаружено два мертвых лося.

Неужели и на этот раз браконьеры уйдут от ответственности, как это было три года назад, когда на этой же самой территории работники станции отстреляли лосиху? Чтобы не было большого шума, руководители этой «охоты» подставили «стрелочника» — рядового рабочего этой же организации, который всю вину взял на себя. Хотя он и ружья-то в руках никогда не держал и даже не знает, что у лосих

не бывает рогов. Но наш «гуманный» суд всему этому поверил.

В. ШЛЫГИН
 Московская обл.

6 сентября 1997 года исполнилось 60 лет доктору биологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Республики Карелия, Почетному члену республиканского общества охотников, заведующему лабораторией зоологии Института биологии Карельского научного центра РАН Петру Ивановичу Данилову.

Юбиляр — читатель «Охоты и охотничьего хозяйства» с первых выпусков журнала, его автор и почитатель на протяжении многих лет, заядлый охотник и легионер, большой знаток охотничьей фауны, ревностный защитник российской природы.

Он по-прежнему легок на подъем, неутомим и удачлив в охоте, окружен друзьями, единомышленниками и учениками.

Рады и дальше видеть Петра Ивановича в добром здравии, среди авторов журнала и в охотничьих угодах, с которыми связана вся его жизнь.

Друзья и коллеги

ЗАПЧАСТИ
 к отечественной мототехнике
 и снегоходу «Рысь»;
 термосы с металлической колбой
 Высылаем
 наложенным платежом
 107258, Москва, а/я 19

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Здравствуй, уважаемая редакция моего любимого журнала! Мне 23 года, работаю учителем в поселке Навия Брянской области. Сколько себя помню — всегда был охотником и читал ваш журнал. Выписываю его с 1991 года, при случае приобретаю более ранние выпуски, имею довольно обширную охотничью библиотеку. С детских лет мечтал работать в охотничьем хозяйстве, но судьба распорядилась по-иному: в 1996 году закончил педагогический институт по специальности преподаватель биологии и географии (сказалось увлечение охотой).

Охотничьему делу отдаю все свое свободное время, больше всего люблю охоту с гончими. Эту любовь привил мне отец. Имена наших гончих навсегда останутся в моей памяти, ведь они были членами нашей семьи. Последняя наша русская пегая выжловка Затеяка прожила у нас без малого 15 лет, и лишь последний охотничий сезон она не работала. Сейчас охотимся с ее сыном Рыдаем.

Заметил, что дичи в последнее время становится все меньше. Посылаю вам фотографию удачной охоты, если возможно, поместите в журнале. Хотел бы переписываться с охотниками из других областей нашей страны, мечтаю поохотиться на глухаря на току, у нас с ними «напряженка». Собратья по страсти, пишите по адресу: 242136, Брянская обл., Навинский р-н, с. Лески. Утраванову В. В.

Добрый день, уважаемая редакция! Впервые обращаюсь в ваш журнал. Мой муж охотник-любитель, вместе с ним читаем мы «Охоту и охотничье хозяйство», обсуждаем и спорим, до глубины души возмущаемся бесщедностью, порой жестокостью, с которой люди подходят к родной природе. Охотник должен быть, даже обязан — вдумчивым и милосердным!

Надеюсь, вы опубликуете мои стихи. Может быть, кому-то они послужат сигналом к добру и пониманию, помогут осознать ту грань, переступив которую человек перестает быть человеком. Я люблю свой край, восхищаюсь его красотой и богатством природы и хочу, чтобы кто-то понял меня, стал хоть немного добрее и духовно богаче.

Мой край лесной. Какая тишь и благодать!
Хранят молчание таинственности дни.

Здесь каждый кустик говорит: «Присяжь»,
березка каждая мне шепчет: «Отдохни»...

Души своей тревоги и волнения
В стволах могучих сосен растворяю,
С каким великим, страстным упоением
Я на заре внимаю глухарю!

Я с песнею любви его сливаюсь,
Сливаюсь с трепетом его души.
И в этот миг я не живу — я растворяюсь,
Остановись рассвет. День новый — не спеши.

Какие бы ни выпали мне муки —
Ты здесь во мне, во всех моих делах.

Мой край родной! Протягивая руки,
Я вижу добрый свет в твоих глазах.

Мне радостно от нив твоих и пашен,
От белизны берез твоих — светло.

Для сердца моего нет края краше,
Здесь мой очаг, а значит, и тепло.

Мой добрый край! Я знаю, нет красивей
Твоей неповторимой красоты.

Ты — крохотная часть большой России.
А для меня Россия — это ты!

М. КОЗЛОВА
Красноярский кр.

В ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ОХОТНИКОВ

Здравствуй, уважаемая редакция! К вам обращается заместитель председателя первичного коллектива № 2 г. Полевского Свердловской области. Выписываю журнал регулярно с 1972 года. Решил обратиться с вопросом о госпошлине, которую охотник обязан платить ежегодно. Думаю, что этот вопрос волнует не только меня.

За 1995 год мы заплатили госпошлину в размере 5 рублей. За 1996 год она выросла до размера минимальной заработной платы, то есть 75 тыс. рублей, причем в квитанции указывали, что ее получатель — местный бюджет. В этом году величина госпошлины опять 5 рублей.

Возникает вопрос, кто же устанавливает сумму госпошлины: государство или местные власти? Городское общество ссылается на областное, а областное — на Москву.

Прошу вас дать разъяснение, кто определяет размер госпошлины, могут ли влиять на ее размер местные власти и областное общество? И второй вопрос: если размер госпошлины за 1996 год определен неправильно, то кто вернет нам деньги?

Ю. КАЛМЫКОВ
Свердловская обл.

Уважаемый Юрий Федорович! Центральное правление ассоциации «Росохотрыболовсоюз» в ответ на Ваше письмо сообщает следующее.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 09.12.91 г. № 2005-1 на территории Российской Федерации с граждан было предусмотрено взимание государственной пошлины за выдачу разрешения на право охоты в размере 5 рублей.

В январе 1996 года вступил в силу Закон Российской Федерации от 31.12.95 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной пошлине», в котором взимание госпошлины за выдачу разрешения на право охоты не предусмотрено.

Таким образом, требование к Вам со стороны любых должностных лиц об оплате госпошлины за выдачу разрешений на право охоты неправомерно.

Для решения вопроса о возврате денег Вы можете в соответствии со ст. 6 пп. 4 и 5 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной пошлине» обратиться с соответствующим заявлением в финансовый или налоговый орган, на чей счет были зачислены выплаченные Вами деньги.

Заместитель председателя
Центрального правления
Н. Г. МАГОМЕДОВ

ЗАПОМНИВШИЙСЯ ВЫСТРЕЛ

Раннее утро в начале октября. Иду вдоль протоки, внимательно и не спеша осматриваю водную гладь плесов. Уток надо заметить первому, а дальше уже думать, как незаметно подобраться... На одном из плесов вижу точки на воде, явно перемещаются; точки крупные и много — насчитал штук 20. Похоже, кряквы. Осторожно ухожу в сторону и соображаю, как лучше действовать. Место знакомое: вдоль обрывистого берега тянется канавка или низинка, по ней можно на пузе ползком подобраться к этой стае метров на 30—35. Самое оно! Проверяю патроны в стволах — в правом пятерка, в левом четверка. Утка уже осенняя, заживевшая, крепкая, а эти номера на такой дистанции то, что надо. Патроны сам заряжал — сомнений нет. Всю осень стрелял — не подводили, если, конечно, попадал. А дальше все сделал, как задумал. Добрался до намеченного места. Ружье готово к действию, осторожно, не дыша, тихонечко поднимаю голову — точно, кряквы и селезней много. Только вот рассыпались на половину плеса, плавают поодиночке: больше одной-двух не взять. Решил подождать, когда хоть несколько штук сплывутся. Тогда — первым по сидячим, вторым — влет. Как обычно. Но не очень-то сплываются, поэтому лежу и жду. Утки кормятся — и под водой чего-то находят, только зады торчат, и сверху какой-то корм подбирают. Но вот долгожданный миг — сразу с десяток уток и селезней подтянулись к одной крякве, которая очень активно щелочила тину. Плотная группа образовалась. Мушка упирается в это скопление. Грохот выстрела — снап дробь накрывает уток... Шум крыльев — ловлю стволами здорового селезня... Мимо!

На воде пусто, а стая стремительно уходит в сторону сопок. Вот это да! Так по сидячим мазануть! Ничего не понимаю, такое произошло первый раз, поэтому слежу за стаей, может, зацепил какую-нибудь крякуху... На охотах в степи я убедился, что большое количество подранков пропадает при стрельбе в местах, заросших камышом, кустами, травой, когда невозможно долго следить после выстрела — по стае на воде или в полете. Выбив какое-то количество птиц, я наблюдал за их перемещением, и случалось, что одна, а то и две птицы из стаи, пролетев 100, 200 и более метров, начинали снижаться и падали обычно замертво. Но это не в зарослях, а в степи, где я подранков практически не терял. Вот и теперь я внимательно провожал глазами кряковых, уверенный, что не промахнулся... Но стая уходила все дальше и дальше, и наконец я потерял ее из виду. Ни одна не упала! Раскрыл ружье, вытащил гильзы, посмотрел (может, порвало. Тогда хоть какое-то оправдание для души охотника будет). Целые, приятно пахнут сгоревшим порохом. Понюхал, заглянул внутрь зачем-то... Я до того ошалел от случившегося, что в узком месте перебрался через протоку и пошел туда, где сидели кряквы, по которым так бездарно лупанул. По дороге вытащил пару патронов, проверил, — может быть, какое-нибудь старье нечаянно взял. Нет, нормальные патроны. Зарядил ружье и решил по воде выстрелить, чтобы увидеть, как дробь ляжет. Подхожу к злополучному месту, перышки плавают и много... Но перышки — не утки! И вдруг из-под ног чирок-подранок выскакивает и бежит по воде, помогая себе крыльями. Отпускаю подальше, чтобы не разбить зарядом. Дробь легла прекрасно — кучно, резко. Чирка даже отбросило на метр-полтора. А я его и не видел среди крякв — ведь долго ждал, пока сплывутся. Видно, на роду ему так было написано — подвернуться под шальную дробину среди десятка кряковых. Вытащил, на удавку привесил. Да, пара или тройка кряковых гораздо лучше бы смотрелась... Вдохнул и пошел дальше за своим охотничьим счастьем. И вспомнил о старинном охотничьем выражении: «Дробь бубликом пошла». А у меня сразу два бублика оказалось.

Ю. ШЕВЯКОВ

ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ О СОБАКАХ

* * *

- Это правда, что ты имеешь пса, который может распознать любого жулика? — спрашивает сосед соседа.
- Правда.
- А где же он, я его не вижу?
- Пришлось продать.
- Почему?
- Начал кидаться на меня.

* * *

- Жена пытается научить собаку служить. Муж замечает:
- Так у тебя ничего не выйдет, дорогая.
- Ничего, — отвечает жена, — сначала у меня с тобой тоже ничего не получалось.

* * *

В театре режиссер обнаружил, что одно из мест в пьесе занимает шотландская овчарка — колли. Наблюдая за ней, он заметил, что колли получает от спектакля видимое удовольствие, хихикая или кручинясь в зависимости от поворотов сюжета.

- В антракте режиссер подошел к хозяйке колли:
- Я поражен: ваш пес, по-видимому, в восторге от спектакля.
- Знаете, — ответила хозяйка, — я сама поражена не меньше вашего. Когда он эту пьесу читал, она ему абсолютно не понравилась.

* * *

- Это безобразие: ваш пес выл под моим окном всю ночь!
- Ничего, не огорчайтесь: он выспится днем.

* * *

Охотник утром выходит на крыльцо. К нему подбегает соседка и жалуется, что его Рекс загрыз несколько ее кур. Тот постоял в раздумье, потом вымолвил: «Рекс не виноват. Курей надо привязывать!»

* * *

- Ваша собака кусается?
- Моя — нет.
- Прохожий двинулся было дальше, но в это время пес ка-а-ак хватит его за ногу! Бедняга возмутился:
- Вы же сказали, что ваша собака не кусается!
- А кто вам сказал, что это моя собака?

* * *

- Знаешь, моя собака совсем обленилась.
- Что ты говоришь? А что такое?
- Ну как же. Раньше, чтобы погулять, она приносила поводок, а теперь — ключи от машины.

* * *

Разговор между собаками:

- Я слышал, ты укусила своего хозяина.
- Да.
- А зачем?
- Он надел мою медаль.

Из коллекции Анатолия САФОНОВА

НА ПРИВАЛЕ

ПОЧЕМУ СТРАЩАЛ МЕДВЕДЬ

Мое знакомство с одним из лучших ильчских промысловых охотников коми Яковом Поповым состоялось 30 лет назад.

Метрах в трехстах от реки на берегу ручья, на взгорке в густом хвойном лесу притулилась промысловая избушка, по наружному обмеру около 10 квадратных метров, с одним наибольшим окном. Внутри налево от двери — лежанка, накрытая большой шкурой лося. За ней в углу — грубо сложенная из речных камней небольшая печь с железной трубой. Вдоль двух стен лавки у окна — подсобие стола, под низким потолком — полки, вешала для просушки одежды и обуви. Вот и вся «меблировка» избушки, временного жилища промысловика. По Ильчу и его притокам таких избушек немало, в осеннюю непогоду и зимнюю стужу они особенно милы охотникам и рыбакам.

Сварили суп из уток, уху из хариуса, заварили ведро крепкого чая. Поужинали и лайку Пихту накормили. Прилегли отдохнуть на лежанку, занимавшую четвертую часть «жилой площади», как раз втроем уместились. За стеной избушки шумит тайга, прыгает по камням ручей, громко шумят водяные струи.

Стемнело быстро. Зажгли копилку. Печь подсвечивает, распространяет тепло. Уютно и хорошо нам. Как всегда в обстановке, располагающей к откровенности, попросили хозяина рассказать, как был добыт зверь, на шкуре которого мы отдыхаем.

Помолчав, Яков Александрович, словно собираясь с мыслями, заговорил:

— Не я добыл этого сохатого, медведь задавил его на гари, выше по ручью, а моя пуля достала того медведя. Прошлый год было примерно об эту пору. Пошли мы с Пихтой поутру глухарей пострелять. Ружьишко у меня, сами видите, неважноецкое с виду, старая курковая одностоволка, но бой хороший. В патронташе дробовые патроны, один-два пулевых на всякий случай для крупного зверя. У Пихты широкий поиск, далеко уходит, поэтому, чтобы не отслушать, временами останавливался, прислушивался, не слышно ли где ее лая. Шел я по краю старой гари, пробирался среди валежин не спеша. Вдруг на другом конце гари неподалеку медведь заревел. Перезарядил на всякий случай ружье на пулевой патрон. Медведь уже ревет ближе, еще ближе, в мою сторону идет зверь. Немного не добежав до меня, вздыбился, ревет, кричит, будто ругается. Глаза маленькие, красноватые, налиты злобой; пасть багровая, огромная, даже плюется. Ну и я шибко на медведя заругался: чего на пулю лезет. А медведь все больше ярится, вот-вот бросится. Боязно было мне стрелять медведя, но пришлось — бросился он на меня. На выстрел Пихта примчалась.

Интересно мне было узнать, почему так стращал меня медведь. Пришел я на место, откуда первый рев медведя донесся. Вижу набросана большая куча валежника, моха, разного лесного хлама. Раскидал, а там задавленный медведем лось лежит, этот самый. У медведей такая повадка. Стереж зверь свою «поклажу» от другого зверя, а тут меня услышал и стал отгонять. Потом уже понял я, что нужно было уйти по-хорошему, не стоять на месте, не сердить своим присутствием...

М. ВОЛКОВ,
охотовед

Беловежская пуца и ее исконный обитатель зубр, хотя бы по названию, известны каждому образованному человеку. Пуца охраняется и считается заповедным государственным лесом с XIV века. Благодаря тому что со времен Владимира Мономаха она была охотничьим угодьем главы государства, ей удалось сохранить свой первобытный облик. Кто здесь только не охотился: князья, короли, цари, генсеки, президенты, генералы, космонавты... Под кронами вековых дубов с чашкой чая и рюмкой коньяка принималось не одно политическое решение.

Не менее, чем политических деятелей, Беловежская пуца влекла к себе художников и писателей. Возможно, именно здесь зародилась у знаменитого русского живописца Шишкина идея написать картину «Корабельная роща». Во всяком случае, в 1892 г. весной и летом он находился в пуце и выполнил ряд этюдов с природы. Особое удивление у посетителей вызывают деревья-великаны, немые участники событий. На снимке вы видите один из дубов, сохранившийся на белорусском участке пуцы. Несмотря на свой преклонный возраст (ему около 700 лет!), он еще плодоносит... и помнит топот копыт исчезнувших лесных лошадей-тарпанов, стук топора корабельных мастеров. Он выстоял перед всеми невзгодами и будет жить в приближающемся тысячелетии.

Н. ЧЕРКАС,
фото автора

ПОКА ПОБЕЖДАЮТ БРАКОНЬЕРЫ

Хорошо вооруженные банды браконьеров численностью до 50 человек каждая нагло вторгаются в африканские заповедники диких животных, нападают из засады на зрителей и отстреливают в большом количестве слонов и носорогов. Массовое убийство животных наносит тяжелый ущерб природе. За последние 20 лет в Кении, например, популяция слонов уменьшилась на 85 %, а количество черных носорогов по всей Африке сократилось до нескольких тысяч. Эксперты из Международного фонда охраны живой природы считают, что сегодня каждую неделю незаконно отстреливается не менее 100 слонов, бивни которых идут по цене примерно 80 долларов за фунт. Рога носорогов, широко используемые в странах Среднего Востока в качестве материала для изготовления рукояток традиционных кинжалов, а в странах Дальнего Востока — в народной медицине, могут приносить доход до 24 000 долларов за каждый добытый рог.

Е. СОЛДАТКИН

ТИХОНОВ А. Охотничьи ресурсы России	1
ДЕЖКИН В., ЛИХАЦКИЙ Ю., НИКОЛАЕВ А. Юбилей Воронежского «бобрового»	4
КОРЫТИН С. Московский пушно-меховой	8
БОРЕЙКО В. Неуслышанная правда	10
ВАРНАКОВ А. На косылу с манком	12
КУЧЕРЕНКО С. Амурский лесной кот	14
БИРЮКОВ В. На Оби и ее притоках	18
ХОХЛОВ А. В Джунгарское алатау за маралом	20
КАМЕРНИЦКИЙ А. Чутье легавой	22
РОМАШЕВ В., ЛЕСНИКОВ А. Демодекос у собак Воронежа	25
БЛЮМ М. Дробовые патроны	26
ЛЯПИН Н. и др. Новые сферические пороха для охотничьих патронов «ковбой»	28
Памяти Я. С. Русанова	29
АЛЕХИН И. Вкус бекаса	30
ЧЕРНЫШЕВ В. Час вороны	34
ЕГОРОВ О. Путем-дорогою	38
ШУМАКОВ Ю. Стихи	39
БЛЮМ М. Испытание оружия в Италии	40
ТЕПЛЯКОВ В. Некоторые особенности карабинов «Тигр»	41
Информация из газет	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	17, 27, 29, 44

На первой странице обложки: Марал — обитатель таежных и горных лесов от Алтая до Байкала. Интродуцирован в ряде районов Урала и Европейской России

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки: Джунгарское Алатау — большая горная страна. Бинобль позволяет обнаружить зверя издали, прежде, чем он первым обнаружит вас.

Фото А. Хохлова
к очерку «За маралами в Джунгарском Алатау»

На четвертой странице обложки: Охотничий лагерь всегда стараются расположить в красивом месте, поближе к воде и дровам.

Рекордный трофей французского охотника. Эти рога марала весят более 17 кг.

Фото А. Хохлова
к очерку «За маралами в Джунгарском Алатау»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Держкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 03.07.97 г. Подписано к печати 31.07.97 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 39066. Заказ 1086.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени

Чеховский полиграфический комбинат

Государственного комитета Российской Федерации по печати

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336 факс (272) 62-536

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90. № 452.

СОВЫ

Ястребиная сова — типичный обитатель таежных (не слишком густых) лесов Евразии и Северной Америки. Изолированные поселения обнаружены в ельниках Тянь-Шаня и на Джунгарском Алатау. Местами она весьма обычна (Кольский п-ов, Якутия), хотя ее численность во многом зависит от «урожая» грызунов.

Размером с ворону, ястребиная сова хорошо отличается от других видов сов поперечнополосатой («ястребиной») окраской брюшного оперения. Верх груди светлый с порциями темных перьев по краям. Горло белое с темным пятном посередине. Светлый лицевой диск по краям окаймлен буро-черными перьями. Вторая порция черных перьев, начинающаяся от височной области, окаймляет светлый затылок, в центре которого имеется темная зона. Темный верх головы усян мелкими белыми пестринами. Верх спины однотонно-бурый, а остальная часть оперения покрыта белыми пятнами разного размера, часто сливающимися на плечах в сплошную светлую полосу. На довольно длинном хвосте до 7 узких поперечных белых полос. Лапы опушены до когтей (черных). Радужина и клюв желтые. Имеется подвидовая и индивидуальная изменчивость окраски.

Отчасти сходны с ястребом и приемы охоты этой совы. Она охотится не только в сумерках, но и днем, не только с присады, но и в скользящем над землей полете. Как пустельга, может зависать трепеща, на одном месте. При недостатке грызунов (основной корм) может переключаться на птиц, атакуя даже таких крупных, как тетерев. Брачный крик самца ястребиной совы — своеобразная трель: «урлю-лю-лю-лю-лю...» (схожа с криком зеленого дятла). Самка отвечает надсадным хрипением. Вторая трелька самца — увыстряющиеся «ки-ки-ки...» — напоминает голос репелятника. Ястребиная сова гнездится не только в дуплах, она часто устраивает гнезда на вершинах обломанных стволов, заселяет гнезда врановых и хищных птиц. В кладке 3—5 яиц (до 13). Птицы активно защищают гнездовой участок. В конце третьей недели они могут покидать гнездо. В голодные годы часть ястребиных сов совершают кочевки на юг.

Иглоногая сова — выходец из тропической Азии и на нашей территории встречается только в Приморье и Приамурье. Этот редкий вид занесен в Красную книгу России. Она мельче размерами и также похожа на дневную хищную птицу (мелкого сокола). Перьевые «ушки» отсутствуют, лицевой диск не выражен, голова небольшая, крылья и хвост длинные, полет быстрый, маневренный, позволяющий схватывать не только летающих насекомых (основной корм), но и летучих мышей. Однако ночная активность, большие выразительные глаза с желтой радужиной, гнездование в дуплах и внешний вид птенцов позволяют безошибочно отнести эту птицу к совам.

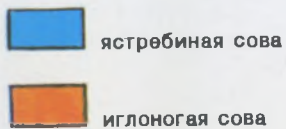
Спина сторона иглоногой совы темно-коричневая. На хвосте четыре темных полосы. На кроющих крыла и части маховых — белые пятна. По белому тону брюха крупные овальные пятна шоколадного цвета. Лапы с бурым опушением до пальцев. Желто-охристые пальцы покрыты жесткими иглообразными щетинками (отсюда название вида). Голос разнообразен, особенно в брачный период. Наиболее часто — двухсложное повторяющееся «уханье». В кладке обычно 3 яйца. Заселяет смешанные леса, предпочитая пойменные. Перелетна. Этот вид не только взят под охрану, но заслуживает дальнейшего изучения. Немного сведений имеется пока и о гнездовой жизни ястребиной совы.

В. ШИЦКИН

Ястребиная сова

Иглоногая сова

Индекс 70673 — на полгода. Цена 7000 р.

ISSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство. 1997. № 9. 1—48.